

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

ИНГУШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М. С.-Г. Албогачиева

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ
ИНГУШСКОГО НАРОДА
В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ
КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Санкт-Петербург
«Наука»
2011

УДК 39+94(=351.43)

ББК 63.3(2)

A45

Рецензенты:

д-р ист. наук В. А. Дмитриев,

д-р ист. наук Р. Р. Рахимов

Ответственный редактор

д-р ист. наук Ю. Ю. Карпов

Албогачиева М. С.-Г.

A45 Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX в. СПб.: Наука, 2011. — 180 с., ил.

ISBN 978-5-02-038270-1

Монография представляет собой первый опыт сведения в единый корпус всего историко-этнографического материала, имеющего отношение к Ингушетии и ингушам, который рассредоточен в многочисленных печатных и архивных письменных источниках, датируемых концом XVIII — первой третью XX в. Все материалы, выявленные в ходе исследования, выделены в отдельные группы в соответствии с основными аспектами этнографических исследований: хозяйство, материальная культура, духовная культура, общественные и семейные отношения, административное устройство, судебная система.

Издание адресовано этнографам, историкам, археологам, специалистам смежных исторических дисциплин и широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой народов Кавказа.

УДК 39+94(=351.43)

ББК 63.3(2)

На обложке: замок-крепость «Вовнушки» в горной Ингушетии.

ISBN 978-5-02-038270-1

© М. С.-Г. Албогачиева, 2011

© МАЭ РАН, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	5
Глава I. Письменные источники и исследователи по этнографии ингушского народа конца XVIII — первой трети XX в.	10
§ 1. Письменные источники и исследователи второй половины XVIII в.	10
§ 2. Письменные источники и исследователи первой половины XIX в.	15
§ 3. Письменные источники и исследователи второй половины XIX в.	23
§ 4. Письменные источники и исследователи первой трети XX в.	37
§ 5. Архивные источники	42
Глава II. Ингушетия в составе Российской империи.	49
§ 1. Территория расселения и населенные пункты	49
§ 2. Ингушетия в условиях административно-судебных и военных реформ XIX в.	58
Глава III. Общественные и семейные отношения	68
§ 1. Общественный строй	68
§ 2. Семья и семейная обрядность	85
Глава IV. Хозяйство	99
§ 1. Земледелие и порядок землепользования	99
§ 2. Скотоводство	106
Глава V. Материальная культура	110
§ 1. Жилище	110
§ 2. Пища	114
§ 3. Одежда	117

Глава VI. Духовная культура	123
§ 1. Традиционные религиозные верования ингушей	123
§ 2. Образование	144
Заключение	154
Использованные источники	157
Библиография	162
Список сокращений	177

*Посвящается памяти
Албогачиева Ахмеда Исламовича*

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории и комплекса культуры конкретных народов составляет одну из неизменных и главных задач этнографической науки. Однако ее решение возможно только при наличии широкой источниковой базы — материалов антропологических, археологических исследований, солидного корпуса письменных источников, а также полевых материалов этнографов, фольклористов и т.д. В данном списке письменные источники занимают особое место, так как только благодаря им можно документально проследить и проанализировать этапы развития этнической истории и культуры того или иного народа.

Ингуши — один из коренных народов Кавказского региона. В силу разных обстоятельств территория их традиционного расселения, а потому и сам народ до второй половины XVIII в. оставались почти полностью вне поля зрения посещавших Кавказ путешественников, миссионеров, исследователей. Главным образом по этой причине история ингушского народа до настоящего времени изучена историками, этнографами и другими специалистами недостаточно, можно сказать, хуже, чем история большинства других народов Кавказского региона. Систематическое и комплексное изучение Ингушетии и культуры ингушского народа началось в начале 1930-х гг. сотрудниками созданного в те годы Ингушского научно-исследовательского института. Однако имевшая место в середине XX в. депортация ингушей (как

и ряда других народов), ее последствия, совокупно с другими причинами, дававшими о себе знать в последующие десятилетия, препятствовали разностороннему и по возможности объективному изучению истории и культуры народа. Даже выявление, ввод в научный оборот и анализ источников, в первую очередь письменных, по указанной тематике оказались в 1960–1980-е гг. затруднительными. За последние 15–20 лет интерес народа к собственной истории значительно возрос, и как следствие — появилось большое количество широко тиражируемых публикаций, в которых вопросы истории и истории культуры ингушей интерпретируются достаточно вольно. Их авторы ссылаются на произвольно выбранные ими материалы и без того ограниченного корпуса источников либо вообще «изобретают» новые источники.

В свете сказанного формирование корпуса письменных источников по истории и этнографии ингушского народа и анализ самих источников на современном этапе представляются нам важным и нужным делом.

Необходимо отметить, что в отличие от многих соседних народов Кавказского региона, по которым имеются антологии или сводные характеристики письменных источников¹, подобные работы по Ингушетии и ингушам до настоящего времени отсутствуют. В 1950-е гг. Марк Осипович Косвен в фундаментальном труде «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» выявил, систематизировал по этапам и охарактеризовал большое количество письменных источников². Однако естественно, что в рамках означенной весьма широкой темы один человек оказался не в состоянии в должной мере представить обзор разнообразных источников, связанных с указанными вопросами по ингушам. Чтобы восполнить имеющийся пробел, нами была предпринята попытка проделать подобную работу. Из-за рассредоточенности материалов по архивам и библиотекам, отсутствия соответствующих архивных и библиогра-

¹ См.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974; Осетины глазами русских и иностранных путешественников / сост., предисл. и коммент. Б.А. Калоева. Орджоникидзе, 1967; *Аталиков В.М.* Наша старина. Нальчик, 1996; Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали; Владикавказ, 1981–2006. Вып. 1–6; и др.

² Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955, 1958, 1962. Вып. 1–3.

фических указателей по истории и этнографии ингушского народа в работах отечественных и зарубежных авторов конца XVIII — первой трети XX в. это оказалось весьма сложным и трудоемким процессом.

Временные пределы, представленные в книге, определены тем, что именно в конце XVIII в. начали проводиться исследования Кавказского региона, материалы которых стали первыми полноценными источниками по рассматриваемой теме; верхние же хронологические рамки работы обусловлены реорганизацией исследовательского процесса в стране в 1930-е гг., что напрямую отразилось на характере письменных источников.

В процессе работы нами был выявлен большой объем материалов, содержащих отрывочные, неверные или заимствованные из других источников сведения. Подобные материалы в данном издании не учитываются. Также нами опущены данные художественных произведений и литература по фольклору, поскольку их исследование, оценка публикаций текстов требуют особых познаний в соответствующих областях науки.

Данная работа представляет собой первый опыт сведения в единый корпус всего историко-этнографического материала, имеющего отношение к Ингушетии и ингушам, который рассредоточен в многочисленных письменных источниках, печатных и архивных, датируемых концом XVIII — первой третью XX в.

* * *

Предваряя анализ источников и содержащихся в них материалов, кратко охарактеризуем основные категории работ.

Ценную группу источников представляют опубликованные труды членов академических экспедиций конца XVIII — начала XIX в. — сведения, собранные И.О. Георги, И.А. Гильденштедтом, П.С. Палласом, Ю. Клапротом, М.Ф. Энгельгардтом и др.

Интересные материалы были собраны Л.Л. Штедером, П.Г. Бутковым, С. Броневским, И.Ф. Бларанбергом, Ф.И. Леонтовичем и другими, которые много лет находились на военной и гражданской службе на Кавказе и хорошо знали быт и нравы местного населения.

Наиболее ценными из опубликованных в дореволюционное время источников являются 12-томные «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК). В них содержатся материалы, касающиеся российской политики на Кавказе с 1762 по 1862 г., в том числе документы, характеризующие российско-ингушские отношения, а также религиозные воззрения ингушей.

Большое значение для изучения истории и этнографии ингушей имеют материалы «Сборника сведений о кавказских горцах» (ССКГ), «Сборника сведений о Терской области», в которых публиковались первые ингушские и чеченские исследователи — Ч. Ахриев, А. Базоркин, У. Лаудаев.

Очень богатый и содержательный материал об ингушах и Ингушетии имеется в периодической печати, преимущественно в газетах «Терские ведомости», «Кавказ», «Русский инвалид», «Терек» и др.

Задача наиболее полного изучения заявленной темы определила необходимость детального анализа архивных материалов. Сбор материалов производился в федеральных, региональных, краевых архивах и архивохранилищах музеев и библиотек.

Несмотря на значительный объем исследованного материала, в монографии раскрыты не все аспекты этнической истории и традиционной культуры ингушей. Хуже всего в письменных источниках описаны народные промыслы, ремесла, народные праздники, этикет. Существенным пробелом является и отсутствие работ по народной медицине. Содержащиеся в источниках сведения по данным темам фрагментарны, что естественно, если учитывать задачи, которые ставили перед собой их авторы.

Наиболее изученными оказались религиозные верования, особенно в контексте христианского влияния на религиозную составляющую жизни народа. Хорошо описано обычное право, так как эта тема была актуальна и важна не только в связи с научными целями, но и для успешного управления краем.

Обобщив весь имеющийся материал, нам удалось сгруппировать его в следующие тематические блоки:

- территория расселения и населенные пункты;
- административно-судебная и военная реформы второй половины XIX — начала XX в.;
- общественные и семейные отношения;
- земледелие и порядок землепользования;
- скотоводство;
- жилище; пища; одежда;
- традиционные религиозные верования ингушей;
- образование.

Все указанные темы раскрыты с различной степенью полноты, так как за основу взяты материалы письменных источников.

Данная работа представляет собой первый опыт сбора и обобщения материала по истории и этнографии ингушского народа. Несомненно, дальнейшее изучение этой темы требует более глубокого анализа источников и привлечения новых данных.

менно, источников по данной теме может быть больше представленных в работе. Их выявление и анализ составят задачу будущих трудов. Надеемся, что наша работа послужит хорошим подспорьем для исследователей в данной области и побудит их к новым изысканиям.

Выход в свет моей книги «Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX в.» во многом состоялся благодаря доктору исторических наук, заведующему отделом этнографии Кавказа МАЭ РАН Ю.Ю. Карпову, которому я выражаю глубокую признательность. На этом нелегком пути он оказывал мне всестороннюю помощь и поддержку в плодотворном завершении такого важного и нужного труда по этнографии и истории ингушского народа.

Глава I

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПО ЭТНОГРАФИИ ИНГУШСКОГО НАРОДА КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

§ 1. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Начало комплексного изучения Российской империи, а также Кавказского региона (большая часть которого еще не входила в состав империи) было положено во второй половине XVIII в. в ходе так называемых академических экспедиций (1768–1775), организованных Санкт-Петербургской академией наук. Кавказский регион исследовали: И.А. Гильденштедт — Северный Кавказ, Грузия; С.Г. Гмелин — Дагестан, Азербайджан, И.П. Фальк — Восточное Предкавказье. В 1793–1794 гг. экспедиционные исследования на Кавказе проводил П.С. Паллас.

Эти исследования позволили собрать, помимо прочего, ценные материалы по истории, этнографии, археологии, географии, экономике и языкам многих народов Кавказа¹. Помимо ученых — членов Петербургской академии наук — более или менее подробные сведения о народах Кавказа были изложены иностранными путешественниками и военными, состоявшими на службе в России.

Хронологически первое произведение этого периода принадлежит **Иоганну Антону Гильденштедту** (1745–1781) — врачу, естествоиспытателю, академику Петербургской академии наук (1771). Образование

¹ *Лавров Л.И.* К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. 5. С. 6.

получил в Германии, в 1767 г. ему была присвоена степень доктора медицины², в 1768 г. приглашен в Россию. В 1768—1775 гг. по поручению Петербургской академии наук совершил путешествие по юго-востоку европейской России, с 1770 по 1773 г. — по Кавказу: побывал в Кизляре, Кабарде, Ингушетии, Осетии, Грузии.

При жизни труды ученого не были опубликованы, подготовкой его записей к публикации занимался П.С. Паллас, который в 1787—1791 гг. издал в двух томах на немецком языке его «Путешествие по России и Кавказским горам»³. В 1809 г. на русский язык были переведены и изданы лишь систематические извлечения из палласовского издания, оформленные К. Германом под названием «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809»⁴. В книге описаны все народы Северного Кавказа в кратком изложении по следующему плану: географическое положение, границы, общественный строй, хозяйство, внутреннее административное деление области, язык, религия, внешность, нравы. В 1960—1970-х гг. были опубликованы переводы частей работы Гильденштедта (по изданию П.С. Палласа), касающиеся Осетии⁵, Черкесии и Балкарии⁶.

Репорты, дневники и карты, составленные И.А. Гильденштедтом, хранятся в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук⁷. Все выявленные материалы в полном объеме были использованы в изданной в 2002 г. книге И.А. Гильденштедта «Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг.». Она содержит первый полный перевод на русский язык всего комплекса историко-этнографических и лингвистических материалов И.А. Гильденштедта по Кавказу⁸. В этом изда-

² Копелевич Ю.Х. Иоганн Антон Гильденштедт. М., 1999. С. 13.

³ *Güldenstädt J.A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge* / hrsg. von P.S. Pallas. St. Petersburg, 1787. Bd. I; 1791. Bd. II.

⁴ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.

⁵ Осетины глазами русских и иностранных путешественников / под ред. Б.А. Калоева. Орджоникидзе, 1967.

⁶ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

⁷ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 33. Д. 5.

⁸ *Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг.* / пер. Т.К. Шафрановской; ред. Ю.Ю. Карпов. СПб., 2002. С. 1.

нии, в разделе «Путешествие из Астрахани в Кизляр в 1770 г.», Гильденштедт отмечал, что первым кавказским народом, с которым он имел возможность познакомиться, были ингуши⁹. Далее он дал описание границ проживания ингушей, изложил сведения о принятии ими российского подданства, об основных занятиях, жилище, вооружении, религиозных верованиях. В другой части книги («К политической географии и народоведению Кавказских гор») имеется раздел «Провинция Кистия, или Кистетия», в которой автор перечисляет округа этой «провинции», описывает их расположение, в некоторых случаях дается список населенных мест, излагаются краткие сведения о занятиях и верованиях. В дополнение дан список мужских и женских имен, а также ингушский словарь¹⁰. Данное издание, несомненно, представляет ценный источник для изучения различных сторон жизни ингушского народа в последней трети XVIII в.

Иоганн Готлиб Георги (1729—1802) — доктор медицины, академик Петербургской академии наук (1783), член Прусской, Римско-Императорской и ряда других европейских академий. Георги совершил путешествие по Кавказу и Сибири вместе с П.С. Палласом и И.П. Фальком. Результатом этой поездки стала книга «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», опубликованная на немецком языке в четырех частях в Петербурге в 1776 г.¹¹ В книге было помещено много иллюстраций. В 1799 г. вышел ее перевод на русский язык¹².

В своей работе И. Георги широко использовал труды российских и иностранных ученых. Это была первая сводная этнографическая работа о народах России, построенная на солидной научной базе¹³.

⁹ Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 238—243, 324.

¹¹ *Georgi J.G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung und übrigen Merkwürdigkeiten.* St. Petersburg, 1776. (2-е изд. Leipzig, 1782). (В русском варианте: *Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей.* Ч. II: О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. СПб., 1776—1777. (2-е изд. СПб., 1799).)

¹² *Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей.* М., 2007; *Аталиков В.М. Иностранные европейские нарративные источники XIII—XVIII вв.: дис. Л., 1983.* С. 109.

¹³ *Токарев С.А. История русской этнографии.* (Дооктябрьский период). М., 1966. С. 105.

Труд И. Георги представляет собой очерки об отдельных народах, некоторые из них обстоятельные и объемные, другие — краткие, что автор объяснял отсутствием необходимых сведений. Так, об ингушах им были изложены лишь незначительные сведения, заимствованные у И.А. Гильденштедта, иллюстрации отсутствуют. Несмотря на скудную информацию, эти данные содержат некоторые сведения о религии, жилищах ингушей и отражают состояние этнографических знаний о народе на тот период.

Леонтий Леонтьевич Штедер (годы рождения и смерти неизвестны) — уроженец Пруссии, подполковник русской армии. Служил на Кавказской линии сначала дивизионным квартирмейстером, затем, в 1790-х гг., — обер-квартирмейстером. Автор географического и историко-этнографического описания горных районов Центрального Кавказа — «*Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Grenzfestung Mozdok nach dem Inner Caucasus unternommen worden*»¹⁴ (напечатано без указания автора). Поездка Л.Л. Штедера по Кавказу в 1781 г. имела разнообразные цели: исследование региона, его картографирование, минералогические разведки. Дневник исследователя содержит обширный материал о политике России на Кавказе в конце XVIII в.¹⁵ Штедер совершил экспедицию по Кавказу, преодолев путь от Моздока через земли кабардинцев, чеченцев, ингушей, карабулаков и осетин в Грузию. В «Дневнике» Штедера содержатся довольно подробные сведения о племенном составе народов Кавказа, их общественном строе, религии, пище, одежде, хозяйстве, поселениях и жилище, семейных отношениях, обычаях аталычества, гостеприимства. Особое место уделено описанию обычая кровной мести у ингушей, карабулаков, осетин и кабардинцев.

Петр Симон Паллас (1741—1811) — врач, естествоиспытатель, академик Петербургской академии наук (1767). Образование получил в университете Лейдена, в 19 лет защитил докторскую диссертацию. В Россию приехал по приглашению Академии наук в 1767 г., в 1768—1774 гг. стал участником и руководителем академической экспедиции,

¹⁴ [Stüder.] *Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Grenzfestung Mozdok nach dem Inner Caucasus unternommen worden* // *Neue Nordische Beyträge*. 1796. Bd. 7. (Отд. изд.: St. Petersburg, 1797). Часть сочинения в русском переводе напечатана в книге «Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.)» (Орджоникидзе, 1967).

¹⁵ Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1958. Т. 2. С. 284 (Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. XXVI).

а в 1793–1794 гг. совершил поездку по Астраханскому краю, Северному Кавказу и Крыму¹⁶. Результатом этих путешествий стала книга — *Pallas P.S. «Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794»* (Leipzig, 1799–1801. Bd. 1–2). Книга переведена на французский и английский языки. Содержит краткий обзор по различным народам Кавказа, и в частности по ингушам, составленный по материалам литературных источников и данных, собранных Л.Л. Штедером¹⁷. На русском языке вышли в свет несколько работ П.С. Палласа: 1) Путешествие по разным провинциям Российского государства // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989; 2) Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства: пер. с нем. / отв. ред. Б.В. Левшин; сост. Н.К. Ткачева. М., 1999; 3) Письма и рапорты, написанные П.С. Палласом в 1768–1769 гг. во время путешествия по Поволжью (выдержки из сборника: Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768–1771 гг. / сост. В.И. Осипов; пер. с нем. В.И. Осипова и Г.И. Федоровой. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. СПб., 1993; а также на сайте «Древности Симбирского края». URL: <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/18vek/Pallas.htm>).

Репринт первой части «Путешествия по разным провинциям Российского государства» на немецком языке с предисловием Дитмара Хенце (Dietmar Henze) имеется на сайте «Walter Reed Biosystematics Uni».

Якоб Рейнегтс (1744–1793) — занимался изучением химии и физики, минералогии, древних и новых европейских и азиатских языков. В 1773 г. в Тирнау получил степень доктора медицины и отправился в путешествие на Восток вместе с венгерским князем Кохари. В 1781 г., когда они находились в Тифлисе, Кохари неожиданно умер, а Рейнегтс остался в Грузии и подружился с грузинским царем. В течение трех лет (1781–1783) по заданию российского правительства Рейнегтс совершил 5 экспедиций¹⁸.

Рейнегтс составил карту Кавказа, но не точную. Двухтомное «Всеобщее, историческое и топографическое описание Кавказа» Рейнегтса с приложением биографии автора было опубликовано Ф.Е. Шредером на немецком языке в 1796–1797 гг. Книга вызвала огромный

¹⁶ 300 путешественников. М., 1966. С. 169.

¹⁷ Косвен М.О. Указ. соч. М., 1955. Т. 1. С. 286.

¹⁸ Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. С. 166.

интерес в Европе, была переведена на английский язык и издана в 1797 г. в Лондоне¹⁹. В книге Рейнегтса даны описания чеченцев, ингушей, черкесов, балкарцев, осетин. Рейнегтс привел краткие сведения относительно происхождения ингушей, указал границы их проживания, составил небольшой словарь счета чисел и отдельных слов на кистинском и чеченском языках. Далее он привел сведения относительно общественного строя ингушей, о племенном делении на семь родов, о семейных отношениях, жилищах, хозяйстве, одежде, вооружении, религиозных верованиях, танцах, праздниках.

§ 2. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Начало XIX в. было ознаменовано присоединением Грузии к России (1801). Это политическое событие послужило началом активного распространения российского влияния на Кавказе. Начался интенсивный сбор этнографических данных по всем районам Кавказа. Деятельное и активное участие в этом приняла Петербургская академия наук, организовав в 1807–1808 гг. экспедицию во главе с академиком Ю. Клапротом, а несколько лет спустя, в 1811–1815 гг., для изучения народов Северного Кавказа и Закавказья отправились И.Ф. Паррот и М.Ф. Энгельгард.

Одновременно изучением Кавказа стали заниматься не только исследователи, связанные с Академией наук, но и чиновники военного ведомства. С первой половины XIX века в печати стали появляться материалы, содержавшие описания народов Кавказа, данные официального или полуофициального характера. Это было связано с Кавказской войной и необходимостью изучения местных народов: «...война требовала разведки сил противника, его изучения»²⁰.

Одними из первых работ рассматриваемого периода стали труды **Генриха Юлия Клапрота** (1783–1835) — академика и ориенталиста. Он родился в Берлине 11 октября 1783 г.²¹ В Россию приехал в начале XIX в., сначала был адъютантом (младшая ученая должность в научных учреждениях), с 1804 г. — действительным членом Петербургской

¹⁹ Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996. С. 158.

²⁰ Токарев С.А. Указ. соч. С. 178.

²¹ ПФА РАН. Ф. 783. Оп. 1. Л. 1.

академии наук²². В 1807–1808 гг. совершил по поручению Академии наук путешествие по Северному Кавказу и Грузии в сопровождении студента Федора Бобринцева, секретаря и переводчика. Г.Ю. Клапрот проехал от Новочеркаска через Георгиевск — Моздок — Владикавказ в Тифлис. Цель поездки была в основном лингвистическая²³. В 1811 г. Г.Ю. Клапрот уехал из России, из списков членов Академии наук был исключен 15 мая 1817 г.²⁴

Г.Ю. Клапроту удалось собрать много интересного и разнообразного материала, который он дополнил сочинениями своих предшественников — ученых и историков. Результатом его изучения Кавказа стали два сочинения: «Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus» (Weimar, 1814); «Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces Limitrophes entre la Russie et la Perse» (Р.; Leipzig, 1827). В ПФА РАН имеются лингвистические материалы Клапрота²⁵ и «Путешествие Клапрота на Кавказе»²⁶. Обе работы на немецком языке. В работе «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 и 1808 годах по поручению Императорской академии наук Санкт-Петербурга, содержащее полное описание Кавказских стран и ее жителей, Юлиуса Клапрота» (Берлин, 1814. Т. 2) материалы по ингушам содержатся в разделе «Мизджегские языки», где Клапрот отмечал, что название территории проживания ингушей, приведенное И.А. Гильденшtedтом (Кистетия), ошибочно. Он писал, что «если бы страну Мизджегов хотели бы назвать общим грузинским названием, она могла бы называться скорее Дзурзукети, чем Кистети»²⁷. Клапрот также не разделял мнения графа Я. Потоцкого и П.С. Палласа, которые считали ингушей остатками аланов, основываясь только на «очень шаткой этимологии. <...> Город Феодосия в Крыму назывался Ардауда, которая на аланотаврическом языке должна означать семь богов»²⁸. Паллас писал, что в кистинском языке это слово имеет аналогичное значение, Уар — семь, Дада — отец и бог. Клапрот отмечал, что это утверждение ошибочно, что на языке мезджегов «уар» означает семь, но Дада не означа-

²² ПФА РАН. Ф. 783. Оп. 1. Л. 1.

²³ Косвен М.О. Указ. соч. М., 1955. Т. 1. С. 290.

²⁴ ПФА РАН. Ф. 781. Оп. 1. Л. 1.

²⁵ Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 4. Л. 91.

²⁶ Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 5. Л. 112.

²⁷ Klapproth G. Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Halle; Berlin, 1812–1814.

²⁸ Там же. С.76

ет Бог или отец. По его заключению, «у всех племен этого народа Бог называется Дале и да — отец. Но так как Дада не является отцом и Богом, то и все словопроизводство недостаточно прочно, чтобы могло претендовать на историческую важность»²⁹. Далее автор указывал места проживания миздзегов и их внутриплеменное деление на галагаев, карабулаков, чеченцев. В книге также приведены материалы по истории русско-кавказских отношений, а в приложении — словари народов Кавказа.

Иоганн Якоб Фридрих Вильгельм фон Паррот (нем. Johann Jakob Friedrich Wilhelm von Parrot, в России Иван Егорович Паррот) (1791—1841) — естествоиспытатель и врач. Учился в гимназиях Риги и Дерпта, в 1807 г. поступил на медицинский факультет Дерптского университета. В 1811 г., будучи еще студентом, вместе с минерологом М. Энгельгардтом совершил путешествие по Южной России, Кавказу, Крыму, Молдавии, произвел нивелировку между Черным и Каспийским морями, проводил не только метеорологические наблюдения, но и сбор историко-этнографического материала о местных народах. Результаты изложены в изданном совместно с Энгельгардтом сочинении «Reise in der Krym und den Kaukasus von Moritz von Engelhardt und Friedrich Parrot» (Berlin, 1815³⁰).

Мориц Энгельгардт (1779—1842) — профессор минералогии и геологии в Дерпте. Основал при местном университете минералогический кабинет³¹. Совершил ряд путешествий, в том числе в 1811 г. на Кавказ, в Крым, Молдавию вместе с Фридрихом Парротом; результатом исследований стало охарактеризованное выше сочинение.

Семен Михайлович Броневский (1763—1830) — офицер российской армии. Участник Персидского похода 1796 г., позже находился на военной службе на Кавказе; в 1801 г. перешел там же на гражданскую службу и состоял правителем дел канцелярии на Кавказе (при П.Д. Цицианове и И.В. Гудовиче). В этот период вел сбор материалов по различным народам Кавказа. Позже служил в Петербурге в Министерстве иностранных дел, а в последние годы своей жизни был градоначальником г. Феодосии.

²⁹ Klaproth G. Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Halle; Berlin, 1812—1814. С. 76.

³⁰ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 22. С. 880.

³¹ Там же. С. 930.

Значительный вклад в этнографию Кавказа внес его труд «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (М., 1823. Ч. 1–2). Эту работу по праву можно назвать описанием народов Кавказа, которое стало первым звеном «в целой цепи последовавших затем сочинений об этом крае, авторами которых были официальные лица — офицеры армии, военные и гражданские администраторы»³².

Работа С.М. Броневского получила в свое время широкую известность и, по существу, стала на долгие годы главным источником, из которого черпались сведения о Северном Кавказе³³. В ней есть обстоятельное географическое описание Кавказа, представлен обширный историко-этнографический материал о таких народах, как абхазы, черкесы, кабардинцы, чеченцы и ингуши, народы Дагестана и Азербайджана. Наряду с описанием быта, нравов, обычаев, характеризуется общественный строй народов Северного Кавказа. С.М. Броневский различал три главных вида правления: монархическое, аристократическое и демократическое³⁴. В книге имеется раздел, посвященный ингушам и карабулакам³⁵. В работе дана географическая характеристика местности, наличие полезных ископаемых, описание внешности, одежды, жилища, религиозных верований, общественного устройства ингушей. Некоторые сведения, касающиеся ингушей, заимствованы Броневским у И.А. Гильденштедта и П.С. Палласа.

Переиздан труд: *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечение по Центральному и Северо-Западному Кавказу. М., 1823 (переиздание: Нальчик, 1999).

Петр Григорьевич Бутков (1775–1857) — офицер, проходил военную службу на Кавказе. В 1794 г. был назначен адъютантом генерал-майора С.А. Булгакова и под его начальством в 1796 г. участвовал в Персидской войне. Спустя некоторое время Петр Григорьевич в чине капитана был причислен к Тифлисскому мушкетерскому полку и вскоре за тем определен инспекторским адъютантом при инспекторах Кавказской инспекции; в период присоединения Грузии (1801–1802) П.Г. Бутков был правителем канцелярии главнокомандующего генерал-лейтенанта К.О. Кнорринга; в этой должности он находился

³² Токарев С.А. Указ. соч. С. 178.

³³ История народов Северного Кавказа, конец XVIII в. — 1917 г. М., 1988. С. 244.

³⁴ *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1–2. С. 38.

³⁵ Там же. С. 160.

до назначения главнокомандующим князя П.Д. Цицианова. В 1803 г. Петр Григорьевич вышел в отставку и покинул Кавказ.

В 1805 г. он снова поступил на службу и был причислен к Герольдии (учреждению, ведающему толкованием и составлением гербов); в 1809 г. определен генерал-аудитор-лейтенантом к главнокомандующему молдавскою армией. В 1811 г. Петр Григорьевич из-за болезни был уволен по прошению со службы и находился в отставке до 1820 г., когда, поступив на службу в ведомство Министерства духовных дел и народного просвещения, был назначен директором училищ Воронежской губернии. В 1823 г. был назначен советником в департамент Главного штаба. В том же году определен чиновником по особым поручениям при финляндском генерал-губернаторе генерал-адъютанте графе А.А. Закревском, в 1828 г. назначен членом совета Министерства внутренних дел. В 1841 г. Петр Григорьевич призван в академическую среду по Отделению русского языка и словесности, в 1849 г. возведен в сенаторское звание. В 1857 г. скончался в чине действительного тайного советника.

На Кавказе началась историко-литературная деятельность Буткова и подготовка им материалов для будущих его трудов. Непосредственное отношение к теме имеют «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.» (СПб., 1869. Ч. 1). Это солидный труд, основанный на достоверных источниках, собранных им в течение двенадцатилетнего пребывания на Кавказе. При жизни данная работа не была закончена, часть рукописей Буткова хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (Ф. 482. Оп. 1. Д. 192) — «Описание административного деления и управления Кавказом, быта, нравов и обычаев народов Кавказа». В этих материалах представлена обстоятельная характеристика многих этносов, в том числе и ингушского. Некоторые сведения относительно местных судов впервые встречаются в его работе. Отдельные архивные материалы П.Г. Буткова стали объектом исследований Ю.Ю. Карпова: Из архивных материалов П.Г. Буткова // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001; Кавказские этнографические материалы П.Г. Буткова // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Ноябрь 1981 г. Л., 1981. В этих статьях также имеются ценные историко-этнографические сведения по теме нашего исследования.

Платон Павлович Зубов (ок. 1796 — не ранее 1857) — офицер, разжалованный в рядовые, участник Русско-персидской войны 1826—1828 гг. Беллетрист, стихотворец, автор исторических сочинений.

Труд П.П. Зубова озаглавлен следующим образом: «Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях»: в 4 ч. СПб., 1834–1835. В 3-й части данной книги есть упоминание об ингушах, в основном схожее по структуре написания с работой С. Броневского, многие материалы заимствованы из нее. По сути, книга представляет собой компиляцию и не имеет особого значения как самостоятельный источник.

Иван Федорович Бларамберг (1803–1878) — родился в Германии, там же окончил университет. С 1823 г. жил в России, окончил Институт корпуса инженеров путей сообщения. С 1830 по 1832 г. служил в Генеральном штабе (на Кавказе), принимал участие в военных действиях на Северо-Западном Кавказе и в Дагестане. В 1833–1835 гг. служил в Петербурге, в 1836 г. участвовал в экспедиции по обозрению восточных берегов Каспийского моря, в 1837–1840 гг. находился в Персии, в 1840–1855 гг. служил в Оренбургском крае. С 1856 г. — директор военно-топографического отдела Главного штаба, с 1867 г. — генерал-лейтенант в отставке³⁶.

Сбор материалов для своей будущей работы о Кавказе Бларамберг начал еще в Тифлисе, позднее продолжил эту работу в Петербурге и в течение 1833–1834 гг. составил следующий труд: «*Tableau historique, topographique, statistique, ethnographique et militaire du Caucase par J. de Blaramberg, 1834*». Однако он не был опубликован. Работа написана на французском языке, рукопись (три переплетенных тома) хранится в РГВИА (Ф. ВУА. Д. 18508), ее копия — в СВР ИВАН (Разряд 2. Оп. 2. № 5–6).

На русском языке работа И.Ф. Бларамберга была опубликована только в 1992 г.³⁷ В этой книге собран очень ценный, чрезвычайно интересный материал по истории и этнографии ингушского народа и народов Кавказа. Сведения об Ингушетии и ингушах содержатся в 3-й части книги, где автор излагает физико-географическую характеристику местности, диалекта языка, дает историческую справку, краткую характеристику внешнего облика, жилища, пищи, домашних промыслов и сельского хозяйства, нравов и обычаев, танцев, религии. Эти характеристики с разной степенью полноты приводятся им отдельно по кистам, ингушам, галгаевцам и галашевцам. М.О. Косвен отмечал, что если бы этот труд был в свое время опубликован, то явился

³⁶ Косвен М.О. Указ. соч. Т. 2. С. 182.

³⁷ Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.

бы выдающимся описанием горских народов Кавказа и составил бы крупный вклад в кавказоведение³⁸.

Андрей Михайлович Шёгрэн (1794—1855) — языковед, историк, этнограф, путешественник. Член-корреспондент Петербургской академии наук с 19 декабря 1827 г., адъюнкт по истории — с 30 сентября 1829 г., экстраординарный академик по русской истории и древностям — с 9 марта 1831 г., ординарный академик по историко-филологическому отделению (филология и этнография финских и кавказских народов России) — с 5 октября 1844 г.³⁹ С 1844 г. А.М. Шёгрэн состоял директором Этнографического музея Академии наук. Шёгрэн проработал на Кавказе два года (1835—1837), жил во Владикавказе, занимался изучением осетинского и грузинского языков, отчасти этнографией. Отрывки из путевых записок Андрея Шёгрена были частично переведены на русский язык Т. Хетагуровой⁴⁰.

В ходе исследовательской работы нами обнаружено, что в ПФА РАН в фонде А.М. Шёгрена имеется список русских слов с переводом на индийский и ингушский языки в русской транскрипции, составленный А.М. Шёгреном⁴¹. Там же нами выявлен русско-ингушский самоучитель⁴², составленный в 1847 г. служащим Осетинской духовной комиссии Григорием Цамциевым. Эти работы не упоминаются в «Материалах по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» М.О. Косвена⁴³ и не введены в научный оборот.

Опубликованные труды А.М. Шёгрена представляют несомненный интерес для изучения истории и этнографии ингушского народа. Непосредственное отношение к теме имеет статья «Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при различных случаях», напечатанная в 1843 г. в журнале «Маяк» (Т. 7. Кн. 13) и несколько позднее перепечатанная в газете «Кавказ» (1846. № 27—30) и в «Сборнике газеты “Кавказ”» за II полугодие 1846 г. (Тифлис, 1847). Она содержит интересные сведения, касающиеся религиозных верований ингушей и осетин, но, несмотря на обширный и содержательный материал, некоторые религиозные обряды даны автором без уточнения,

³⁸ Косвен М.О. Указ. соч. Т. 2. С. 182.

³⁹ Российская академия наук: Персональный состав, 1724—1917 гг. М., 1999. Кн. 1. С. 45.

⁴⁰ Хетагурова Т. Путевые записки. URL: <http://www.darial-online.ru>.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 2. Д. 2. Л. 12.

⁴² Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 197. Л. 23.

⁴³ Косвен М.О. Указ. соч. Т. 1. С. 293; Т. 2. С. 189.

в какой этнической среде они имели место. По описанию выделить существовавшие в обрядах различия часто невозможно.

М.А. Селезнев (годы рождения и смерти неизвестны) — штабс-капитан артиллерии, служил в различных местах Центрального и Западного Кавказа. Из опубликованных его работ к исследуемой теме относятся только «Руководство к познанию Кавказа» (СПб., 1847). В этом произведении представлен обширный очерк религиозных воззрений ингушей и осетин, основанный на материалах А.М. Шёгрена.

В 1845 г. было основано **Русское географическое общество** (РГО), до образования которого этнографическими исследованиями занималась только Академия наук. Новая организация отошла от старых академических принципов работы и стала привлекать к своей деятельности разные общественные силы. Идея создания такой организации была поддержана в четырех различных кружках: в кружке мореходов, в академическом кружке, в военном кружке и в кружке молодых русских ученых. Новое общество получило поддержку и от правительства, ему от государственного казначейства назначили ежегодную субсидию в 10 тыс. руб. Во главе общества стоял один из великих князей. В обществе было четыре отделения: общей географии, географии России, статистики и этнографии (первые два отделения вскоре слились). Этнография стала занимать видное место в работе РГО, для чего были привлечены широкие массы общественности во всех частях страны. В 1847 г. была составлена и разослана во все уголки России программа («циркуляр») для сбора этнографического материала. Эта акция не осталась незамеченной, к 1850 г. в Географическом обществе скопилось около 600 монографических описаний, а спустя еще несколько лет их набралось около 2 тыс. Весь собранный материал стали систематизировать, а самые интересные статьи публиковать в «**Этнографических сборниках**». В 1850 г. был организован Кавказский отдел Русского географического общества.

Следующим ценным источником по данной теме является «**Кавказский календарь**» (1845–1917) — справочное издание, ежегодно выходившее в Тифлисе. В нем публиковались солидные историко-этнографические работы, хорошо представлена хроника текущих событий и, конечно, сведения о лицах, находившихся на гражданской и военной службе. Материалы «Кавказского календаря» являются одним из важных источников для изучения социально-экономической и политической истории ингушского общества, так как сведения, касающиеся, в частности, персоналий, трудно обнаружить еще в каком-либо издании.

Важным событием в рассматриваемый и последующие периоды стало начало издания в 1846 г. газеты «Кавказ». Она издавалась в Тифлисе и была учреждена по инициативе наместника М.С. Воронцова в виде частного предприятия, но с 1852 г. перешла в собственность канцелярии наместника. Со дня начала издания по 1849 г. газета издавалась еженедельно, с 1850 по 1876 г. — два раза в неделю, а с 1877 г. — ежедневно.

Первым редактором газеты «Кавказ» был **Осип Ильич Константинов** (1813–1856). После окончания в 1832 г. кадетского корпуса он служил в артиллерии. В 1840 г., перейдя на гражданскую службу, состоял при главнокомандующем войсками на Кавказе, затем — чиновником по особым поручениям при начальнике Главного управления наместника на Кавказе. В 1850 г. Константинов переселился в Петербург, где состоял чиновником по особым поручениям при Военном министерстве. В 1854–1855 гг. служил в штабе Крымской армии при командующем князе М.Д. Горчакове, затем — в Петербурге⁴⁴.

Своей главной задачей газета считала ознакомление «соотечественников с любопытнейшим краем, еще малоизученным, его многочисленными, разноплеменными и разноречными народами»⁴⁵. Газета сыграла важную роль в изучении народов Кавказа, на ее страницах печатались статьи представителей местных народов и видных этнографов-кавказоведов. Наиболее интересные и значимые этнографические статьи из газеты перепечатывались в «Сборнике газеты “Кавказ”». Всего было издано четыре сборника — по два издания за 1846 и 1847 г., малым тиражом (50 экземпляров)⁴⁶. В газете «Кавказ» печатались и статьи, посвященные ингушской тематике.

§ 3. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Николай Карлович Зейдлиц (1831–1907) — «статистик и этнограф. Окончил Дерптский университет (курс естественных наук). В 1854–1855 гг. путешествовал по Закавказью, в 1858 г. поселился на Кавказе, где прожил до конца жизни, работая главным образом в области ста-

⁴⁴ Косвен М.О. Указ. соч. Т. 2. С. 320.

⁴⁵ История народов Северного Кавказа... С. 249.

⁴⁶ Косвен М.О. Указ. соч. Т. 1. С. 322.

тики. С 1868 г. состоял главным редактором Кавказского статистического комитета. Редактор «Сборника сведений о Кавказе», издававшегося в 1878—1885 гг. Автор ряда статей, преимущественно по народонаселению и населенным местам Кавказа и Закавказья»⁴⁷.

Иван Иванович Пантюхов (1836—1911) — врач. Окончил в 1862 г. медицинский факультет Киевского университета, после чего в течение пяти лет служил военным врачом на Кавказе, участвовал в военных действиях, вследствие ранения вышел в отставку. В последующие годы служил врачом Кавказского окружного военно-медицинского управления и занимался этнографией, а также антропологией народов Кавказа. Автор статьи «Ингуши. Этнографическо-антропологический очерк» (Известия Кавказского отдела РГО. Т. 13. Тифлис, 1900). В работе в части антропологического описания автор использовал собственные полевые материалы, а этнографическая часть представляет собой компиляцию из ранее опубликованных литературных источников.

Владимир Николаевич Акимов (годы рождения и смерти неизвестны) — член (с 1890 г.) географического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Автор статьи «Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей» (Сборник материалов по этнографии. 1888. Т. 3). Работа была написана по материалам, собранным автором во время поездки в 1886 г., и содержит ценные материалы, связанные со свадебной обрядностью, данными о брачном возрасте, калыме, приданом. Вторая часть посвящена сказкам, записанным В.Н. Акимовым в ауле Цори.

Чах Эльмурзиевич Ахриев (1850—1914) — ингуш, родился в селении Фуртоуг Терской области. В 1857 г. семилетним мальчиком был взят в аманаты и помещен во Владикавказскую военную кантонистскую школу, в которой пробыл до 1862 г., затем продолжил учебу в Ставропольской гимназии, которую через шесть лет успешно закончил. После окончания учебы два года из-за болезни провел на родине, тогда же начал писать статьи по этнографии. В 1870 г. поступил в Нежинский юридический лицей и после его окончания стал чиновником правительственной администрации на Северном Кавказе. С 1874 по 1882 г. служил кандидатом на служебную должность, мировым судьей и судебным следователем. С 1882 г. поселился в Азербайджане, где служил по ведомству государственных имуществ до своей отставки в 1912 г.⁴⁸

⁴⁷ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 35. С. 380.

⁴⁸ Косвен М.О. Указ. соч. Т. 2. С. 264

Помимо служебных обязанностей, он занимался изучением этнографии своего народа. Им были написаны следующие статьи: «Присяга у ингушей», «Нравственное значение присяги у ингушей», «О характере ингушей», «Об ингушских женщинах», «Сказание о канаве Темира хромого», «Об ингушских кашах», «Этнографический очерк Ингушского народа, с приложением его сказок и преданий», «Ингушские праздники».

Работы Ч. Ахриева легли в основу исследований В.Ф. Миллера (Кавказские сказания о циклопах // Этнографическое обозрение. 1890. № 1), Г.А. Вертепова (Ингуши // Терский сборник. Владикавказ, 1892. Вып. 2), Б.К. Далгата (Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. 1893. Вып. 3; Страничка из северокавказского богатырского эпоса // Этнографическое обозрение. 1901. № 4), Г.Н. Потанина (Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899).

Клеофас-Иван Борисевич (годы рождения и смерти неизвестны) — в 1880—1890-х гг. помощник землемера межевого управления Терской области. Автор ряда работ:

— «Сектантство среди ингушей» (Этнографическое обозрение. 1893. № 3). Статья посвящена новому религиозному течению среди ингушей и его лидеру — Батыл-хаджи Белхароеву. Дана краткая характеристика сект Кунта-Хаджи и Батыл-Хаджи, их особенностей, времени и места их возникновения. Об основательном и вдумчивом подходе автора можно судить по словам, которыми заканчивается статья: «Вот те сведения, какие я мог узнать о сектантстве среди ингушей, сведения эти отрывочные, случайные, потому что я случайно только и натолкнулся на этот вопрос»⁴⁹.

— «Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа» (Этнографическое обозрение. 1899. № 1/2). В этой работе освещаются вопросы семейной жизни, уделено внимание обычаю кровной мести, приведены краткие сведения о народных способах врачевания.

Григорий Абрамович Вертепов (?—1919). В 1887 г. был выслан из Владикавказа под надзор полиции в Архангельскую губернию. С 1895 по 1904 г. — редактор «Терских ведомостей», также состоял редактором «Терского сборника». С начала 1890-х гг. — секретарь Терского областного статистического комитета, в 1912 г. — начальник

⁴⁹ *Борусевич К.И.* Сектантство среди ингушей // ЭО. 1893. Кн. 18. № 3. С. 144.

отделения Терского областного управления. В последние годы жизни и до смерти состоял председателем Терского областного статистического комитета. Занимался археологией, во время археологических раскопок им был собран ценный археологический материал, имеющий отношение к истории ингушей, позднее переданный в Терский областной музей.

Г.А. Вертепова по праву можно назвать одним из разносторонних исследователей ингушского народа, кроме археологических раскопок он собирал народные предания, изучал быт. Он является автором ряда интересных и содержательных статей, посвященных ингушской тематике:

— «Ингуши» (Терский сборник. Владикавказ, 1892. Вып. 2). Перепечатано в кн.: *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа: Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1892. Вып. 1. В этой статье частично переработан текст предыдущей работы, дана характеристика ингушских обществ, сообщаются сведения о гражданском быте и введении мусульманства, приведено несколько преданий.

— «Вечеринка у ингушей» (Терские ведомости. 1893. № 1). Статья публицистического характера, содержит некоторые интересные этнографические сюжеты.

— «Наши горы и их обитатели» (Терские ведомости. 1897. № 145—150). В статью вошли публичные лекции Г.А. Вертепова об уникальных памятниках зодчества горной Ингушетии. Большое внимание уделено археологическим памятникам, среди которых есть подробное описание и древнего храма Тхаба-Ерды.

Асланбек Бунухевич Базоркин (1852—1890) — первый ингушский литератор. В 1871 г. с отличием окончил Ставропольскую классическую гимназию, в том же году поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, через год, оставив учебу, поступил в Нежинский Черниговской губернии лицей им. князя Безбородко.

В 1873 г. Асланбек Базоркин на каникулах побывал в горной Ингушетии и после возвращения на учебу написал статью «Горское паломничество», которая содержит ценные историко-этнографические сведения. Эта статья была опубликована в 8-м выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» (ССКГ), вышедшем в Тифлисе в 1875 г. В этом источнике содержатся ценные сведения о праздновании в честь бога Мятцели. Автор подробно описывает праздничную процессию, одежду ее участников и дары, обряд жертвоприношения и текст жреца

Цей-саг. В этой работе мы находим подробное описание расположения святилищ Мятцели, Мятер-дяле и Суссон.

Адольф Петрович Берже (1828–1886) — историк, этнограф, кавказовед. Окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета в 1851 г. С 1852 г. начал службу на Кавказе в канцелярии наместника, в 1853–1855 гг. совершил два путешествия в Персию, в 1860 г. совершил поездку с научной целью в Дагестан, а в 1862 г. — в Мегрелию. В 1864 г. стал одним из основателей Кавказской археографической комиссии, под его редакцией было издано 11 томов документов⁵⁰. Истории и этнографии ингушей посвящены следующие публикации:

— «Краткий обзор горских племен на Кавказе» (Кавказский календарь на 1858 г.). Обзор содержит очень краткие сведения обо всех населяющих Кавказ народностях.

— «Чечня и чеченцы» (Кавказский календарь на 1860 г.). В работе использованы фрагменты неопубликованных рукописей, различных документов из местных архивов, а также материалы литературных источников. А.П. Берже о своей работе писал: «Труд этот, само собою разумеется, далеко не полон и как первый опыт не без больших недостатков, но он содержит в себе некоторые подробности, которые для будущего этнографа послужат небезынтересным материалом при обстоятельном описании чеченцев — этого любопытного племени, игравшего столь видную роль в военной истории Кавказа за текущее столетие»⁵¹.

Александр Александрович Висковатов (годы рождения и смерти неизвестны) — геолог, занимался исследованием кавказских ледников. Автор очень содержательной и интересной статьи «С Казбека» (Русский вестник. 1865. № 12). Работа основана на собственных наблюдениях автора и содержит ценные сведения об охоте на туров, о легендах, народных преданиях и суевериях ингушей, о периоде христианского влияния.

Николай Францевич Грабовский — кавказовед, этнограф. В 1874 г. был причислен к Главному управлению наместника на Кавказе, с 1878 г. — судебный следователь Кабардинского округа (в Нальчике). С 1882 г. — участковый мировой судья Владикавказского округа (в ст. Прохладной), в конце 1880-х гг. — участковый мировой судья г. Владикавказа и неперенный член съезда мировых судей, в середине 1890-х гг. — частный поверенный во Владикавказе. Н.Ф. Грабов-

⁵⁰ Косвен М.О. Указ. соч. Т. 2. С. 369.

⁵¹ Берже А.П. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879. С. 17.

ский занимался изучением нескольких народов Северного Кавказа: ингушей, карачаевцев, балкарцев, кабардинцев. В своих работах он не только описывал различные факты и явления из жизни этих народов, но и анализировал их и делал свои выводы.

Грабовский является автором следующих публикаций:

— «Горский участок Ингушского округа в 1865 году» (Терские ведомости. 1868. № 20);

— «Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа» (ССКГ. 1870. № 3);

— «Ингуши: их жизнь и обычаи» (ССКГ. 1876. № 9).

Все работы написаны на основе личных наблюдений и литературных источников. Статья «Горский участок Ингушского округа в 1865 году» легла в основу всех последующих его статей, с небольшими дополнениями и изменениями. Эта работа — одно из первых специальных исследований, посвященных изучению ингушского народа.

Башир Керимович Далгат (1870—1934) — даргинец, уроженец селения Урахи Даргинского округа. Окончил ставропольскую гимназию в 1889 г. и юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1895 г. Затем до 1923 г. состоял присяжным поверенным во Владикавказе, с 1923 г. жил в Махачкале, занимался преимущественно научной работой. Живя во Владикавказе, сотрудничал в газетах «Терские ведомости», «Терек», «Казбек», «Северный Кавказ», «Кавказ», «Каспий» и «Русская жизнь» (Москва).

Ингушской тематике посвящены следующие его работы:

— «Первобытная религия чеченцев» (Терский сборник. 1893. Вып. 3. Кн. 2). Работа написана по личным наблюдениям автора, сделанным в Ингушетии в 1891—1892 гг., и по литературным источникам.

— «Жертвоприношение на Столовой горе» (Терские ведомости. 1893. № 75). Описание ингушского праздника Мятцели, сопровождавшегося жертвоприношениями на Столовой горе. Статья подписана: «Б.Д.».

— «Страничка из северокавказского богатырского эпоса. Ингушко-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков-ингушей в 1892 г.» (Этнографическое обозрение. 1901. № 1). Содержит разнообразные фольклористические и этнографические комментарии.

— «Материалы по обычному праву ингушей» (Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. 1929. Т. 2). Работа построена на опубликованных источниках и собственных ма-

териалах, собранных в соответствии с программой, разработанной Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Александр Петрович Ипполитов (годы рождения и смерти неизвестны) — офицер, в 1860-х гг. — помощник начальника сначала Чеченского, затем Аргунского округа Терской области, в 1870-х гг. — начальник Аргунского полицейского управления.

А.П. Ипполитов является автором статьи «Учение “Зикр” и его последователи» (ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2). Статья посвящена учению зикр, его истории на территории Чечни и Ингушетии и основателю этого учения — Кунта-Хаджи Кишиеву.

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) — историк, юрист, социолог, академик Петербургской академии наук (1914). Окончив юридический факультет Харьковского университета и получив докторскую степень, а потом профессию в Московском университете, М.М. Ковалевский сблизился с Всеволодом Федоровичем Миллером. Совместно с ним совершил свою первую поездку на Кавказ (1883), к осетинам. Его занимали проблемы общественного строя и обычного права. По материалам поездки им были написаны несколько статей и фундаментальный труд «Современный обычай и древний закон: обычное право осетин в историко-сравнительном освещении». Другая работа по Кавказу была написана им после поездок на Кавказ в 1885 и 1887 гг., она называлась «Закон и обычай на Кавказе» (М., 1890. Т. 1–2)⁵².

Федор Иванович Леонтович (1833–1911) — видный ученый, историк права. Окончил юридический факультет Киевского университета, профессор с 1863 по 1892 г., в 1902 г. вышел в отставку, посвятив себя исключительно научно-литературной деятельности. Известен как выдающийся специалист по истории русского, славянского и литовско-русского права, также занимался первобытным правом. Широко известен и как составитель сборника адата народов Северного Кавказа.

Офицерами Кавказской армии в середине XIX в. была произведена фиксация адатов горских народов Кавказа. Сведения по истории сбора и записей адата незначительны, «существует ряд сборников адата, обстоятельства составления которых, как и их составители, большей частью неизвестны»⁵³. Возможно, сбор материалов по адатам был проведен по всей области. В 1860 г. в печати появляются адаты Тер-

⁵² Токарев С.А. Указ. соч. С. 312.

⁵³ Косвен М.О. Указ. соч. Т. 2. С. 243.

ской области. Издателем адатов кавказских горцев стал Ф.И. Леонтович (Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882–1883. Ч. 1–2). В сборник вошло «Краткое описание обычаев, существовавших между туземцами Ингушского округа» (1883. Ч. 2. С. 148–184). Леонтович в этой части работы изложил основы уголовного права, судопроизводства, брачных отношений, порядков наследования.

Л.В. Малинин — автор статьи «О свадебных платежах и приданом у кавказских горцев» (Этнографическое обозрение. 1890. № 3). Работа составлена по литературным данным, очень запутанна. Имеются сведения о свадебных платежах и приданом, о сумме калыма, штрафах за похищение невесты и бесчестье девушек.

Всеволод Федорович Миллер (1848–1913) — фольклорист, языковед, этнограф, археолог, академик Петербургской академии наук (1911). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1870). Профессор Московского университета (с 1884 г.), директор Лазаревского института восточных языков в 1897–1911 гг. С 1881 г. — председатель этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Московского университета. Один из основателей и редактор журнала «Этнографическое обозрение» (с 1889 г.). Провел ряд экспедиций на Кавказ. Автор работы «Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества» (М., 1888.). В этой работе Всеволодом Федоровичем сделаны качественные зарисовки храма Тхаба-Ерды, дана короткая справка о религиозных верованиях ингушей и влиянии христианства.

Николай Петрович Тульчинский (годы рождения и смерти неизвестны) — в конце 1870-х гг. землемер Межевого управления Терской области, в 1880–1890-е гг. — старший землемер того же управления, затем Терской областной чертежной, в конце 1890-х гг. — управляющий той же чертежной; в 1906 г. состоял членом так называемой «Абрамовской комиссии». Работа в указанной комиссии позволила автору собрать ценный фактический материал о земледелии ингушей, результатом которой стала его статья «К вопросу о положении ингушей среди других горцев Терской области», опубликованная в 1902 г. в «Терских ведомостях»⁵⁴. Работа посвящена проблемам землеустройства и землепользования.

⁵⁴ Тульчинский Н. К вопросу о положении ингушей среди горцев Терской области // ТВ. 1902. № 30, 32, 33, 35.

Николай Николаевич Харузин (1865—1900) — этнограф. Первый в России (с 1898 г.) начал читать курс этнографии в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков. Проводил экспедиционные работы (1886—1891) в Крыму, на Кавказе, в Архангельской губернии, Прибалтике и Сибири. Систематизировал материалы по этнографии России, собранные в XVIII—XIX вв. Применял метод комплексного изучения данных этнографии и смежных дисциплин. Несмотря на то что прожил короткую жизнь, он оставил большое научное наследие. Важнейшие труды посвящены обычному праву, развитию семьи и рода, религиозным верованиям, истории жилища. Интересы и познания этого ученого были очень разнообразны и разносторонни. Он серьезно изучал обычное право ингушей и чеченцев, его перу принадлежит работа «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей»⁵⁵. Автор писал об этой работе, что она является результатом его личных наблюдений, сделанных летом 1886 г. вместе с профессором В.Ф. Миллером у чеченцев и ингушей. «Описывая их, я старался пополнить пробелы в моих знаниях по опубликованным уже книжным материалам, касающимся чеченцев и ингушей; в изложении указаны те или другие книжные источники, которыми я пользовался. Сведения собраны мною в чеченских обществах: Пошхойском, Галанчожском и ингушских: Хамхинском, Цоринском и Мецхельском»⁵⁶. Эта работа содержит краткие сообщения о племенном родстве между чеченцами и ингушами, отсутствии в их обществах сословий, о существовании обычая кровной мести, многоженстве и калыме, занятиях скотоводством, земледелием, о решении спорных вопросов с помощью горских словесных судов и сельских судов, о разночтениях, существовавших в местном адате.

Фома Иванович Горепекин (1874—1932?) — член Терского областного статистического комитета, лесной кондуктор Алагирского и Сунженского лесничеств. Ф.И. Горепекин вел самостоятельное изучение ингушского и чеченского народов «по собственному методу и программе, путем критики сравнительного рассмотрения вопросов в восьми этнографических областях — языкознание, религия, фольклор, общая культура, археология, география, история, личное открытие древнемировой письменности»⁵⁷. На основании собранных мате-

⁵⁵ Сборник материалов по этнографии. 1888. Вып. 3.

⁵⁶ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник сведений о Терской области. М., 1888. С. 115.

⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 36 об.

риалов об ингушах и чеченцах он написал огромное количество работ, сгруппированных в 11 томов рукописей; некоторые материалы написаны рукой автора, а часть работ сохранилась в машинописном варианте. Многие рукописи утеряны, а сохранившиеся материалы отложились в ПФА РАН и сосредоточены в двух фондах. Одно дело хранится в фонде (ф. 142.) Музея антропологии и этнографии РАН, где представлена преимущественно деловая переписка⁵⁸. Остальные шесть работ сосредоточены в фонде (ф. 800) академика Н.Я. Марра.

Особый интерес представляет работа «Краткие сведения о народе “ингуши”», в которой автор делит всех ингушей на группы: галга, феппи, арштхой. Он дает общую характеристику каждой ветви народа с учетом особенностей топонимии. Не менее интересна и содержательна другая работа Ф.И. Горепекина — «Ингушская азбука»⁵⁹. В этом труде автор подчеркивает особенности разговорной речи плоскостных и горных ингушей. Так, «плоскостные обыватели, вращаясь с окружающими другими туземными народностями и русским населением, успели уже многое игнорировать в разговорной своей речи, горцы же сохраняют особенности своей живой речи в чистоте»⁶⁰. Ценный лингвистический материал рукописей Ф.И. Горепекина может послужить пополнению словарного запаса ингушского языка. Для фольклористов будут любопытны пословицы, скороговорки, загадки, молитвы, произносившиеся при жертвоприношениях, а также предания и рассказы, записанные со слов жителя хутора Длинная Долина Келигова Гайсултана Ганижевичема и жителя села Кантышево Котиева Мачко.

Ф.И. Горепекин является автором ингушского букваря, составленного на основе русского алфавита, позднее он разработал второй алфавит на основе знаков «древнемировой письменности народов белой расы». Эта письменность, как считал автор, существовала у предков ингушей и утеряна ими сравнительно недавно. К сожалению, на сегодняшний день неизвестна судьба некоторых рукописей Горепекина. При жизни автора была опубликована только одна работа «“Мага-ерда” (языческий бог-покровитель у ингушей)» в газете «Терские ведомости» в 1909 г.⁶¹ Она весьма содержательна и посвящена древне-

⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 36

⁵⁹ Там же. Ф. 800. Оп. 6. Д. 160. Л. 56.

⁶⁰ Там же. Ф. 800. Оп. 6. Д. 159. Л. 33.

⁶¹ *Горепекин Ф.И.* «Мага-ерда» (языческий бог-покровитель у ингушей) // ТВ. 1909. № 81, 82, 84, 86.

му языческому богу ингушей. В ней автор знакомит читателей с верованиями ингушей, их обычаями и историей различных обществ. Работа проливает свет на многие стороны развития ингушского общества, проводится краткий экскурс от периода язычества до мусульманства.

Павел Иванович Ковалевский (годы рождения и смерти неизвестны) — психиатр. В 1880-х гг. — профессор Харьковского университета, в 1890-х гг. — практикующий врач в Петербурге, автор ряда работ по психиатрии. Статья об ингушах помещена в первом томе труда «Народы Кавказа» (СПб., 1914). В статье дана физико-географическая характеристика местности, история ингушского народа, заимствованная из работ Ч. Ахриева. (Фамилия Ахриева приведена с ошибкой: Африев). Приведен перечень ингушских обществ и населенных пунктов, описаны одежда ингушей, хозяйство, промыслы, кратко сказано о системе школьного образования, антропологическом типе ингушей. О работе П.И. Ковалевского М.О. Косвен писал, что это невежественная компиляция⁶². Сведений о том, что Павел Иванович собирал полевой материал, нет. Вся работа написана по трем источникам — это работы Ч. Ахриева, И.И. Пантюхова, С. Максимова.

* * *

Серийные и периодические издания

Важным событием в деле изучения Кавказа в середине — второй половине XIX в. стал выход новых специальных изданий. Так, Кавказский отдел Русского географического общества с 1852 по 1916 г. издавал в Тифлисе «Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества». Первым редактором «Записок» был писатель Владимир Александрович Сологуб, служивший тогда на Кавказе. В 1872 г. начали издаваться «Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества», которые просуществовали до 1917 г. В «Известиях» нашли отражение ценные этнографические материалы о различных народах Кавказа. «Кавказский отдел сыграл определенную роль в развитии этнографии Кавказа, главным образом предоставлением страниц своих изданий для напечатания этнографических материалов и статей и, пожалуй, некоторым поощрением деятельности отдельных лиц на поприще этнографии»⁶³.

⁶² Косвен М.О. Указ. соч. Т. 2. С. 257.

⁶³ Там же. Т. 1. С. 351.

Обращаясь к обзору источников рассматриваемого периода, нельзя не отметить появление очень важного издания, которым являются «**Акты Кавказской археографической комиссии**» (АКАК). Акты были изданы в 12 томах (12-й том в двух частях) в Тифлисе с 1866 по 1904 г. Документы за период с 1862 по 1882 г. были подготовлены к изданию в 13-м томе, но после революции 1917 г. комиссия была упразднена, и этот том остался неизданным.

Возглавлял работу комиссии в течение 22 лет выдающийся кавказовед Адольф Петрович Берже. Он стал одним из основателей Кавказской археографической комиссии и до конца своей жизни был ее председателем, издал под своей редакцией одиннадцать томов «Акт»⁶⁴. В работе указанной комиссии принимали участие азербайджанский поэт и философ М.Ф. Ахундов, грузинский историк Д.З. Бакрадзе⁶⁵.

Материалы «Акт» формировались в тома, «каждый из которых посвящен деятельности одного из главноуправляющих или наместников кавказских (кроме периода наместничества великого князя Михаила Николаевича)»⁶⁶. Все тома имеют деление на части по военному и гражданскому управлению, официальные документы — приказы, рапорты, донесения, сообщения, предписания, переписка кавказских наместников с официальными лицами и управляющими делами комитета — даются без комментариев. Акты Кавказской археографической комиссии иллюстрированы картами, портретами, различными изобразительными материалами, а с VI тома — краткими биографиями выдающихся кавказских деятелей. АКАК содержат ценный историко-этнографический материал, связанный с вступлением ингушей в подданство Российской империи, их взаимоотношениями с соседними народами, принятием христианства и ислама, развитием сельского хозяйства, отчасти миграционных процессов и многим другим. Материалы по этим темам в каждом томе представлены неравнозначно.

Интересным и содержательным источником по указанной теме является серийное издание, посвященное изучению истории и этнографии народов Кавказа, — «**Сборник сведений о кавказских горцах**»

⁶⁴ Косвен М.О. Указ. соч. Т. 1. С. 368.

⁶⁵ Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах: сб. док. / сост. Л.М. Парова; ред. Т.Х. Муталиев. Назрань, 1995. С. 8.

⁶⁶ Лисицина Г.Г. Обзор основных источников по истории российской политики на Кавказе в XIX веке // Россия и Кавказ. СПб., 2003. С. 142.

(1868–1881)⁶⁷. Издавался сборник в Тифлисе, при Кавказском горском управлении, увидели свет 10 томов. Редактором сборника являлся **Николай Ильич Воронов** (1832–1888). После окончания Харьковского университета, с 1854 по 1865 г., Н.И. Воронов был преподавателем словесности в Ставропольской, а затем — в Екатеринодарской гимназиях. С 1868 по 1875 г. работал в Кавказском горском управлении, с 1875 по 1877 г. был редактором газеты «Кавказ», в 1881 г. в связи с болезнью ушел в отставку. Возможно, его болезнь и отставка послужили причиной прекращения издания сборника⁶⁸.

Главной задачей, которую ставили перед собой издатели «Сборника», было ознакомление широкой общественности с историей и этнографией народов, населяющих Кавказ. Во вводной статье первого тома цели учреждения данного издания определялись следующим образом: «Издание посвящается всестороннему исследованию быта населения <...> обозначаемого общим именем горцев, однако весьма разнохарактерного, разнообычного и разноязычного». И далее: «Если на стороне горцев лежит роковая необходимость знакомства с нами, то на нашей нравственной обязанности — проникнуть до глубины в их замкнутый круг жизни и узнать положительно, с кем и чем мы имеем дело, для того чтобы определить затем, как удобнее легче и скорее помочь нашим новым согражданам выбраться из темного угла их полудикой жизни и приобщить их к свету и простору, открытых для европейской семьи народов»⁶⁹. Строго следуя поставленной цели, издательство стремилось знакомить читателей с разнообразными материалами о конкретных народах.

Важным событием для народов Кавказа стало издание газеты **«Терские ведомости»**, осуществлявшееся с 1868 по 1918 г. До 1884 г. газета выходила один раз в неделю, с 1884 по 1892 г. — два раза в неделю, затем до 1901 г. — три раза в неделю, и с 1901 г. до ее закрытия — пять раз в неделю. Редактором первой на Северном Кавказе газеты «Терские ведомости» был **Адилъ-Гирей Кешев** (1840–1872) — абазинский писатель и просветитель, автор ценных работ по этнографии и фольклору адыгских народов⁷⁰. С 1867 г. он жил во Владикавказе, возглавляя редакцию газеты.

⁶⁷ Русская периодическая печать: Указатели содержания, 1728–1995. СПб., 1998. С. 511.

⁶⁸ Косвен М.О. Указ. соч. Т. 1. С. 246.

⁶⁹ Там же. С. 246.

⁷⁰ История народов Северного Кавказа... С. 378.

Собственные взгляды А.-Г. Кешева на судьбу народов Кавказа во многом определили редакционную политику одного из главных печатных органов Кавказского региона во второй половине XIX в. В редакционную коллегию газеты А.-Г. Кешевым были привлечены представители разных кавказских народов, в числе которых — кабардинцы Кази Атажукин и Лукман Кодзоков, осетин Иналмуко Тхостов, ингуши Адиль-Гирей Долгиев, Чах Ахриев и др.⁷¹ Благодаря их таланту и знаниям в газете регулярно появлялись статьи, повествующие о народах Кавказа, их обычаях, истории. Газета «Терские ведомости» как источник изучения истории и этнографии ингушского народа по своей значимости занимает первое место. Многие материалы из разделов официальной и местной хроники проливают свет на различные стороны жизни ингушского общества, позволяют анализировать разнообразные социальные процессы, имевшие место в Ингушетии, равно как и в других частях Северо-Кавказского региона.

«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» издавался в Тифлисе в 1881—1929 гг.⁷² Всего вышло 46 томов. В публиковавшихся в этом издании очерках содержатся сведения о различных народах Кавказа, личностях военного и гражданского ведомства, городах и селениях, статистические данные.

Инициатором создания журнала **«Этнографическое обозрение»** (1889—1916) выступил этнографический отдел Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. О необходимости такого издания было написано в предисловии его первого номера: «Развитие русской этнографии, возрастающее с каждым годом, наглядно демонстрирует, насколько необходим специальный орган в этой области отечественной науки. В то время как за границей уже десятки лет издаются в значительном количестве разные этнографические журналы, у нас до настоящего времени не делалось даже опыта подобного издания. Такое положение дела служит немалым тормозом для развития нашей этнографической науки». Далее авторы подчеркивали важность подобного журнала для провинциальных этнографов-любителей, которые редко имеют возможность печататься в специальных изданиях. В «Этнографическом обозрении» публиковались интересные статьи, давалась хорошая библиография и хроника научных публикаций, его редакторы следили за выходом новой рус-

⁷¹ Шаги к рассвету. Адыгские писатели и просветители XIX века: избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 15—16.

⁷² Русская периодическая печать... С. 494.

ской и иностранной литературы. Журнал выходил четыре раза в год. Его редакторами были Н.А. Янчук, В.Ф. Миллер, В.В. Богданов⁷³.

В 1926 г. издание журнала возобновилось под названием «Этнография». Впоследствии журнал дважды менял свое название: в 1930 г. — «Советская этнография», а в 1991 г. — «Этнографическое обозрение».

В 1890 г. во Владикавказе стал издаваться «Терский сборник», который просуществовал до 1910 г., за весь указанный период было издано семь выпусков. В этом сборнике публиковались интересные этнографические материалы по народам Кавказа, в том числе и ингушам.

§ 4. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Анатолий Несторович Генко (1896—1941) — кавказовед. Родился в семье ученого-лесовода. По окончании гимназии учился в Петроградском университете (1914—1920) одновременно на двух факультетах: историко-филологическом и восточном. В 1921 г. был зачислен сотрудником Института сравнительной истории, литературы и языков Запада и Востока при Петроградском университете. С 1923 по начало 1940 г. работал в Азиатском музее АН СССР (с 1930 г. — Институт востоковедения), где в 1930-е гг. заведовал кавказским кабинетом. Также сотрудничал с другими научными учреждениями Ленинграда: был сотрудником Яфетического института, Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). В 1936 г. организовал в Институте этнографии АН СССР кавказский кабинет. Преподавал в ЛГУ, МГУ, Ростовском университете, НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР и др. А.Н. Генко был дважды репрессирован в 1938—1939 гг. Второй арест закончился смертью в 1941 г. в Ленинграде. Выдающиеся лингвистические способности позволили ему свободно владеть двумя десятками языков народов Кавказа, в частности ингушским⁷⁴.

Важным и очень содержательным источником по данной теме является работа А.Н. Генко «Из культурного прошлого ингушей», опубликованная в 1930 г. в «Записках коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР».

⁷³ ЭО. 1889. № 1. С. 3.

⁷⁴ Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992. С. 158—159.

Работа была написана с привлечением большого количества источников, это обстоятельство сделало названный труд лучшим сочинением по истории ингушского народа. В работе автору удалось нарисовать убедительную и разностороннюю картину этнической и культурной истории ингушского народа⁷⁵.

Евгений Михайлович Шиллинг (1892–1953) — этнограф. В 1916 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета. Первая этнографическая работа была выполнена в 1919 г., когда, находясь на службе в Красной армии, он занимался сбором этнографических и фольклорных материалов. В 1920 г. стал сотрудником Комитета по изучению языков и этнических культур народностей Кавказа, реорганизованного впоследствии в НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР. С этого времени Шиллинг постоянно занимался этнографией Кавказа, ежегодно совершая экспедиционные выезды в Абхазию, Грузию, Чечено-Ингушетию, Кабарду, но чаще всего в Дагестан. В 1924 г. Е.М. Шиллинг стал сотрудником Центрального музея народоведения (Музей народов СССР), в организации которого он принимал деятельное участие. В предвоенные годы читал в МГУ курс этнографии Кавказа. С 1943 г. — научный сотрудник ИЭ, где проработал в секторе Кавказа до конца жизни. Умер 4 декабря 1953 г. в Москве.

Научные интересы Е.М. Шиллинга в основном были сконцентрированы вокруг двух тем: религиозные верования и прикладное искусство народов Кавказа. Ему принадлежат небольшие по объему, но очень ценные описания системы религиозных воззрений абхазов, ингушей, чеченцев, сванов, адыгов, народов Дагестана, в которых исследователю удалось уловить сущностные характеристики традиционных представлений горских народов, выстроить иерархию домонотеистического пантеона.

Николай Феофанович Яковлев (1892–1974) — кавказовед, лингвист, этнограф. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1920-е гг. — сотрудник и заведующий отделом Кавказа в Центральном музее народоведения, член Комитета по изучению языков и этнических культур народностей Кавказа, затем — НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР (1924–1930). Активно работал в Комиссии по изучению племенного состава, Московской секции Государственной академии истории ма-

⁷⁵ *Лавров Л.И.* Памяти А.Н. Генко // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. 5. С. 218–219.

териальной культуры (ГАИМК), был научным сотрудником и заведовал сектором кавказских языков в Институте языкознания АН СССР в 1942–1950 гг. Научные исследования сочетал с преподавательской деятельностью в Московском институте востоковедения (1922–1925; 1944–1951), на этнологическом факультете МГУ (1919, 1927–1930), в других вузах страны. Член Парижского лингвистического общества (1928). Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. Умер в 1974 г. в Москве.

В 1925 г. вышел в свет популярный очерк «Ингуши», в котором Н.Ф. Яковлев познакомил читателей с историей, культурой, обычаями и языком малоизвестного для многих народа, обобщив весь фактический материал, собранный во время поездки по Ингушетии в составе экспедиции сотрудников КИПСа. В горной Ингушетии им были собраны материалы о духовной культуре народа, сведения о происхождении ингушских родов, история горных селений Таргим, Эгикал и Хамхи. Большое внимание уделено материальной культуре, описаниям одежды, вооружения, современных жилищ, в которых прослеживается влияние нового времени, сведениям о хозяйственном быте (земледелии, скотоводстве, охоте, утвари, мебели, орудиях труда и многом другом). Со слов последнего языческого жреца Эльмурзы Хаутиева, жителя селения Шон, Н.Ф. Яковлевым были записаны тексты молитв. В ходе экспедиции было составлено около 1 тыс. карточек с отдельными словами, которые не используются в современном ингушском языке и представляют несомненный интерес для исследователей. Сделано более 100 фотографий, записаны фонограммы текстов молитв, были пополнены музейные коллекции: миски, храмовый кубок, храмовый хлеб с крестом, три храмовых хлеба, ножницы, ковш и веретено. Судьба его коллекций неизвестна. Рукописи Яковлева являются ценным этнографическим источником и хранятся в Санкт-Петербургском филиале Российской академии наук в фонде Н.Я. Марра (ф. 800)⁷⁶.

Н.Ф. Яковлев в работе «Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей» впервые предпринял попытку ввести в научный оборот термин «вей нах» («наш народ»), объединив чеченцев и ингушей под общим термином «вайнахи». В этой работе автором проводится анализ ингушского и чеченского языков, народной поэзии.

⁷⁶ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 582, 573, 574, 575.

Хаджи-Мурат Магометович Мугуев (1893—1968) — революционер, писатель. Родился 3 апреля 1893 г. в станице Чернойарской Терской области в семье военного осетина-казака. Учился в Тифлисе в реальном, затем — в коммерческом училище. В 1914 г. окончил военное кавалерийское училище и в чине хорунжего был направлен в Горно-Моздокский казачий полк. С 1914 по 1917 г. был на Кавказском и Персидском фронтах.

В 1917 г. Х.-М. Мугуев перешел на сторону большевиков. В конце 1917 г. он возвращается с Персидского фронта во Владикавказ. В феврале 1918 г. вступает в ряды партии большевиков. Во Владикавказе назначается заведующим агитационно-пропагандистским отделом XI армии. В 1920 г. — уполномоченный военно-политического контроля XI армии по экспедиционному корпусу, с которым прошел от Астрахани до освобожденного от белогвардейцев Северного Кавказа. Здесь он был назначен заведующим Внутренним управлением Терской области.

После окончания Гражданской войны Х.-М. Мугуев продолжал служить в Красной армии, главным образом по линии разведки, некоторое время — в советском консульстве в Трапезунде (Турция). Занимал разные должности в советских учреждениях народного просвещения, культуры и т.д.

Х.-М. Мугуев (будучи уже немолодым человеком) с первых же дней Великой Отечественной войны воевал на различных фронтах. В 1943 г. под Сталинградом получил тяжелое ранение, в результате которого потерял зрение.

С этого времени он был назначен начальником третьего отдела Музея военно-медицинской службы Красной армии. Демобилизовался в декабре 1945 г. в чине подполковника запаса. Был награжден двумя орденами (один — за литературную работу) и несколькими медалями. Скончался Х.-М. Мугуев 3 ноября 1968 г. в Москве, где и похоронен.

Хаджи-Мурат Мугуев пришел в советскую литературу с опытом активного участника Первой мировой и Гражданской войн, работника в различных советских учреждениях. Содержание главных его произведений органически связано с личностью автора, непосредственного участника изображаемых событий.

Почти за 50 лет творческого пути писателем было создано более ста произведений на русском языке: стихи, рассказы, очерки, статьи, повести, роман. Некоторые из них переведены на многие языки народов СССР и других стран: болгарский, вьетнамский, румынский, немецкий, чешский и др.

Свою литературную деятельность Х.-М. Мугуев начал со стихов и очерков. Написал очерки о жизни осетин и других народов, угнетаемых при царизме и быстро преобразующихся после революции («Ингушетия», «Северная Осетия», «Нарты») и др.

К теме нашего исследования относится очерк «Ингушетия», написанный после его поездки в Ингушетию в 1930 г. Как отмечает автор, его отговаривали, но он поехал к ингушам и в сопровождении Берда Евлоева путешествовал по этому краю, собрал интересные сведения об Ингушской автономной области, ее экономическом состоянии и жизнедеятельности местного населения, их нравах и обычаях⁷⁷.

Леонид Петрович Семенов (1886–1959) — профессор Северо-Осетинского государственного педагогического института, заслуженный деятель науки Северо-Осетинской АССР. Л.П. Семенов почти всю свою жизнь прожил на Кавказе и оставил заметный след в истории культуры его народов.

Родился в ст. Слепцовой Терской области. По окончании Владикавказского реального училища учился на историко-филологическом факультете Харьковского университета. В течение 30 лет Л.П. Семенов вел педагогическую работу в Учительском и Педагогическом институтах г. Орджоникидзе (Владикавказа) сначала в качестве старшего преподавателя и доцента, а затем — профессора, заведующего кафедрами русской и зарубежной литератур, декана филологического факультета. Одновременно он работал в Северо-Кавказском институте краеведения и его научном музее, а в годы Великой Отечественной войны, когда враг оказался у стен г. Орджоникидзе, продолжал преподавательскую деятельность в Педагогическом институте г. Цхинвала Юго-Осетинской автономной области.

Будучи ученым с разносторонними интересами и большой эрудицией, Леонид Петрович читал в вузах лекционные курсы по русской и западноевропейской литературе, литературе народов СССР и фольклору; состоял членом Лермонтовской комиссии при Академии наук СССР, был постоянным участником всесоюзных съездов и конференций археологов. Он принимал деятельное участие во многих археологических и этнографических экспедициях, много сил отдавал исследованию нартского эпоса, литературных связей Кавказа с Россией, творческого наследия ряда выдающихся представителей горских литератур Северного Кавказа.

⁷⁷ Мугуев Х.-М. Ингушетия: Очерки. М., 1931.

Большую научно-исследовательскую и педагогическую работу Л.П. Семенов сочетал с активной общественной деятельностью. Семенов был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалями⁷⁸.

Для нашего исследования представляют наибольший интерес следующие научные работы: «Ингушская и чеченская народная словесность»; «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928 и 1929 гг.»; «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1930–1932 гг.»; «Нартские памятники в фольклоре ингушей и осетин» и многие другие. Указанные работы являются ценным источником для изучения этнографии, археологии и истории ингушского народа.

§ 5. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

К числу ценных источников относятся архивные материалы, в которых сосредоточены разнообразные документы и рукописи авторов прошлых столетий. Ниже представляем краткий свод архивных материалов.

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

Дубровин Николай Федорович (ф. 100)

Прежешлавский П.Г. Краткий очерк военных действий трех имамов Дагестана в период времени 1829–1859 гг. (Оп. 1. Д. 44).

Канцелярия Академии наук XVIII в. (ф. 3)

Рапорты И.А. Гильденштедта в Академию наук и карты (1768–1775) (Оп. 33. Д. 5. Л. 345).

Клапрот Генрих Юлий (ф. 783)

Лингвистические материалы Клапрота (Оп. 1. Д. 4. Л. 91).

Путешествие Клапрота на Кавказе (Оп. 1. Д. 5. Л. 112)

⁷⁸ Хайманова И. Леонид Петрович Семенов // Человек и книга: страницы истории Национальной научной библиотеки РСО–Алания (1985–2005) / сост. И. Хайманова. Владикавказ, 2005. С. 140–141; Ученый, ставший гордостью Осетии: [о выдающемся ученом-гуманитарии, литературоведе, искусствоведе Леониде Петровиче Семенове] // Северная Осетия. 2004. 2 апр.; Хозиев Б. Проповедник дружбы народов // Северная Осетия. 1989. 17 нояб.

Март Николай Яковлевич (ф. 800)

Яковлев Н.Ф. Система родства в ингушском языке (Оп. 6. Д. 572).

Яковлев Н.Ф. Ингуши и переживание родового быта среди них (Оп. 6. Д. 574).

Яковлев Н.Ф. Краткий отчет о работах Кавказской экспедиции в 1921 году (Оп. 6. Д. 575).

Март Н.Я. Грамматика начхайского и галгайского наречий (Оп. 1. Д. 1458).

Горепекин Ф.И. Что необходимо для создания Ингушской письменности и грамотности (Оп. 6 Д. 154).

Горепекин Ф.И. Новости для мировой науки с Кавказа (Оп. 6. Д. 155).

Горепекин Ф.И. Необходимость в реорганизации деятельности Ингушского научно-исследовательского института краеведения (Оп. 6. Д. 156).

Горепекин Ф.И. Список рукописей (Оп. 6. Д. 157).

Горепекин Ф.И. Ингушская азбука (Оп. 6. Д. 158).

Горепекин Ф.И. Ингушский язык (Оп. 6. Д. 159).

Горепекин Ф.И. Краткие сведения о народе ингуши (Оп. 6. Д. 160).

Шёгрэн (Иоганн Андреас) Андрей Михайлович (ф. 94)

Manuscripta A. Sjoegreni Caucasia. (Оп. 1. Д. 19).

Шёгрэн А.М. Список русских слов с переводом на индийский и ингушский языки (русская транскрипция) (Оп. 2. Д. 2. Л. 12).

Краткие разговоры и словарь с русского на ингушско-назрановско-чеченский язык, составленный Григорием Цанциевым (Оп. 1. Д. 197).

Институт по изучению народов СССР (ф. 135)

Яковлев Н. Краткий отчет о работе экспедиции в Горной Ингушетии и в Малой Кабарде в 1921 году (Оп. 2. Д. 342).

Российский государственный исторический архив

Кавказский комитет (ф. 1268)

Дела о просьбе Назрановского и части Карабулакского общества об оставлении за ними занимаемых ими земель (Оп. 1. Д. 3116. 1842–1845 гг.).

Дело о наделении участками казенной земли 155 уроженцев Терской области (Оп. 21. Д. 57. 1876 г.).

Дело по всеподданнейшему рапорту командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта Розена. Об обращении ингушей в христианство (Оп. 1. Д. 3. 1835 г.).

Об утверждении сделанного Его Императорским Высочеством главнокомандующим кавказской армией распоряжения к устройству в Ингушском округе Терской области сельскохозяйственной фермы и школы для обучения мальчиков (Оп. 15. Д. 2. 1869–1870 гг.).

Штат Назрановской начальной горской школы, утвержденный императором 22 декабря 1870 года (Оп. 15. Д. 97. 1870 г.).

Дело об образовании в местностях, занимаемых горским населением Кубанской и Терской областей, горских словесных судов и об усилении личного состава уездных полицейских управлений (Оп. 15. Д. 143. 1870—1871 гг.).

Дело о прощении и возвращении на родину жителей Закавказского края разных племен, определенных в арестантские роты и отданных в солдаты (Оп. 1. Д. 912. 1842 г.).

Дело по просьбе Назрановских жителей о дозволении им возвратиться к прежнему Магометанскому закону в 1842 году (Оп. 1. Д. 292. 1842 г.).

Личный фонд графа М.Т. Лорис-Меликова (ф. 866)

Докладная записка, рапорты и другая переписка командующего войсками Терской области М.Т. Лорис-Меликова по вопросу о переселении осетин, кабардинцев, чеченцев и ингушей в Турцию (Оп. 1. Д. 35. 1864—1867 гг.).

Канцелярия обер-прокурора святейшего правительственного Синода (ф. 797)

Справка из канцелярии обер-прокурора Синода о деятельности Шотландских духовных миссионеров среди ингушей на Кавказе в 1820 году, материалы о деятельности этих миссионеров в Ингушетии (Оп. 2. Д. 1. 1840—1844 гг.).

Дело по отношению главноуправляющего Грузиею об определении в приходы к новокрещенным ингушам двух священников из России в качестве миссионеров вместо находящихся у них 4-х грузинских (Оп. 10. Д. 27208. 1840—1841 гг.).

Горный департамент (ф. 37)

Всеподданнейший отчет начальника Терской области. (Добыча соли в селении Датых) (Оп. 55. Д. 69. 1890 г.).

Совет министров (ф. 1276)

Дело канцелярии Государственной Думы по рассмотрению в Совете министров законодательного предложения членов Государственной Думы об упразднении словесных судов в Терской и Кубанской области (Оп. 9. Д. 849. 1913 г.).

Дело о выселении в Восточную Сибирь ингушей Назрановского округа Терской области за оказание поддержки отряду Зелим-Хана, совершавшему вооруженные нападения на русское население и войска (Оп. 6. Д. 39. 1911 г.).

Дело о продлении действия закона о временном назначении города Владикавказа местопребыванием управления Назрановским округом Терской области (Оп. 12. Д. 1136).

Комитет министров (ф. 1263)

Журнал заседания Комитета министров об отдаче крестьянскому обществу в местечке Назрань Терской области земли из казенного участка, без торгов на 12 лет в аренду (9 июля 1898 г., ж. ст. 623).

Журналы заседания Комитета министров об учреждении нефтепромышленного товарищества «Карабулак» за 1898 и 1899 гг.

Высочайшие указы, рескрипты и всеподданнейшие доклады по Министерству народного просвещения (ф. 744)

Дело о пожертвованиях 22 ингушских обществ на содержание «Назрановской горской школы» (Оп. 1. Д. 147. 1897 г.).

Департамент окладных сборов Министерства финансов (ф. 573)

Отчет податного ревизора Дельвига (о владельцах предприятий в Ингушетии) (Оп. 20. Д. 612. 1916 г.).

Копия прошения жителей Долаковского в Ставропольскую казенную палату (Оп. 7. Д. 37. 1911 г.).

Канцелярия Министерства земледелия (ф. 381)

Доклад об отдаче горцам Джейраховского и Мецхельского обществ в аренду, без торгов, казенного участка Терской области (Оп. 46. Д. 180. 1906 г.).

Российский государственный военно-исторический архив

Записка о помощи ингушей в отражении нападения кабардинцев на проезжающих в окрестностях Владикавказа (Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 72. Л. 173–173 об. 1785 г.).

Описание административного деления и управления Кавказом, быта, нравов и обычаев народов Кавказа / сост. П.Г. Бутков (Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 146–154. 1796–1803 гг.).

Рапорт коменданта Владикавказской крепости генерал-майора Дельпоцо генералу от инфантерии С.А. Булгакову о верноподданничестве ингушей (Ф. 482. Оп. 1. Д. 20. Л. 11–14. 1810 г.).

Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии. Реки, дороги, климат, описание городов, уездов, воинских частей — населенных казаками. Описание карабулаков (л. 67–68, 106), ингушей (л. 68 об–69) (Ф. 52. Оп. 2. Д. 32. Л. 144–145. 1787–1788 гг.).

Российский государственный архив Военно-морского флота

Главное инженерное управление (ф. 3)

Карта Северного Кавказа (Оп. 23. Д. 428).

Административные карты Северного Кавказа (Оп. 23. Д. 431).

Дорожная карта Кавказа (Оп. 23. Д. 422).

Листы сборной топографической политико-административной карты Кавказа (Оп. 23. Д. 418).

Карта Кавказа и пограничных с ним районов с показаниями численности народонаселения (Оп. 23. Д. 417).

Меншиков Александр Сергеевич (ф. 19)

Обзор действий России на Кавказе (Оп. 4. Д. 376).

Копия условий генерал-адъютанта Граббе от 16 сентября 1839 г. № 587 (Оп. 4. Д. 381).

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Петербургский институт путей сообщения (Ф. 381. Оп. 1. Д. 588. Л. 445–455).

Материалы первого заседания представителей мусульманских общественных организаций Санкт-Петербурга (Ф. 569. Оп. 13. Д. 1182. Л. 36).

Прошение об открытии в Петрограде публичной библиотеки-читальни для мусульман города с платою за чтение (Ф. 706. Оп. 1. Д. 1837. Л. 3).

Архив Петербургского отделения Института истории РАН

Сведения о народах, под владычеством России находящихся и пограничных с нею (Ф. 36. Оп. 1. Д. 442).

Государственная архивная служба Республики Ингушетия⁷⁹

Статико-этнографические и административно-территориальные сведения об Ингушетии 30-х гг. XIX века (Из рапорта Владикавказского коменданта полковника Широкого от 31 декабря 1838 г.)

Покорение Галашек (По запискам участника Кавказской войны, артиллерийского капитана де-Саже).

Клапротт Юлиус фон. Путешествие на Кавказ и в Грузию, предпринятое в 1807 и 1808 годах.

Леонтович Ф.И. Краткое описание обычаев, существующих между туземцами Ингушевского округа. 1860-х гг.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания

Дело Терского областного правления о смерти начальника Назрановского округа (Ф. 11. Оп. 603. Д. 53).

Поименные списки мулл Ингушевского округа Терской области (Ф. 11. Оп. 15. Д. 641).

Рапорт главнокомандующего войсками Кавказского военного округа (Ф. 11. Оп. 609. Д. 53).

⁷⁹ Ввиду отсутствия собственных материалов архивная служба ведет сбор материалов из различных архивов и архивохранилищ.

Дело Терского областного правления о Соломбеке Гондалоеве, осужденном в исправительные арестантские отделения (Ф. 11. Оп. 28. Д. 100).

Дело об образовании в Терской области Назрановского округа (Ф. 11. Оп. 52. Д. 849).

Совещание заведующих низшими начальными училищами и сельских старшин Владикавказского и Назрановского округов Терской области (Ф. 11. Оп. 58. Д. 2899).

О зависимых сословиях Ингушевского округа Терской области (Ф. 12. Оп. 6. Д. 1243).

Сведения о семейном положении и имущественном положении и судимости жителей селения Сурхохи 2-го участка Назрановского округа (Ф. 102. Оп. 1910. Д. 63512).

Отчет по учебной части Назрановской начальной горской школы за 1872 г. (Ф. 123. Оп. 8. Д. 1015. 1872 г.).

Отчет о состоянии класса ручного труда при Назрановской горской школе Терской области Назрановского округа за 1914—1915 учебный год (Ф. 123. Оп. 1. Д. 831).

Приложение к проекту № 10 Назрановской горской школы (Ф. 123. Оп. 1. Д. 80).

Отчет о состоянии учебных заведений Дирекции народных училищ Терской области (Ф. 123. Оп. 1. Д. 1153).

Годичные ведомости об учениках Владикавказского духовного училища (Ф. 149. Оп. 1. Д. 391).

Сведения о лицах, реестры воспринявших греко-российскую православную веру ингушей (Ф. 245. Оп. 1. Д. 36).

Архив Музея С.М. Кирова (СПб.)

О вооруженном нападении на село Базоркино (V—512).

Воспоминания М. Блок и Э. Блок о революционной работе С.М. Кирова на Кавказе с 1912 по 1918 г. (V—86).

Архив Ингушского государственного музея краеведения

Представители ингушского духовенства (П. 77).

Персоналии (П. 86).

Ингушетия после вступления в состав России (П. 38).

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Мусульманский вопрос на Кавказе (Ф. 73. Д. 844).

Мерве В.И. Несчастная экспедиция генерал-адъютанта Граббе в Ичкерии. Сборник (FXVII № 43).

Д.А. О Кавказе (А.И. 59).

Рукописный отдел Российской государственной библиотеки им. В.И. Ленина

Милютин Д.А. Заметки о племенах Кавказских. Чечня. (1832) (Ф. 169. П. 81. Д. 7).

Рукописный отдел Библиотеки Академии наук

Вахушти Вахтангович. Карты Кавказа и Закавказья (376—26).

Глава II

ИНГУШЕТИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

§ 1. ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ И НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

В письменных источниках указанной теме уделено незначительное внимание, однако имеющиеся фрагментарные сведения дают общее представление о территории расселения и истории поселений на разных исторических этапах.

Развитие поселений тесно связано с процессом переселения ингушей из горных районов в предгорья и на равнину. Этот процесс длился несколько веков и наложил свой отпечаток на облик поселений. Так, горные селения имели существенные отличия от селений, расположенных в предгорьях и на равнине, не только своей компактностью, архитектурой, но и численностью жителей. Наиболее распространенными формами поселений в горах являлись аулы, в которых проживали представители одной или нескольких родственных фамилий. После переселения горцев на равнину этот принцип был нарушен.

До XVIII в. переселение горцев на равнину и в предгорья не носило массового характера. И. А. Гильденшtedтом приведен перечень ингушских селений: «1. Галга; 2. Тирол; 3. Ака; 4. Беци; Гемир; 5. Ваурху; 6. Кир, Мереш; 7. Голай; 8. Иалхар; 9. Цорай; 10. Ной; 11. Хой; 12. Кахкой; 13. Местой; 14. Нашах; 15. Цулуй; 16. Мелер; 17. Корби; 18. Махши; 19. Ассай; 20. Шадгиа; 21. Асдай; 22. Хайрехи; 23. Цизди;

24. Паланг»¹. Л.Л. Штедер сообщал, что побывал в районе Малых Ингушей и посетил ингушей, проживавших вдоль рек Сунжа, Фортанга, Назранка, Камбилеевка и Асса. При этом он отмечал, что поселения ингушей расположены у рек². По свидетельству П.С. Палласа, ингуши живут у истоков Кумбелея и Сунжи до высоких гор на восточном берегу Терека, где они граничат с осетинами³.

Анонимный автор статьи «Прошлое Владикавказа» сообщал, что после присоединения Кавказа к России на месте ингушского селения Заурово был основан город Владикавказ⁴. Эти же сведения с небольшим дополнением повторяются в статье автора, скрывающегося под псевдонимом Бывалый: «10 марта 1784 года отряд в составе трех батальонов пехоты, шести сотен казаков и восьми орудий переплыл на правый берег Терека и стал бивуаком возле опушки рощи Заур при селении ингушей того же названия. 11 марта отряду была назначена дневка. В этот день к нему явилась депутация из соседних селений ингушей: Заур, Тоти и Темерки. Начальник отряда генерал Толмачев 2-й был приглашен вечером в гости в старинный галун (башню) рода Гудантовых. Здесь с высоты галуна он со штабом обозрел окрестность и выбрал место для будущего укрепления. На другой день, в день памяти святого Симеона, было заложено укрепление и названо Владикавказ...»⁵

Генерал И.К. Ивелич в рапорте генералу С.А. Булгакову сообщал, что в 1807 г. для защиты от «хищнических» народов, окружающих Владикавказ, он предложил поселиться рядом с городом мирным и надежным ингушским жителям — старшине Ших-Мурзе Заитову, Темерко и Жанхоту Малсеговым, «каждому из них со своею деревнею»⁶. Это обеспечивало спокойствие и безопасность горожанам и давало возможность ингушам вновь поселиться на территории, которой они были лишены после строительства Владикавказа. Дополни-

¹ Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. СПб., 2002. С. 241.

² Штедер Л.Л. Дневник путешествия в 1781 г. от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996. С. 197—198.

³ Паллас П.С. Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793—1794 гг. // Аталиков В.М. Наша старина. С. 248.

⁴ Старый солдат. Прошлое Владикавказа // Кавказское слово. 1910. № 167; РГВИА. ВУА. Ф. 6164. Ч. 98. Л. 177; Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Орджоникидзе, 1984. Т. 2.

⁵ Бывалый. Начало Владикавказа // ТВ. 1911. № 71.

⁶ АКАК. Т. III. Д. 387. С. 215.

нием к изложенному служит известие Ю. Клапрота: на левом берегу Камбеля у самых предгорий живут 200 ингушских семей⁷.

Ингушский народ специальным договором от 3 июня 1810 г. принял присягу на подданство России. В соответствии с этим документом ингушам было предоставлено право пользоваться землями по правую сторону течения реки Терек и хребта Кабардинских гор⁸, число переселившихся к реке Сунже составляло 7 тыс. человек⁹.

В письменных источниках почти нет обстоятельных сведений о миграции отдельных горских обществ, о том, в каких селениях их представители расположились и в каком составе. Однако в некоторых источниках все же имеются отрывочные сведения на этот счет. Так, Ф.И. Горепекин писал, что «та часть, которых мы собственно называем ингушами и назрановцами, есть переселенцы из галгаевского аула Таргим из рода Ко-кале. Они в 1810 г. в количестве семи фамилий: Мальсагова, Бекова, Арчахова, Кастой, Плиатова, Сульдигиатова и Гириатова — поселились в Тарской долине, которая раньше их прихода называлась “Ангуз или Ингуз”, и также расположились в окрестностях теперешнего Владикавказа и Назрани»¹⁰. По И. Бларамбергу, «около 70 лет назад в том месте, где Кумбелей выходит из горных теснин, ингуши основали колонию, названную Шалха». Далее он сообщал, что часть ингушей обосновалась в Назрани у реки Сунжи, а часть — у реки Камбилеевки. Главными из них являются: Большой, Средний и Малый Яндир, поселения Темирова, Бекбулатова, Арабханова, Закова и поселок Кумбалейка¹¹. С. Броневский писал, что главные деревни или сборные места «с приписанными к ним селениями принадлежат к ингушским союзным обществам: Вани, Осет, Макарл. Они лежат на восток от Владикавказской крепости, одна за другой в нескольких верстах»¹².

Из вышеизложенных материалов следует, что активная миграция ингушей в указанный период происходила в Тарскую долину и долины рек Сунжа, Фортанга, Назранка, Камбилеевка и Асса.

⁷ *Клапрот Ю.* Путешествие на Кавказ и Грузию, предпринятое в 1807 и 1808 годах // Архивный вестник. Назрань, 2005. Вып. II. С. 50.

⁸ АКАК. Т. VIII. Д. 567. С. 668.

⁹ АКАК. Т. IV. Д. 1376. С. 896.

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 160. Л. 21.

¹¹ *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 207.

¹² *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 165.

Несмотря на принятие российского подданства, многие горные общества еще считали себя свободными и никому не подвластными. Однако ситуация кардинально изменилась в 1816 г. в связи с назначением А.П. Ермолова главнокомандующим Кавказским корпусом. В течение десятилетнего пребывания на Кавказе Ермолов был наделен неограниченной военной, гражданской и дипломатической властью. Для подчинения непокорных горцев им был разработан план, в соответствии с которым должны были быть построены крепости и укрепления, чтобы выход из гор на равнину оказался под контролем русского командования и войск. Так, уже в 1817 г. в верхнем течении реки Сунжи было построено назрановское укрепление, в 1818 г. — крепость Грозная, в 1819 г. у кумыкского аула Эндери — крепость Воздвиженская. Строительство этих крепостей позволило отрезать жителей горных районов от плоскостных земель, лишив их плодородных полей и пастбищ и возможности укрываться в случае совершения преступлений.

Желание укрепить южные границы империи и ослабить горцев побуждало царское правительство насильственно переселять последних на равнину. В донесении И.Ф. Паскевича военному министру А.М. Чернышеву сообщалось, что предпринята карательная экспедиция под командованием генерал-майора князя И.Н. Абхазова против джейраховцев, кистинцев, галгаевцев и тагаурцев для приведения их к присяге. 10 июля 1830 г. «джейраховские старшины и жители, добровольно покорившиеся, были приведены к присяге на верно-подданство Государю Императору по существующим у них обычаям, и в залог их верности взяты благонадежные аманаты. <...> 12 числа приведены к присяге жители деревень, лежащих в средней части реки Макалдона, и деревень, расположенных по рекеASSE, от всех названных селений взяты аманаты. Непокорившиеся селения Баина, Обин, Валакау, Калмикау, Верхний и Нижний Яулы, Суван были уничтожены»¹³. В результате исчезли с лица земли многие горные селения. Автор, скрывающийся под инициалами Г.В., писал, что в 1830 г. большая часть ингушей была выселена с гор на плоскость, в окрестности Назрани, в горах осталось меньше 1/3 всего населения. Выселенные ингуши стали называться назрановцами и заняли землю между реками Сунжа и Камбилеевка от Главного Кавказского хребта до Кабардинских гор¹⁴.

¹³ АКАК. Т. VII. Д. 303. С. 369.

¹⁴ Г.В. Этюды об ингушах // ТВ. 1891. № 20.

Процесс переселения имел продолжение в июле 1832 г., когда генерал-лейтенант А.А. Вельяминов приступил к покорению карабулаков. В ходе этой экспедиции были истреблены деревни Меркей, Амгиге, и вновь покорились жители 5 карабулакских селений и вторично присягнули на верноподданство жители 11 деревень. В результате карательных экспедиций было уничтожено восемь селений¹⁵. Барон Г.В. Розена графу А.И. Чернышову 29 июля 1832 г. сообщал, что истреблено 8 деревень, 24 числа истреблено еще 9 деревень¹⁶. В результате этих военных действий было разорено и уничтожено 27 деревень, все имущество их жителей разграблено, а прилежащие к уничтоженным аулам поля потравлены, что лишило оставшихся в живых возможности жить на этих местах.

Некоторые селения, уничтоженные в период карательных экспедиций, сохранились в Дорожной карте, составленной в 1832 г. при Генеральном штабе¹⁷. Она является ценным источником еще и потому, что содержит списки небольших хуторов, иногда населенных всего несколькими семьями одной фамилии. Число жителей в таких населенных пунктах колебалось от нескольких человек до 30—50 жителей обоего пола. Многие селения, такие как Албогачева, Гелисханова, Мартазанова, Тотрачева, названные по именам основателей этих населенных пунктов, после укрупнения сел исчезли и не были включены в статистические отчеты.

Также интересна и карта Кавказского края, составленная в 1842 г. при Генеральном штабе отдельного Кавказского корпуса в Тифлисе¹⁸. Она наглядно демонстрирует процесс переселения ингушей на равнинные земли. На карту нанесены как горные, так и равнинные поселения, многие из которых нигде больше не встречаются. Также приводится таблица с данными о вероисповедании населения, с указанием числа мусульман и христиан среди ингушей. Дана общая численность ингушей — 15 505 человек. Крупный масштаб карты позволяет составить план расположения различных населенных пунктов Ингушетии, воссоздать картину расселения ингушей в тот исторический период. Так, наибольшее количество поселений зафиксировано не в горной части Ингушетии, как это было в предыдущий период, а в предгорьях и на равнине. Это сви-

¹⁵ АКАК. Т. VIII. Д. 582. С. 682.

¹⁶ Там же. Д. 581. С. 681.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 3/л. Оп. 23. Д. 422.

¹⁸ Там же. Д. 417.

детельствует об интенсивном характере миграций населения из горных районов.

В силу ряда экономических и политических причин ингуши не раз были вынуждены менять местоположение своих аулов, что вело к нестабильности поселений. Ингушские селения были малочисленны и разбросаны, это осложняло полицейский надзор за местным населением и сбор налогов. В конце 50-х гг. XIX в. военными властями было принято решение об укрупнении населенных пунктов. Каждое село должно было иметь не менее 300 дворов.

Из рапорта командующего войсками Левого крыла Кавказской линии генерал-лейтенанта Н.И. Евдокимова от 3 ноября 1858 г. следует, что он приказал, учитывая тревожное положение в Военно-Осетинском округе, поселить в большие «аулы туземцев Назрановского, Галашевского и Карабулакского обществ; уничтожить аулы, лежащие в глубине лесов по верховьям Ассы и Фортанги, жители которых занимаются постоянно разбоями; наконец, проложить удобное сообщение в верховьях Ассы, дабы иметь ближайшие сообщения с вновь покорившимися обществами, живущими между верховьев Терека и Аргуна»¹⁹. Из отношения генерал-адъютанта А.И. Барятинского к генерал-адъютанту Васильчикову от 26 июля 1858 г. следует, что А.И. Барятинским было предложено переселить на Дон выходцев с гор и усилить кавказскую линию казачьим населением²⁰.

«Систематическое расшатывание основ хозяйственной жизни широких ингушских масс путем открытого грабежа царскими войсками их хозяйств, путем непрерывного переселения аулов с одного места на другое, путем истребления огнем и мечом целых деревень, путем выселения жителей с давно насиженных пепелищ с целью заселения их казачьими станицами, политический гнет над ингушскими массами, полицейские мероприятия по внедрению среди них православия — все эти обстоятельства, вместе взятые, или в различных сочетаниях служили почвой, на которой неоднократно вспыхивали в Ингушетии восстания»²¹. Наиболее значимым оказалось «Назрановское возмущение», имевшее место 23–25 мая 1858 г. Восстание было жестоко подавлено: пять человек, признанных главными виновниками мятежа, были приговорены к повешению на холме, на котором они собирали народный сбор, 33 человека были приговорены к наказанию шпицру-

¹⁹ АКАК. Т. XII. Д. 978. С. 1116.

²⁰ Там же. Д. 960. С. 1090.

²¹ *Мартirosiан Г.К.* История Ингушии. Орджоникидзе, 1933. С. 107.

тенами через сто человек по десять раз с лишением всех прав, состояния и к ссылке в Сибирь на каторжные работы; в рудники без срока — 5 человек и на работу на заводах — 28 человек, отмечал Б.В. Скитский²².

Итогом всех вышеперечисленных мероприятий стало уничтожение мелких хуторов и создание крупных населенных пунктов, таких как Плиево, Барсуки, Гамурзиево, Альтиево, Насыр-Корт, Экажево, Сурхахи, Базоркино и т.д. Некоторые селения получили названия от личных имен старшин, назначенных военной администрацией²³.

После окончания Кавказской войны турецкие агенты и царское правительство под предлогом паломничества в Мекку постарались переселить в Османскую империю как можно больше мусульман. Выселение в Турцию «неблагонадежных народов» происходило вследствие проводимых реформ, но основной причиной все-таки была их религиозная принадлежность²⁴. В личном фонде М.Т. Лорис-Меликова представлен обширный блок материалов, касающихся вопроса переселения осетин, кабардинцев, чеченцев и ингушей в Османскую империю²⁵. Наряду с этими материалами наиболее полным и достоверным источником по данной теме является работа Г.А. Дзагурова. В ней отмечалось, что многие ингуши категорически отказывались покинуть родину, но были и такие, кто надеялся на лучшую долю в стране, где живут братья-мусульмане. Переселение в Турцию в 1865 г. возглавил генерал-майор осетин Мусса Алхазович Кундухов, с которым решило покинуть родину ингушское «племя» карабулаков во главе со штабс-капитаном Алико Цуговым²⁶. Переселилось около 3–5 тыс. ингушей (карабулаков). Как сообщал А.П. Берже, переселившиеся в Турцию ингуши поселились частью на Сагангукском хребте, частью же — к югу от Диарбекира, по окраинам Месопотамии²⁷.

В Турции переселенцев ожидало разочарование. «Оттоманская империя, принявшая их с готовностью, обещавшая свободу и каждому семейству полное хозяйство, ровно им ничего не дает, а вспыхнув-

²² Скитский Б.В. Назрановское возмущение — 1858 г. Владикавказ, 1930. С. 11.

²³ Кодзоев Н.Д. Назрановское восстание 1858 г. // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2005. Вып. 3. С. 49.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 73. Д. 844. С. 27.

²⁵ РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–25.

²⁶ Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Ростов н/Д, 1925. С. 64.

²⁷ Берже А.П. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879. С. 7.

шая среди них в дороге эпидемия уносит в вечность половину эмигрантов», — отмечал М. Альтемиров²⁸. Обманутые в своих надеждах и разочарованные переселенцы, свидетельствует Г.А. Дзагуров, искали возможность вернуться на родину. Зная о бедственном положении соотечественников, почетные представители 15 аулов Назрановского общества в 1869 г. подали прошение с просьбой возвратить из Турции 76 дворов их родственников, «причем, — как было отмечено в документе того времени, — они обязуются принять на себя все издержки по возвращению, отвечать за их поведение и поместить на отведенной им земле, а для разыскания места жительства переселенцев-мухаджиров просят отправить на свой счет в Турцию “доверенных лиц”»²⁹. Однако в этой просьбе было отказано. Лишь незначительная часть переселенцев сумела нелегально вернуться на родину, но здесь места их прежнего проживания уже были заняты новыми поселенцами, так что им приходилось искать другие места жительства.

По сообщению М. Иг-ева, селение Сагопш «состоит из 324 домов; жители его — все карабулаки, из которых около 2/3 — выходцы из Турции; это те, которые отправились с генералом Кундуховым в Турцию и потом возвратились вспять»³⁰.

С численностью населения Ингушевского (так он назывался в 1860-е гг.) округа позволяют ознакомиться данные, приведенные в работе А.И. Ипполитова. Округ состоял из двух участков: Назрановского, управление которым находилось в укреплении Назрань, число дымов (дворов) — 3326 и число душ — 8780 мужского и 8559 женского пола, и Горского участка, число дымов — 907, число душ мужского пола — 2915 и женского пола — 2848, управление находилось в городе Владикавказе³¹.

В 1860–1866 гг. в Ингушетии была проведена земельная реформа, в результате которой было создано 15 больших аулов на плоскости. Данные, приведенные Н.Ф. Грабовским, относятся к горной части Ингушетии, где, по его расчетам, насчитывалось до 120 аулов, при этом он отмечал, что только три или четыре поселения по числу поместий и живущих в них семейств имеют право называться аула-

²⁸ Альтемиров М. Ингуши: исторический очерк // Жизнь национальностей. 1919. № 15 (23).

²⁹ Дзагуров Г.А. Указ. соч. С. 163.

³⁰ Иг-ев М. Из селения Сагопш // ТВ. 1885. № 73.

³¹ Ипполитов А.И. Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 6.

ми³². Из вышеизложенных данных следует, что в 1866 г. в Ингушетии насчитывалось 135 населенных пунктов.

Ч.Э. Ахриев сообщал, что ингушское племя состоит из 30 тыс. душ и проживает в Терской области. Занимаемая ими территория простирается на 50 верст в длину и ширину³³. К сожалению, в его работе нет указаний на расположение тех или иных поселений, не сообщается об их особенностях. Что карабулаки населяют равнину, орошаемую реками Ассою, Сунжею и Фортангою, по течению которых расположены их аулы, сообщает А.П. Берже³⁴.

Согласно материалам Первой всероссийской переписи населения 1891 г., в Ингушетии насчитывалось 144 населенных пункта. Далее сообщалось, что ингуши живут небольшими аулами в горах и в крупных селениях на равнине³⁵. Из всех населенных пунктов Ингушетии 102 приходилось на горные аулы и только 42 — на равнину. Однако нужно отметить, что в горных селениях число жителей варьировало от нескольких до 50—80 человек на один населенный пункт, тогда как в равнинной части селения насчитывалось до 4 тыс. жителей.

Плоскостные аулы были гораздо больше, в среднем на каждый из них приходилось 343,7 двора с населением в 1615,9 душ обоего пола, т.е. средний аул на плоскости по количеству дворов в 35 раз превышал среднее горное селение, сообщал Г. Вертепов. По его данным, на 1892 г. в горной части Ингушетии имелось 56 населенных пунктов, а на плоскости — 45 поселений, население которых составляло 69,1 % от общей численности ингушей³⁶. При сопоставлении этих данных с материалами переписи можно сделать вывод, что в течение одного года численность населенных пунктов в горной части уменьшилась на 46 аулов, а в равнинной — увеличилась на 3 поселения.

Серьезные изменения в горной части Ингушетии произошли в 1906 г. в связи с преследованием абрека Зелимхана. Жители горных селений, подозреваемые в укрывательстве абрека, были подвергнуты страшным репрессиям. Из рапорта генерал-адъютанта графа И.И. Во-

³² Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. № 3. С. 16.

³³ Ахриев Ч.Э. Этнографический очерк ингушского народа с приложением его сказок и преданий // ТВ. 1872. № 28.

³⁴ Берже А.П. Указ. соч. С. 7.

³⁵ РГИА. Ф. 129. Оп. 11. Д. 2390.

³⁶ Вертепов Г. Ингуши // ТС. Владикавказ, 1892. Кн. 2. С. 85.

ронцова-Дашкова следует, что жители поселков Кек и Нелх со своими семьями будут высланы в Сибирь, а хутора, расположенные по Ассиновскому ущелью, будут уничтожены, а жители — переселены³⁷. Приговор был приведен в исполнение, населенные пункты, располагавшиеся в Ассиновском ущелье, исчезли.

По свидетельству Н. Решетина, в горной Ингушетии в 1910 г. насчитывалось 1855 дворов, но в статье нет сообщения относительно общего числа поселений³⁸.

После революции 1917 г. ингуши возвратили себе земли станиц Сунженская, Тарская, Фельдмаршельская и Аки-Юртовская, которые были расположены «в сердце Ингушетии, разъединяя собой горную и плоскостную Ингушетию», сообщал К. Бутаев³⁹.

Из приведенных данных следует, что процесс укрупнения населенных пунктов, начавшийся еще в начале XIX в., завершился в первой четверти XX в.

§ 2. ИНГУШЕТИЯ В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫХ И ВОЕННЫХ РЕФОРМ XIX В.

Для эффективного управления покоренным Кавказским краем нужна была такая судебная система, которая не слишком противоречила бы адату. Генерал А.П. Ермолов, понимая это, предпринимал попытки по организации сбора материалов по обычному праву горцев. Но сменивший Ермолова в 1827 г. И.Ф. Паскевич занял противоположную позицию и предложил ввести на Кавказе общероссийский порядок управления и судебную систему.

1830 год был ознаменован учреждением окружных судов и введением гражданского устройства. Генерал-майор князь И.Н. Абхазов назначил приставом над джейраховцами, кистинцами и жителями Галгаевского общества хорунжего Константинова, дав ему помощником поручика Тоу-Султана Дударова, который и до этого исполнял обязанности по управлению населением данной территории⁴⁰. 12 де-

³⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 39. Л. 9 об.

³⁸ Решетин Н. Тавричане-овцеводы и горцы // ТВ. 1910. № 60.

³⁹ Бутаев К. Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // Жизнь национальностей. М., 1923. Кн. 2. С. 30.

⁴⁰ АКАК. Т. VII. Д. 304. С. 372.

кабря 1830 г. во Владикавказе был учрежден окружной суд для жителей Куртатинского, Тагаурского, Джейраховского, Кистинского и Гаглаевского обществ.

Значительная часть рассматривавшихся в этом суде дел касалась кровной мести, часть дел не подлежала рассмотрению, так как решение их было невозможно при существовавших правилах судопроизводства. Местное население, не зная русского языка, незнакомое с существующими формами российской судебной системы и не имевшее своей грамоты, сталкивалось со многими трудностями.

Схожую с И.Ф. Паскевичем позицию в управлении краем поддерживал сменивший его в 1831 г. барон Г.В. Розен, однако спустя несколько лет он изменил свою точку зрения. Участвуя в заседании Государственного совета, где рассматривались вопросы, связанные с устройством судопроизводства на Кавказе, Розен высказал мнение о необходимости сбора норм адата жителей каждой кавказской провинции.

В 1836 г. Розен докладывал военному министру Чернышеву: «Тяжбы между горцами редки и ничтожны, потому что они вообще бедны, нужды их малы и понятия ограничены; одно кровомщение, бывшее у них прежде долгом священным, есть главное и почти единственное преступление, за которое они строго преследуются; прочие же их поступки по маловажности своей редко могут подлежать судебному разбирательству или требуют скорого решительного наказания»⁴¹. За шесть лет существования Владикавказского окружного суда «в производстве его было только 12 уголовных, 4 следственных и 2 гражданских дела»⁴².

Местное население, привыкшее разбирать сложные и спорные вопросы в соответствии с прежде существовавшими практиками, еще не было готово выносить их на всеобщее обсуждение через суды. Признав неэффективность работы последних, в 1836 г. правительственными органами было принято решение упразднить упомянутый суд, а его полномочия возложить, как и прежде, на приставов и их помощников, которые бы вели письменное производство, а также выделить одного переводчика из местного населения. Обязанности приставов были определены инструкцией с учетом местных особенностей. В ней, в частности, говорилось: «Всех горцев, обличаемых в важных уголовных преступлениях, коих поступки будут подлежать судебному рас-

⁴¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 38. Д. 567. Л. 5.

⁴² Там же. Л. 6.

смотрению, предавать военному суду и исполнять приговоры о них по установленному порядку»⁴³. Такая форма судебных разбирательств должна была сохраняться до тех пор, пока само население не стало бы готовым к введению новой судебной системы.

В 1839 г. генерал-адъютант П.Х. Граббе выдвинул ряд условий, в соответствии с которыми покорившиеся горцы должны были выбирать себе одного кадия, который, помимо решения судебных дел по шариату, был обязан исполнять все приказания пристава. Кроме того, надлежало выбирать в каждом ауле одного старшину, наблюдавшего за общественным спокойствием и приводившего в исполнение все приказания начальства⁴⁴.

В 1840 г. российская администрация ввела на Кавказе уголовный и гражданский суд, разработанный по проекту сенатора П.В. Гана. Однако функционировала предложенная судебная система недолго — всего два года, «так как была вопиюще не согласована с местными особенностями и обычаями»⁴⁵. Недовольство ею выразили депутаты Назрановского общества, которые обратились к императору с просьбой «о дозволении им в делах между своим обществом и соседственными горскими племенами разбираться собственным судом, и только за преступления против правительства и вообще против русских предавать виновных суждению российских законов»⁴⁶. На это был получен следующий ответ: «При Назрановском приставе для этого постоянно находятся 6 старшин, выбранных народом; они разбирают все маловажные споры между жителями, и старые претензии относятся в Комендантское управление только в таком случае, ежели просители остаются недовольны решением старшин; дела же уголовные и вообще с русскими решаются нашими законами»⁴⁷.

После окончания Кавказской войны военное управление Кавказом было ликвидировано и введена общая «военно-народная» форма управления. Для более эффективной ее реализации были учреждены новые «военно-народные округа», возглавлявшиеся армейскими офицерами, в ведении которых сосредоточивались административно-управленческие, полицейские и в значительной мере судебные функ-

⁴³ АКАК. Т. VIII. Д. 612. С. 715.

⁴⁴ АВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 381. Л. 5.

⁴⁵ Лисицына Г.Г. Обзор основных источников по истории российской политики на Кавказе в XIX веке // Россия и Кавказ. СПб., 2003. С. 135.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 3116. Л. 19 об.

⁴⁷ Там же. Л. 30.

ции. До 60-х гг. XIX в. горское население Северного Кавказа находилось в подчинении военных властей левого и правого флангов кавказской линии⁴⁸. В 1857 г. приставские управления были упразднены и указом императора все «покорное население певого крыла» разделено на четыре округа: Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский. Ингушетия, разделенная на четыре приставства (Нагорное, Назрановское, Карабулакское и Галашевское), входила в состав Военно-Осетинского округа⁴⁹.

Изменение административно-территориального деления и введение системы военно-народного управления повлекли за собой создание нового органа для управления местным населением, в связи с чем 1 апреля 1858 г. было издано «Положение об управлении Кавказской армией», которое предусматривало включение в состав Главного штаба особого отделения по управлению горскими народами⁵⁰. По этому положению при начальнике округа выбиралось несколько помощников «для судопроизводства, разбора жалоб и тяжб, обсуждения вопросов о нуждах и потребностях племени», следовало также «в каждом округе учредить суд из постоянных членов»⁵¹. Суд состоял из председателя, функции которого возлагались на начальника округа, членами суда являлись депутаты, назначенные от всех обществ, входивших в состав округа, а также кадий, словесный и письменные переводчики, несколько писарей и судебный делопроизводитель в лице адъютанта начальника округа. Местопребыванием начальника Осетинского округа и суда являлся город Владикавказ, где для заседания суда избирались 11 депутатов, «а именно: от назрановцев — 2, от галашевцев — 1, от джейраховцев и кистинцев — 1, от тагаурцев — 2, от алагирцев и куртатинцев — 2, от горских осетин — 1, от карабулаков — 1, и впоследствии еще 1 от дигорцев»⁵². Как видно, судопроизводство осуществлялось при участии судей, избираемых в горских обществах на основе обычного права и шариата. На уровне сельских обществ сохранялись элементы самоуправления.

⁴⁸ История народов Северного Кавказа, конец XVIII в. — 1917 г. М., 1988. С. 279.

⁴⁹ Мужухоева Э.Д. Организация управления Чечено-Ингушетии в 40–60-е гг. XIX века // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XX в.). Грозный, 1982. С. 74.

⁵⁰ Там же. С. 75.

⁵¹ АКАК. Т. XII. Д. 561. С. 646.

⁵² Там же.

Военно-народная система рассматривалась имперскими властями как необходимая форма сохранения военной администрации в тех районах, население которых «еще не было подготовлено к гражданскому управлению» и применению общеимперского законодательства⁵³.

3 мая 1860 г. приказом наместника Кавказа А.И. Барятинского вся территория Северного Кавказа была поделена на Ставропольскую губернию, Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области. Области, в свою очередь, делились на округа, последние — на участки. Терская область состояла из восьми округов: Кабардинского, Осетинского, Ингушевского, Аргунского, Чеченского, Нагорного, Ичкеринского и Кумыкского. Ингушевский (с 1905 г. — Назрановский) округ был разделен на Назрановский, Пседахский и Горский участки. В нем было установлено раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения.

В соответствии с новым административно-территориальным делением, по «Положению об управлении Терской областью» от 29 мая 1862 г., в ней вводился главный народный суд, который находился во Владикавказе, в округах были образованы окружные суды, в участках — участковые суды.

Существенное влияние на управление краем оказала судебная реформа, проведенная по Высочайшему указу от 20 ноября 1864 г. Она создала в России судебные органы, организованные по образцу европейских стран. Для горских народов был принят особый судебный устав, и во Владикавказе был учрежден Терский областной суд с двумя отделениями — уголовным и гражданским.

В 1869—1870 гг. на Северном Кавказе была проведена новая судебная реформа. 30 декабря 1869 г. был обнародован указ императора о введении в Терской и Кубанской областях «Временных правил горских словесных судов». В соответствии с ними судебные уставы от 20 ноября 1864 г. были распространены на русское население Терской и Кубанской областей. В округах учреждался словесный суд под председательством начальника округа или его помощника. Состав судов утверждался начальником области. В сельских обществах учреждались «аульные суды», тем самым превращая сельскую общину в административную единицу. В ведение аульных судов передавались уголовные дела по маловажным преступлениям, совершенным в пределах

⁵³ Пуццев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774—2004). М., 2006. С. 24.

территории сельского общества. Более важные уголовные дела (нанесение ран, увечий, случайные убийства, изнасилования, кражи со взломом и с применением оружия и т.п.) рассматривались окружным словесным судом. Суды руководствовались положениями обычного права — адата — и мусульманского права — шариата.

Современный исследователь А. Цуциев пишет, что «пореформенный период на Кавказе сопровождается общей либерализацией и формированием политического курса на административно-правовое сближение края с остальной Россией при сохранении его особого регионального статуса (Кавказское наместничество). <...> Следствием новой политики становится введение с 1871 г. “Гражданского устройства” в “войсковых” областях Северного Кавказа — Кубанской и Терской. Военно-народная система управления горцами / горскими территориями в этих областях фактически включается в общегражданскую систему, обозначая тенденцию к преодолению рамок особого административно-правового режима для горцев и отказу от военных методов администрирования»⁵⁴. Так, в 1871 г. Терская область была разделена на 7 округов: Пятигорский, Нальчикский, Владикавказский, Грозненский, Хасавюртский, Аргунский и Введенский. Ингуши входили во Владикавказский округ⁵⁵.

В декабре 1870 г. была проведена очередная судебная реформа на Северном Кавказе. С 1871 г. в Ингушетии стал функционировать Назрановский горский словесный суд.

В «Деле об образовании в местностях, занимаемых горским населением, Кубанской и Терской областей горских словесных судов и об усилении личного состава уездных полицейских управлений» сообщалось, что штат Назрановского горского словесного суда утвержден в следующем составе: председатель — начальник Владикавказского округа или его помощник — 1, три депутата и кадий⁵⁶.

«Председатель суда, депутаты и кадий образовывали состав горского словесного суда. Председатель суда назначался администрацией. Как правило, председательствовал в судебном заседании начальник округа или его помощник (соответственно в отделах — помощник атамана) по должности. Считалось, что депутаты-судьи и кадий избираются населением, но, по существу, они также назначались адми-

⁵⁴ Цуциев А. Указ. соч. С. 28.

⁵⁵ Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 102.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 55. Д. 143. Л. 8.

нистрацией»⁵⁷. Кадий должен был выдержать испытание на звание эфендия (эфенди) при Закавказском мусульманском духовном правлении суннитского учения. Так, об утверждении атаманом Сунженского отдела народным кадием в Назрановском горском суде жителя села Альты-Гамурзиевского Абдурахмана Хаджи Актотиева, получившего звание эфендия, сообщалось в газете «Терские ведомости»⁵⁸.

Списки депутатов и кандидатов на эти должности, выбиравшихся от каждого селения в Горский словесный суд, публиковались в газете «Терские ведомости».

Н.С. Мансуров писал, что после проведения на Северном Кавказе судебной реформы среди горцев Терской области удержался как особый институт лишь горский словесный суд, который действовал исключительно на основании обычаев и адата, некоторые из которых изложены в учении шариата, а другие же по традиции переходят из рода в род. Таким судом, в котором председательствовал младший помощник окружного начальника или атамана отдела, пользовались кабардинцы и городские общества Нальчикского округа, ингуши, чеченцы и кумыки⁵⁹.

Однако и такая судебная система не была лишена недостатков, критика в ее адрес появлялась в местной прессе. Так, в газете «Терек» анонимный автор предлагал или реорганизовать эти суды, или уничтожить их, как не достигшие цели⁶⁰. В 1901 г. в газете «Терские ведомости» также прозвучала критика в адрес существующей системы, предлагалось «заменить горские суды общими для государства судебными установлениями или дать им прежнюю чисто народную организацию»⁶¹.

В Терской области в 1883 г. произошло разделение гражданских округов, существовавших с 1871 до 1883 г., на казацкие отделы и горские округа. Область была поделена на три отдела: Сунженский, Пятигорский и Кизлярский — и четыре округа: Владикавказский, Грозненский, Нальчикский и Хасав-Юртовский. Плоскостная Ингушетия значилась во 2-м участке Сунженского отдела, а нагорная —

⁵⁷ *Кокурхаев К.-С.А.-К.* Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989. С. 47—48.

⁵⁸ ТВ. 1891. № 31.

⁵⁹ *Мансуров Н.С.* Обычный суд у осетин: историко-юридический очерк // Каспий. 1894. № 58.

⁶⁰ О горских словесных судах // Терек. 1882. № 22—23.

⁶¹ III. Горский словесный суд // ТВ. 1901. № 67.

в 3-м участке (с участковым правлением в станице Сунженской). Тем самым был установлен прямой военно-административный контроль казачьих войск над местным населением.

Недовольство существующим административным делением ингуши выражали неоднократно. Г.К. Мартиросиан писал, что «доверенные» от сельских обществ 2-го Сунженского участка в 1903 г. выражали свое недовольство 16-летним управлением Сунженским отделом. «Мы имеем право сказать, что в отношении нас нашими начальствующими лицами проявляется лишь власть полицейская во всех видах, подчас очень суровая, с применением за провинности отдельных лиц довольно частых экзекуций войсками над сельскими обществами, уносящих с собою последние крохи и без того обнищавших жителей, без малейшего проявления деятельности земской в смысле народного просвещения, т.е. увеличения просветительно-культурных начинаний или средств в населении, народного здоровья и народного продовольствия»⁶². Такое положение дел продолжалось до тех пор, пока ингуши входили в Сунженское управление.

1905 год был ознаменован временным учреждением Назрановского округа. В его состав, по распоряжению главнокомандующего Кавказского военного округа, вошли из Сунженского отдела 2-й и 3-й участки в полном объеме, а из 1-го участка — селения Сагопши, Пседах и Кескем с подчиненными им в административно-полицейском отношении хуторами и поселками. При этом были перечислены из Сунженского отдела в Назрановский округ Горский словесный суд.

В январе 1908 г. «выборные от ингушского народа — поручик Татре Албогачиев, Шаптуко Куриев и Дугуз Хаджи Беков — прибыли в город Тифлис с целью ходатайствовать перед Наместником Его Высочества на Кавказе об утверждении временно образованного Назрановского округа»⁶³. Прошение было удовлетворено, и 10 июня 1909 г. был утвержден Назрановский округ, состоящий из 2-го и 3-го участков Сунженского отдела, «а равно из наделов селений Сагопши, Пседах, Кескем 1-го участка сего отдела со всеми подчиненными им в административном отношении хуторами и поселками». Было принято решение образовать управление Назрановского округа и горский словесный суд в этом округе в том составе, какой определен для общего управления округов Терской области. «Назначить местопребыва-

⁶² *Мартиросиан Г.К.* Указ. соч. С. 102–104.

⁶³ ЦГА РСО–Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 849. Л. 123.

нием управления Назрановского округа местечко Назрань»⁶⁴. Назрановский округ просуществовал до июня 1924 г.

Ввиду частых конфликтов, возникавших между ингушами и осетинами, наряду с Горским словесным судом 12 июня 1907 г. был создан Осетино-ингушский смешанный суд.

Для объективного разбора спорных вопросов присяжных выбирали с обеих конфликтующих сторон. Председателем суда был назначен ротмистр Шутов (в 1910 г. его сменил на этом посту Розенберг). Членами суда было выбрано по три представителя от каждой стороны. С ингушской стороны членами суда в 1909 г. были избраны Зайтула Чапанов, Жанхот Плиев и кандидатом Берса Гошлукиев; с осетинской стороны — Баби Гайтов, Хаджимурза Хуцистов и Бечир Маекеев⁶⁵.

С 15 апреля 1909 г. вступил в силу новый протокол, регламентировавший деятельность Осетино-ингушского смешанного суда, который состоял из 28 пунктов⁶⁶. В том же году была создана комиссия для проверки деятельности суда, в которую от ингушей вошли: Татре Албогачиев (с. Гамурзиево), Хакяш Ведзижев (с. Нижние Ачалуки), Юсуп-Хаджи Плиев (с. Плиево), Керим-Хаджи Льянов (пос. Назрань), Эльмурза Гайтукиев, Аслан-Хаджи Инаркиев (г. Владикавказ)⁶⁷. Эти выборные от всего ингушского народа должны были со всей строгостью и ответственностью оценить деятельность Осетино-ингушского смешанного суда.

С 15 октября 1909 г. в Терской области были введены народно-примирительные суды, с установлением которых отменялись смешанные суды. Но был сохранен Осетино-ингушский смешанный суд, так как примирительные суды не были введены во Владикавказском округе. В Ингушетии народно-примирительные суды были введены, и они рассматривали только споры, возникавшие между ингушами⁶⁸.

⁶⁴ ЦГА РСО—Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 849. Л. 128

⁶⁵ Дело Осетино-Ингушского смешанного суда. О выдаче жалования осетинским судьям и о штрафовании лиц, не явившихся в суд. 1909 г. // ЦГА РСО—Алания. Ф. 117. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

⁶⁶ Дело Осетино-Ингушского смешанного суда присяжных. Сбор комиссии для проверки деятельности Осетино-ингушского смешанного суда присяжных. 1909 г. // ЦГА РСО—Алания. Ф. 117. Оп. 1. Д. 14. Л. 12—15.

⁶⁷ Там же. Л. 4—4 об.

⁶⁸ Дело Осетино-ингушского смешанного суда присяжных. О разных предметах и о вызове судей на заседания. 1910—1911 гг. // ЦГА РСО—Алания. Ф. 117. Оп. 1. Д. 24. Л. 6—6 об.

Осетино-ингушский смешанный суд присяжных действовал до революции 1917 г.

Судебная и административная системы были неотъемлемой частью управления краем. Это создавало предпосылки для внедрения в быт и общественную жизнь местного населения общероссийской судебной системы.

Глава III

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 1. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Вопрос об устройстве традиционного ингушского общества довольно запутан, так как в источниках даже одного периода часто представлена противоречивая информация. Впрочем, это можно объяснить переходным состоянием ингушского общества в XVIII — первой половине XIX в. в целом. В общих оценках общественного строя ингушей в XIX в. существуют устойчивые формулировки.

Тайпы и фамилии

В рассматриваемый период в ингушском обществе существовали патриархальные роды — *тайпы*. Отличительными признаками такой родовой организации были: коллективная собственность на средства производства; совместный неоплачиваемый труд; имевший добровольный характер — *белхи*; равномерное распределение продуктов и территориальная общность.

По Б.К. Далгату, все, кто находится вне *тайпа*, — чужие, они не являются родственниками для лиц, которые входят в состав *тайпа*. Между двумя *тайпами* нет ничего общего, связующего, кроме общности языка, соседских отношений и племенной связи¹.

Все члены *тайпа* носят название *вежерий*, что означает «братья», как писал У. Лаудаев². Фамильное братство — особый тип родства.

¹ Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // ИИНИИ. Владикавказ, 1934. Вып. II. С. 26–63.

² Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. 1872. № 6. С. 36.

«Фамильные братья не связаны узами кровного родства, но, соединившись некогда для защиты своих общих интересов, они продлили этот союз до настоящего времени», — отмечал Н.Ф. Грабовский. По Б. Далгату, «каждая фамилия имеет фамильное прозвище по имени предка, особенно плодового; случается чаще так: живут несколько братьев, и вот один из них особенно счастлив — имеет большое потомство; его потомство тогда оставляет общую родовую фамилию и называется по имени этого плодового ближайшего предка (иногда даже при его жизни). Так старая фамилия покидается потомками. У ингушей теперь существуют фамилии по имени предка от 4 до 15 колена. Фамилию меняют обычно сами родственники еще при жизни того, чье имя дает начало фамильному прозвищу; это делают они для отличия себя от других однофамильцев...»³

Фамилии являлись действенными структурными звеньями ингушского общества рассматриваемого времени. Они владели разными по величине, качеству и местоположению землями, большим или меньшим количеством скота, некоторые из них могли проживать на важных торговых путях и т.д. В результате одни богатели, другие, напротив, развивались медленнее, попадали в зависимость от первых. Так появились «сильные» и «слабые» фамилии, и первые становились своеобразными «феодалами».

После присоединения Ингушетии к России многие «сильные» фамилии, за которыми соплеменники не признавали сословных прерогатив, пытались при поддержке местной администрации добиться признания своего особого положения. Доверенные от Джейраховского общества в 1862 г. обратились в комиссию по разбору личных и поземельных прав туземного населения с просьбой разобрать их особые права по происхождению⁴. Часть жителей указанного общества ставила вопрос о рассмотрении их сословных прав отдельно от остальных жителей. Из этого документа следует, что часть ингушей желала отделиться от соплеменников, которые не признавали за ними сословных привилегий. Отсутствие сословных прерогатив в ингушском обществе в 1865 г. отмечала и Комиссия по разбору личных и поземельных прав туземного населения Терской области. В отчетах комиссии говорилось, что ингушское общество устроено на демократических началах:

³ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Северо-Кавказского краевого НИИ. Владикавказ, 1934. Вып. II. С. 308.

⁴ Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в Горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. С. 127.

«Привилегированных сословий нет, все свободны, пользуются одинаковыми правами, рабов нет; землю пользуются на правах общинного владения, и хотя между ними существуют известные фамилии, но все они выдвинулись из толпы заслугами гражданскими или военными доблестями; не пользуются никакими иными правами, кроме уважения, приобретенного исключительно умом и личными достоинствами каждого члена»⁵.

Социальная дифференциация

Обстоятельно обследовавший Кавказ в 1770-х гг. И.А. Гильденштедт писал: «У ингушей нет знати, но имеются некоторые издавна известные роды: Мацеки, Боза, Чев и Пшанув, из которых они, как свободный народ, выбирают себе говорящего старшину и судью»⁶. Исследователи Ингушетии спустя 100 лет, в 1868 г., отмечали, что ингушское общество не «выработало у себя понятия о сословном делении вообще и крепостных отношениях в особенности, и потому здесь не было зависимых сословий...»⁷ В связи с этим Б.К. Далгат писал, что ингуши не терпят сословности и любят равноправие. Народное приращение гласит, «что некогда жители всех горных обществ собрались и совещались, не принять ли им приехавшего в это время к ним князя из Дагестана и не избрать ли его себе в князя, чтобы он правил всеми ингушами; почти все решили было избрать себе князя; в это время явился почтенный старик из Мецхальского общества с седой бородой, с посохом в руке, подпоясанный широким поясом из ослиной шкуры с висевшими на нем ослиными ушами, и обратился к народу со словами: “О братья! Посмотрите на меня и скажите, идет ли мне этот пояс с ослиными ушами или нет?” “Нет, не идет!” — отвечали все смеясь. “Так, знаете же, что, как этот пояс, так точно не пойдет нам, ингушам, привыкшим жить вольно, свободно и самостоятельно, князь; не привыкли мы угождать и повиноваться воле одного человека!” — “Правда твоя!” — закричали все и отказались от своего намерения»⁸.

⁵ *Безпристрастный П.* Наблюдения и заметки // ТВ. 1907. № 5.

⁶ *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. СПб., 2002. С. 240.

⁷ *Ипполитов А.И.* Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о Кавказских горах. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 37.

⁸ *Далгат Б.К.* Материалы по обычному праву ингушей. С. 313.

Несмотря на то что в процитированных источниках отмечается отсутствие у ингушей сословий, существуют свидетельства, в которых указывается на высокий уровень развития социальной дифференциации местного общества. Наличие сословий являлось инструментом управления горскими племенами Кавказа — правительство опиралось на местную верхушку, всячески поощряя ее. Так, в 1876 г. сорок восемь ингушей, состоявших на военной службе, получили в дар значительные участки земли в Терской области⁹. Спустя десять лет некоторым из них был дарован дворянский титул¹⁰. Нужно отметить, что присвоенные им титулы так и остались на бумаге, так как их в обществе воспринимали как равных, но относились с почтением за их заслуги перед правительством. Они были уважаемыми людьми, но не более того.

Хотя официально признанного сословного деления в ингушском обществе не было, там существовала категория зависимых людей. Об этом свидетельствуют материалы письменных источников, где отмечается наличие рабов — *лейи* (ед.ч. *лей*). Рабы представляли собой зависимое сословие, которое формировалось путем захвата людей, чаще всего иноплеменников. Такие люди не занимались военным делом и не допускались к управлению, из них образовывались «слабые фамилии».

Причины появления рабов у горцев Северного Кавказа С. Броневский видел в том, что «при случае распрей одного колена с другим позволено обычаем взаимные набеги на неприятельские земли делать, небольшими толпами или поодиночке, захватывая людей и скотину в баранту, т.е. в отмщение за претерпевшую обиду. Сия домашняя война доставляет множество пленников, из коих знатные и выкупаются родственниками; прочие отправляются для продажи или остаются рабами и употребляются во всякую домашнюю работу, наиболее же определяются в пастухи»¹¹.

По данным Военно-горского управления при Кавказском округе за 1863 г., в Ингушетии насчитывалось 294 человека в рабском положении¹².

⁹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 21. Д. 57. Л. 27.

¹⁰ Списки потомственным дворянам не казачьего сословия, проживающих в Терской области, утвержденным в сем достоинстве правительствующим Сенатом и записанным в дворянскую родословную книгу Ставропольской губернии // ТВ. 1908. № 65.

¹¹ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 309.

¹² Варпанетов А.С. Проблемы родового строя чеченцев и ингушей // СЭ. 1932. № 4. С. 87.

Н. Харузин писал об ингушах, что они отличаются от соседних народов тем, что не имеют сословий. Несмотря на это, он отмечал: «Ингушское общество делилось в прежние времена на два класса: на свободных и рабов. Рабы добывались войной и наездами, большею частью из числа грузин, тушин и отчасти русских. Положение рабов не было одинаково: одни из них (“ясир”) могли быть выкуплены и, если хотели, могли возвратиться на родину; другие (“лаи”), забывшие свое происхождение и религию, делались неотъемлемою собственностью своих господ»¹³. Распространенность именно такого рода рабства отмечал и Стрельницкий¹⁴. Позднее Б. Далгат отмечал, что «из среды самих ингушей вовсе не было рабов. Родственники жестоко мстили за продажу в рабство их детей»¹⁵. Таким образом, основываясь на наших источниках, мы можем констатировать, что рабство имело место, но не было распространенным явлением.

Из вышеизложенных материалов следует, что в ингушском обществе социальные различия существовали. Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, изучавшие социальные отношения в горной Ингушетии, отмечали, что «отсутствие государственности в полном смысле этого слова мешало юридической фиксации сословного деления, без чего социальные различия не могли сложиться в систему правовых норм, характерную для развитого феодального общества»¹⁶.

Традиционная система управления обществом

Общественные отношения и жизнь всего общества регламентировались национальными традициями. Ведущая роль в жизни народа принадлежала обществам, состоявшим из представителей различных сильных родов — *тайнов*.

Каждый *тайп* возглавлял старейшина, который пользовался большим уважением. По Л.Л. Штедеру, карабулаки имели «“демократическую конституцию” и общественные дела решали голосованием на общих собраниях...»¹⁷ Я. Рейнеггс отмечал, что ингуши, занимавшие должность старшины, стремились сделать ее переходящей по наслед-

¹³ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // ССТО. М., 1888. С. 116.

¹⁴ Стрельницкий. Два узденя // Кавказ. 1846. № 20.

¹⁵ Далгат Б. Родовой быт чеченцев. С. 32.

¹⁶ Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Указ. соч. С. 126.

¹⁷ [Stüder.] Tagebuch einer Reise Die im Jahr 1781 von der Grenzfestung Mozdok nach dem inner Caucasus unternommen worden // Neue Nordische Beyträge. St. Petersburg; Leipzig, 1797. P. 55.

ству¹⁸. Юлиус фон Клапрот сообщал, что ингуши «имеют старших в роду без власти, которые могут управлять только красноречием и доверием. Законы и покорность им чужды, и все у них решается по древним обычаям»¹⁹. С. Броневский в начале XIX в. дает такую характеристику: «Ингуши разделены на малые независимые общества под управлением выборных старшин, которые, будучи избираемы из богатейших родов, и по причине частого повторения выборов из этих же семейств, обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наследственно. Они же исправляют и жреческое звание»²⁰. И. Бларамберг писал, что «старейшины, наиболее прославившиеся своей удачливостью (богатством) или своею многочисленной родней, поддерживают единодушие в обществе (в общине). Кстати, их влияние на людей более значительно в долине, чем в горах, где всеобщая бедность сама собою поддерживает равноправие. <...> Главы родов у них не обладают реальной властью, красноречие и уверенность — это единственное, что может иметь влияние над ними. Законы и повиновение им неведомы, все у них решается в соответствии с древними обычаями»²¹. По Н. Дубровину, старейшина являлся «начальником, судьей и первосвященником»²². Схожие сведения имеются и в работе Ч. Ахриева, который отмечал, что «жители всегда выбирали из своей среды отличнейших по своему уму, богатству, а не исключительно по происхождению людей и передавали им право судить и производить расправу»²³. Он также писал, что выборные лица свое окончательное решение не могли выносить без согласия старейших членов общества.

Управление общиной осуществлялось сельским советом старейшин, который назывался *пхье*. В каждом населенном пункте имелось определенное место схода, которое называлось *пхегла*, представлявшее собой площадку, наиболее удобную для собраний.

¹⁸ *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung der Kaukasus. Gotha; St. Petersburg, 1797. P. 40.

¹⁹ Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 и 1808 годах, содержащее полное описание Кавказских стран и ее жителей, Юлиуса Клапрота. Галле; Берлин, 1814. Т. 2.

²⁰ *Броневский С.* Указ. соч. С. 163—164.

²¹ *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Ставрополь, 1992. С. 216.

²² *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. С. 369.

²³ *Ахриев Ч.* Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис, 1875. Т. VIII. С. 4.

Хозяйственные, общественные, судебные дела общины решались на общем сходе *кхел*, на котором должны были присутствовать все мужчины каждой семьи. Но с введением положения о «сельском управлении» в 1860-е гг. на заседании присутствовал только один представитель «от двора». *Кхел* регулировал пользование общинным лесом, устанавливал порядок выпаса скота, сроки пахоты и сенокосения, производил примирение кровников, решал вопрос об устройстве дорог, мостов, каналов и пр.²⁴

Первое и очень подробное описание «народного собрания» ингушей содержится в материалах П.Г. Буткова. Он в 1820-е гг. со слов осведомленного российского офицера сообщал, что возглавляет «общенародное правление», всенародно избранный старик, которого именуют *бегал*. На его содержание каждый двор в год выделял одного барана и короб меда, в праздники ему приносили брагу и мясо. «Он из сих доходов своих угощает других стариков, а три раза в год должен угощать все общество. Общество нанимает еще на год так назвать вестника, который каждого дня утром и вечером является к беголу на случай каких-либо его приказаний и за то получает с каждого дома проса по одной мерке, почти равняющейся на вес пуду.

Когда представляется надобность в общенародном собрании (или в случае тревоги, или в других вопросах), бегол объявляет вестнику для созыва скакать верхом по всем деревням и на сборном каждой месте, <...> криком возвещает, чтоб все в такое то время в собрание явились.

В собрание является обыкновенно один человек из семейства, старик или молодой, кто случится дома; всякий вооружен. Впереди садятся на запад, поджав ноги, старики одной деревни, плотно один к другому; к ним таким же образом примыкают старики других деревень — и составляется круг; а позади стариков сидят молодые тех же селений, и делится круг по мере количества народа, стекшегося на собрание, вдоль и три ряда. Каждый человек держит против собою заряженное ружье»²⁵.

Совет страны (Мехк-кхел)

Верховным органом управления был Совет страны — *Мехк-кхел*, исполнявший законодательную и судебную власть. Для участия в засе-

²⁴ Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный, 1990. С. 61.

²⁵ Бутков П.Г. Из описания ингушей // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 12; ЦГВИА. Колл. 482. Д. 192. Л. 150–153.

дании Совета страны созывались общие собрания всех совершеннолетних мужчин сельской общины (кроме рабов).

На Совете рассматривали «вопросы, касающиеся различных областей жизни традиционного общества, межродовые конфликты, дела об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях невест, ссорах из-за имущества и дела о воровстве также разбирались на общественных сходах. Разбору в Мехк-кхел подлежал довольно широкий круг вопросов. На нем старшины решали дела, связанные с землевладением и землепользованием, определяли меру наказания за различного рода нарушения норм общественной жизни, устанавливали цены на определенные товары, скот. Они решали также вопросы укрепления поселений, взаимоотношений с соседними обществами, войны и мира, проводили сбор средств для общественных нужд и т.д.»²⁶.

М.А. Иванов отмечал, что «для решения всяких спорных дел и установления условий собирались в то время наши почетные старики — представители племен ингушей, карабулаков, чеченцев, мелхастинцев и даже отдельные тушины и хевсуры на граничной горе (*Муйты-кер*). Со стороны Аккинского общества на склоне этой горы есть большой плоский камень, который служил как бы трибуной для председателя таких совещаний представителей, а имя его было *Муйты*»²⁷. Анонимный автор, использовавший псевдоним «Галгай», сообщал, что «народ галгай делится на отдельные фамилии и по обычаю, в республиканском духе, одна из нескольких фамилий признавалась главою вечного союза галгайцев, а аулы этих фамилий признавались сборным местом. Такими сборными местами у народа галагай являлись: в ущелье реки Ассы — аул *Угу-Кал*, а в ущелье реки Галми — аул *Онгушта*. В первом происходили сборы в случае внешней опасности с юга — со стороны Грузии — и с востока — со стороны Чечни, а во втором в случае такой же опасности с северо-запада — со стороны кбардинцев, кумыков и осетин»²⁸.

Мехк-кхел состоял из судей (*кхлахой*), досконально знавших обычное право, имевших в народе авторитет и обладавших даром ораторского искусства. Каждое общество имело своих судей.

²⁶ Мужухоева Э.Д. Организация управления Чечено-Ингушетии в 40–60-е гг. XIX века // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XX в.). Грозный, 1982. С. 68–69.

²⁷ Иванов М.А. В горах между р. Фортангой и Аргуном // ИКО ИРГО. Тифлис, 1904. Т. XVII. Вып. 1. С. 49.

²⁸ Галгай. О галгаях // Кавказский горец. Прага, 1924. С. 49.

Традиционный общественный быт регулировался обычным правом — адатом — и мусульманским правом — шариатом. Исследователь ингушского быта начала XX в. профессор Н.Ф. Яковлев отмечал: «Ингуши любят судиться друг с другом по всем правилам и обычаям старины. По сравнению с нами, русскими, привыкшими в судебных делах полагаться на государственный суд и защитников-адвокатов, ингуши — большие знатоки разных тонкостей этого дела, и часто простой горец-ингуш для защиты своей выгоды пускается на такие увертки, которые сделали бы честь любому нашему “юрисконсульту”, ученому советчику по судебным делам»²⁹.

Присяга

Большое значение при судебном разбирательстве имела присяга. Присягали ингуши во всех уголовных, а также иногда и в гражданских делах. Судебное разбирательство велось на основе адата — обычного права, а со второй половины XIX в. и на основе шариата — мусульманского права. А.М. Шёгрэн отмечал, что клянутся и присягают именем тех святых, которых они почитают, «ингуши присягают и клянутся на берегу Сухого оврага Бушмале, под дубом, разбитым молнией»³⁰. Лицо, подозреваемое в совершении преступления, могло «очиститься» присягой. По Ф.И. Леонтовичу, «одна из самых главных и употребительнейших юридических функций в туземном судопроизводстве — присяга; но, к сожалению, туземная присяга едва ли заслуживает большой веры»³¹. Присяга считалась доказательством невиновности, если вместе с подозреваемым в преступных действиях лицом присягу давали уважаемые в обществе люди из рода подозреваемого — «соприсяжники»³². Ч. Ахриев писал: «Ингуши прибегают к присяге в тех случаях, когда подозревают кого-нибудь в воровстве или краже. Так, например, если у кого пропадет бык, тот требует от заподозренного очистительной присяги, мало того, при этом должны присягать еще несколько соприсяжников в том, что он, подозревае-

²⁹ Яковлев Н.Ф. Ингуши. Популярный очерк // Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. Саратов, 1996. С. 244.

³⁰ Шёгрэн А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при различных случаях // Кавказ. 1846. № 28.

³¹ Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 1. С. 161.

³² Ахриев Ч. Нравственное значение присяги у ингушей // ТВ. 1871. № 21.

мый, действительно не виноват в данном воровстве. Если же подозревается не одно лицо, а несколько, то от каждого из них требуется тем же порядком клятва с компанией. В результате выходит, что по поводу пропажи какого-то быка или овцы десятки ни в чем неповинных лиц вынуждены бывают напрасно произносить имя Бога, что, по понятиям всех горцев, составляет великий грех. А между тем уклониться от присяги нет никакой возможности, так как по обычаю отказывающийся от нее признается виновным в совершении именно того преступления, по которому требуется от него присяга.

Прежде, в языческие времена, у ингушей существовала другая церемония присяги. Хозяин пропавшего скота или имущества, приготовив араку (род водки) и зарезав барана, приглашал подозреваемого со всеми его родственниками к себе в дом и, угостив их как следует, отправлялся затем вместе с ними на фамильный свой каш³³. Туда же стекались все вооруженные родственники хозяина. Когда таким образом прибывали на место все, кому следовало быть там по обычаю, обвязанный присягою вешал к себе на спину свою дау³⁴, в которую клали различные принадлежности женского рукоделия, а также некоторые части земледельческих орудий, потом ему надевали на шею веревку и обводили три раза кругом каша. Требовавший присяги произносил при этом следующие слова: “Да будете вы мне, солнце, луна и такой-то (называя по имени самого лучшего человека из живых) на этом свете, а на том свете такой-то (называя лучшего человека из мертвых) свидетелями, что он (указывая на принимавшего присягу) приносит мне присягу в незнании и неведении случившейся у меня кражи”. После этого заклинания один из родственников хозяина говорил так: “Если ты принимаешь присягу ложную, то да перенесутся на наших родственников, покоящихся в этом каше, все те поминки, какие ты и твои праотцы сделали для своих покойников; да будешь ты сам вечным прислужником нашим покойникам”.

В то время, когда присягавшего обводили вокруг каша, а также во время произнесения этих словесных формул, присутствующие родственники хозяина стреляли из ружей. Этим они как бы давали знать народу, что такой-то человек дает присягу по поводу произведенного у одного из членов их фамилии воровства. По окончании шествия вокруг каша присягавший снимал с себя дау, а окружавшие его лица,

³³ Каш — гробница. — *Прим. Ч. Ахриева.*

³⁴ Дау — корзина, сплетенная из хвороста и служащая собственно для ношения соломы с гумна. — *Прим. Ч. Ахриева.*

в том числе и хозяин, говорили при этом: “Да снимается с тебя всякая ответственность, как перед покойниками, так и перед живыми людьми, если ты принимал присягу невинно”³⁵. Смысл подобной присяги заключался в том, что дававший ложную присягу отнимал у своих покойников все, что сам он или родственники его сделали для них. По существовавшим представлениям, это было величайшим несчастьем. Поэтому редко кто решался присягать перед *кашом* ложно.

Присяга у святилища «совершалась преимущественно по предложению суда медиаторов или посредников (третейских судей). К ней прибегали в крайних случаях, когда все прочие средства (просьбы, увещевания, присяга у каша и т.п.) были исчерпаны», — писал Б.К. Далгат³⁶. Вера в святость и могущество святого (*Цу*) была так сильна, «что присягающий, если хоть немного не был уверен в своей правоте, ни за что не решался на присягу у святилища и весь дрожал от страха перед карой божества. Если родственники были не уверены в правдивости обвиняемого, они просили его сознаться в своей вине, «чем подвергать себя и всех их великому несчастью. Они предпочитали собственное разорение и обещали ему, если он сознается, принять на себя уплату искомого имущества или возмездие за преступление»³⁷.

На принявшего ложную присягу ингуши смотрели как на проклятого Богом и всеми святыми. Ч.Э. Ахриев отмечал, что встречу с таким человеком «считали знаком несчастья, потому путники, узнав на дороге, что им предстоит встреча с таким присягателем, переменили направление или же возвращались домой»³⁸.

Суд по адату существовал и после включения Ингушетии в состав России, так как не сразу были организованы судебные органы, и многие спорные вопросы рассматривали в *Мехк-кхел*. Постепенно общество начало признавать и российское законодательство, оказавшее существенное влияние на многие стороны их древнего права, в частности уголовного. Оно было направлено прежде всего против обычая кровной мести, имевшего широкое распространение в ингушском обществе.

³⁵ Ахриев Ч. Присяга у ингушей // ТВ. 1871. № 20.

³⁶ Далгат Б. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С. 113.

³⁷ Там же. С. 114.

³⁸ Ахриев Ч. Присяга у ингушей. С. 175.

Кровная месть

Мстили и подлежали кровной мести все ближайшие родственники по отцу — члены патронимии, хотя кровниками признавались все члены фамилии.

Л.Л. Штедер писал, что ингуши и карабулаки так же, как и все народы Кавказа, соблюдают обычай кровной мести³⁹.

Очень интересные сведения содержатся в рапорте генерал-майора И.К. Ивелича генералу А.П. Тормасову об убийстве ингушским старшиной Шах-мурзой тагаурского старшины Дударуко Дударова за невыполнение Дударовыми законов кровной мести. Это наглядно иллюстрирует то, что, находясь в ярости, кровники не щадили ни женщин, ни стариков, несмотря на противоречие подобных действий адату. В документе сообщалось, что сын ингушского старшины жил в семье Дударовых 3 года «для умирения крови», но был убит ими. Отец, чтобы соблюсти закон кровной мести, убил Дударуко Дударова. Преследуя кровника, Дударовы, не застав его в башне, убили находившихся там старуху-родственницу и его сестру. А.П. Тормасов писал, что «обыкновение мстить за кровь простирается иногда по 20 и более лет»⁴⁰. Этот страшный обычай приводил к гибели целые семьи, а в редких случаях — и фамилии. Те же сведения приведены в повести Стрельницкого, которая знакомит нас со страшными последствиями кровной мести, длившейся не одно десятилетие и приведшей к гибели всех членов целого рода⁴¹.

По П.Г. Буткову, «убийца, желающий примириться с родственниками убиенного для избежания мщения, приходит к беголу, просит его о примирении, доколе же собрание не решит его дело, находится безотлучно в доме бегола, коего жилище мстителем неприступно. То же самое, ежели убийца был в побеге за пределами Отечества, прибежит в дом к беголу, может в оном быть от всех поисков безопасен до народного решения»⁴².

Н.Н. Харузин писал, что кровная месть распространяется не только на самого убийцу, но и на весь его род. Женщина-убийца не подвергается преследованию со стороны родственников убитого — месть

³⁹ [Stüder.] Tagebuch einer Reise die in Jahre 1781 von Grenzfestung Mozdok nach dem inner Caucasus unternommen worden. St. Petersburg; Leipzig, 1797. С. 17, 37.

⁴⁰ АКАК. Т. IV. Д. 628. С. 457.

⁴¹ Стрельницкий. Указ. соч.

⁴² Бутков П.Г. Указ. соч. С. 13; ЦГВИА. Колл. 482. Д. 192. Л. 150—153.

в этом случае переходит на ее родственников. Далее автор отмечал, что некоторые ингуши идут на примирение с родом убийцы «ради Бога и пророка Магомета»⁴³. Это явление чаще было распространено в семьях, отличавшихся религиозностью и готовых на подобный поступок ради Аллаха. Такого рода примирение считалось самым богоугодным из всех способов примирения, независимо от того, кто, когда и как совершил убийство. Все уплаченное в знак примирения с кровниками считалось «похоронной» платой. По Ф.И. Леонтовичу, «за всякое же убийство, как нечаянное, так и намеренное, убийца в Галгаевском обществе (в Назрановском и Горском участках) платит 12 “похоронных” коров (*хелум*), в Карабулакском — 3 коровы (*агер мерчи*, т.е. жертву на саван) и преследуется кровной мстью, распространяемой на его родных братьев, дядей и племянников по мужской линии. Означенную степень родства обычай принимает и в делах по денежным обязательствам»⁴⁴. Как видно из вышеизложенного, «похоронная плата» не освобождала убийцу от кровной мести.

О том, как можно было избежать кровной мести, подробно описал Б. Далгат: «Кровь родственника должна быть непременно отмщена. Никакие молитвы, подарки, посредничество почетных людей — ничто не может принудить чеченца (ингуша. — М.А.) отказаться отомстить убийце его родственника; долг религиозный стоит в его глазах выше всего, убийца должен погибнуть от руки родственника убитого. Единственным средством избавиться от мести являются приобщение убийцы к культу семьи убитого. Убийца тайком пробирается к матери убитого и с ее согласия или при помощи насилия прикладывает губами к ее груди. После этого он становится молочным братом убитого, т.е. роднится с ним, и таким образом избавляется от мести как член того же рода»⁴⁵. Избежать кровной мести можно было еще одним способом, взяв в руку надочажную цепь в доме убитого, о чем писал Б. Далгат. Любой убийца, забежав в чужой дом, мог схватиться за надочажную цепь. После этого он становился родственником хозяина дома, и хозяин должен был разделить с ним участь убийцы. Такая семья принимала на себя бремя кровной мести, и с тех пор уже обе семьи преследовали кровники⁴⁶. Для сторон, желающих примириться, существовала фиксированная сумма, необходимая для уплаты. Так,

⁴³ Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 119.

⁴⁴ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 150.

⁴⁵ Далгат Б. Первобытная религия чеченцев и ингушей. С. 104.

⁴⁶ Там же.

в газете «Терские ведомости» за 1891 г. сообщалось, что для примирения враждующих сторон нужно было внести 310 руб., лошадь с полной сбруей и не менее трех голов рогатого скота, после чего в присутствии свидетелей родственники убитого давали клятву на Коране прекратить кровную месть против как самого убийцы, так и его родственников. В случае нарушения клятвенного обязательства кем-либо из членов семьи убитого похоронная плата возвращалась обратно⁴⁷.

Наиболее обстоятельное описание примирения кровников дает Б. Далгат: «Убийца, отрастив волосы на голове и бороде, без оружия, в изорванном платье, с бледным и исхудалым лицом и вообще с внешним видом, соответствующим предстоящему трагическому моменту, отправляется на могилу убитого и дает знать родственникам последнего, что он кровник с повинной головою в полном отчаянии с разбитым сердцем и слезами на глазах лежит на дорогой им могиле, вымаливая у Бога прощения. До прихода родственников убитого, которые умышленно тянут дело, подстрекаемые женщинами, кровник со своими родственниками ложится ничком на могилу, нанося себе побои кулаками, и горько плачет. Стыдно отказать такой смиренной и униженной просьбе. На помощь кающемуся являются старики и убеждают родственников убитого простить убийце его проступок. Если удалось привести родственников убитого к могиле, то с этого момента вражда прекращалась, убийца устраивал пир, и дело кончалось принятием его в род убитого посредством установления духовного родства между ними»⁴⁸. Пример, в основном соответствующий подобному сценарию, приводит и К.Б. Шетихин: «На кладбище на высоком месте закреплялся флаг, а вокруг кладбища ходили родственники убийцы с разноцветными флагами (белыми, красными, синими, желтыми и зелеными), совершая духовную процессию. В это время убийца лежит на могиле и громко кается в совершенном преступлении и просит у покойного прощения, а родственники убийцы ходят вокруг кладбища и поют молитву; ходатайствуют перед родственниками убитого о прощении и примирении кровников посредники из сторонних фамилий, такая церемония может продолжаться до трех дней»⁴⁹.

Сходом представителей ингушского народа в 1907 г. был принят приговор для искоренения существующего в обществе обычая кров-

⁴⁷ Похищение невесты у горцев Терской области // ТВ. 1891. № 51.

⁴⁸ Далгат Б. Первобытная религия чеченцев и ингушей. С. 105.

⁴⁹ Шетихин К.Б. Примирение кровников // ТВ. 1898. № 152.

ной мести. Собравшиеся отмечали, что «кровная вражда, причиняя неисчислимые бедствия населению, влечет к самоуничтожению как физическому, так и нравственному». Общество постановило прекратить навсегда обычай кровной мести как противоречащий учению Корана и всем без исключения кровникам из среды ингушей совершить между собой примирение до 1 июля 1907 г.⁵⁰

Однако приговоры не достигли поставленной цели, и обычай кровной мести оказался живучим. Так, Н.Я. Яковлев после поездки в Ингушетию в 1921 г. писал, что «кровная месть в настоящее время уже не распространяется на всю фамилию. <...> подвергаются преследованию, кроме хозяина вражды, еще и все мужчины зрелого возраста, родные и двоюродные, и их потомки. Остальные однофамильцы участия не принимают. Но фамильные племянники, происходящие от родных сестер отца, принимают участие»⁵¹.

Аталычество

Кроме обычая кровной мести, в Ингушетии существовал и институт аталычества, хотя и не имел широкого распространения, возможно, в силу неглубокой социальной дифференциации общества. Об этом явлении Б.К. Далгат писал, что «аталычество, или обычай отдавать ребенка своего на воспитание в чужой род, вдали от родины, столь часто практиковавшийся у черкесского племени, кабардинцев, пограничных с ними осетин и кумыков, последнее время заимствован плоскостными ингушами. Они теперь посылают своих детей на воспитание к соседним народам»⁵². Однако автор, скрывающийся под инициалами Вл. К-нь, приводит сообщение, подтверждающее существование аталычества и в горной Ингушетии. Из рассказа автора следует, что его знакомый ингуш, еще будучи мальчиком лет десяти, был отдан на воспитание в русскую семью в Моздоке, где он научился русскому языку⁵³. По свидетельству Ч. Ахриева, многие родители с большой охотой отдавали своих детей в русские семьи с той целью, чтобы их дети научились русскому языку⁵⁴. В воспоминаниях Т.В. и В.П. Пожидаевых о встречах с С.М. Кировым в г. Владикавказе в 1915 г. сооб-

⁵⁰ Ингушские народные приговоры // ТВ. 1907. № 97. С. 3.

⁵¹ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 574. Л. 16.

⁵² Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. С. 52.

⁵³ К-нь Вл. Под Казбеком // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 10. С. 100.

⁵⁴ Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа // ТВ. 1872. № 32.

шалось, что Павел Александрович Караулов — присяжный поверенный — говорил, что его вырастил ингуш аталык⁵⁵.

В свою очередь, ингушский революционер Иналук Гайтиевиц Мальсагов учился и воспитывался в русской семье; Гапур Ахриев и его старшие братья воспитывались в семье русского врача революционера-демократа К.В. Борисевича⁵⁶.

Гостеприимство

Очень строго среди ингушей соблюдался обычай гостеприимства. Об этом Л.Л. Штедер писал, что они выставляют на стол все, что есть в доме⁵⁷. О гостеприимстве ингушей И. Бларамберг сообщал: «Жители долины более гостеприимны и приветливы по отношению к иноземцам (чужакам), чем те, что населяют высокогорные долины Ассы»⁵⁸. В одной из работ Н.Ф. Грабовского читаем: «Ингуши, как и вообще все горцы, гостеприимны. Для приема гостей мало-мальски зажиточный человек имеет особое помещение — кунацкую. Редкий ингуш, имея возможность, не угостит приезжего к нему. Он выбьется из сил, добудет барана, чтобы подать его гостю»⁵⁹.

По Б.К. Далгату, «гостеприимство у ингуша найдет всякий странник, кто бы он ни был, найдет убежище от врагов. Гостеприимство развито сильно, все лучшее подается гостю; сеют редьку, лук или что другое — ингуш говорит: “Это пригодится для гостя”, и так во всем»⁶⁰. Схожее фиксировал Вл. К-нь: выбивался из сил, стараясь, «как бы лучше меня угостить. С этой целью он раздобыл даже где-то козленка и велел изжарить его целиком на вертеле»⁶¹.

Очень подробное описание этого обычая имеется в рассказе А. Александрова: «Считаю нелишним познакомить читателя с гостеприимством горцев. Для встречи гостей у старшины все было уже приготовлено: зарезали двух баранов, пригласили почетных стариков,

⁵⁵ Архив Музея С.М. Кирова. Воспоминание Пожидаевых Т.В. и В.П. о встрече с С.М. Кировым в г. Владикавказе в 1915 г. V-92. Л. 1.

⁵⁶ Кудусова-Далакова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей (конец XIX — начало XX в.). Ростов н/Д, 2005. С. 59.

⁵⁷ [Städer.] Op. cit. S. 17, 37.

⁵⁸ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Ставрополь, 1992. С. 216.

⁵⁹ Грабовский Н.Ф. Ингуши // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 39.

⁶⁰ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 312.

⁶¹ К-нь Вл. Указ. соч. С. 95.

девушек и молодых джигитов, которые вместе с девушками сейчас же затеяли танцы»⁶². О живучести обычая гостеприимства сообщал Н. Яковлев: «Верность долгу гостеприимства еще сохранилась у ингушей от древних времен, когда этот обычай был единственным средством упрочения и развития торговли и сношений между отдельными племенами, и все еще занимает почетное место в ряду других достоинств, необходимых для местного “джентльмена” — человека, безупречного во всех отношениях»⁶³.

Сопутствующим атрибутом обычая гостеприимства было наличие у жителей как плоскости, так и горных местностей комнаты для гостей — кунацкой, по информации Г. Вертепова, содержавшейся «с большим порядком, чистотой, достатком и простором»⁶⁴.

Этикет

Принадлежность к определенной половозрастной группе определяла статус человека в семье, фамилии, в сельском обществе и его поведение среди других людей. Личные, индивидуальные отношения между членами «рода» почти целиком были обусловлены нормами, регламентировавшими отношения между старшими и младшими, мужчинами и женщинами, соплеменниками и чужаками. Даже в вопросах принятия пищи принадлежность к той или иной половозрастной группе имела значение, например, Ю. Клапрот отмечал, что старшие едят первыми и оставляют еду для младших⁶⁵.

Б. Далгат писал, что «сын перед отцом не садится вовсе — при посторонних людях; младшие перед старшими тоже; но по приглашению могут присесть в стороне, если нет при них близких родственников — старших или почетных стариков и гостей, а собралась просто толпа жителей. Женщины и девушки при мужчинах также не имеют права сесть; при встрече с совершеннолетним на дороге женщины встают, даже если едут на арбе, пока не скажут им: “Спасибо, садитесь”. Мать вообще дома у себя сидит, обедает ли сын или муж; мужчины обедают отдельно от женщин и раньше их; жена обедает после мужа в стороне; на пирах и празднествах сидят по старшинству, стар-

⁶² Александров А. Месть. (Рассказ из нравов и обычаев ингушей) // ТВ. 1905. № 272.

⁶³ Яковлев Н. Указ. соч. С. 15–16.

⁶⁴ Вертепов Г. Ингуши // ТС. Владикавказ, 1892. Вып. 2. С. 26.

⁶⁵ Клапрот Ю. Путешествие на Кавказ и в Грузию, предпринятое в 1807 и 1808 годах (Берлин, 1818) // Архивный вестник. Назрань, 2005. Вып. II. С. 53.

ших вводят в саклю, угощают раньше других и лучше других; по своему положению отец считается ближе всех к своим детям; но мать как мать все же ближе к сердцу детей; после родителей самыми близкими считаются братья и сестры; причем брат ближе, нежели сестра. Самым почетным гостем из всех родственников считается старший в роде. Жена старшего по возрасту пользуется со стороны прочих женщин и молодых мужчин, как старуха, большим почетом и уважением; в женских делах (свадьба, похороны и пр.) распоряжается более понимающая и деловая женщина в фамилии; в домашних делах все женщины самостоятельны; и старшей и распоряжающейся в делах (фактически) оказывают честь, дают дорогу, стоят при них, услуживают и т.д.; женщина ни лично, ни имущественно не пользуется самостоятельностью; она во всем подчиняется мужу; жена слушает и советы, и приказания близких родственников мужа (старших в особенности); иначе — позор для нее. В отсутствии мужа жена его безусловно слушается даже тестя или шурина и др.»⁶⁶. Почитание родителей и старших отмечал К. Борисевич⁶⁷.

По Ч. Ахриеву, «женщина, какими бы предрассудками она ни была разьединена от членов своей семьи, будет служить связующим элементом между ею и остальными членами семьи, и она в качестве жены, сестры и особенно матери непременно будет влиять на сына, дочь, брата и даже мужа. <...> Распространив это правило, мы можем сказать, что женщины как матери всегда имеют влияние на членов своей семьи, через это самое влияют и на весь народ»⁶⁸. Далее он писал, что «с наступлением совершеннолетия, т.е. в 14–15 лет, в жизни девочки происходит самый крутой поворот: ее уже не выпускают без надобности за порог своей сакли, заставляют работать столько же, сколько и взрослых женщин, и т.д.»⁶⁹.

§ 2. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Общественные отношения у ингушей в рассматриваемый период сохраняли некоторые архаичные черты, которые были характерны

⁶⁶ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 317, 311.

⁶⁷ Борисевич К. Черты православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. 1899. № 1–2. С. 245.

⁶⁸ Ахриев Ч. Об ингушских женщинах // ТВ. 1871. № 31.

⁶⁹ Там же.

и для ряда других горских народов Кавказа. В частности, это выражалось в сохранении деления на патриархальные роды — *тайты*. «Каждый род выводил себя от определенного предка, имя которого известно всем членам рода до 8–10-го поколения и дальше. Члены одного рода считаются “братьями” и “сестрами”»⁷⁰.

Формы семьи

В рассматриваемый период в Ингушетии существовали две формы семьи: малая, состоявшая из одного, двух или трех поколений ближайших родственников (муж, жена, их неженатые дети и родители мужа), и большая, включавшая две и более брачные пары и состоявшая из 3–4 поколений родственников. Специальных исследований о соотношении больших семей и малых в рассматриваемый период не существует. Однако общий анализ письменных источников позволяет сделать вывод, что тенденция к образованию малых семей стала очевидной с массовым переселением ингушей на равнинные земли. Существование большой семьи у ингушей в конце XVIII в. отмечал Якоб Рейнегс. Он сообщал, что численность одной семьи составляет от 40 до 50 душ мужского пола: наименьшая имеет 5–10 боеспособных мужчин, другие — больше, старший мужчина является главой семьи, и все без возражений ему повинуются⁷¹. По Л.Л. Штедеру, у карабулаков (субэтническое подразделение ингушей. — М.А.) численность членов семьи доходила до 70 человек⁷².

Н.Н. Харузин, посетивший ингушские районы в 1886 г., встречал семьи, в которых насчитывалось до десяти взрослых мужчин, а в ауле Койрах Мецхельского общества, по его данным, совместно проживали 27 родственников. Однако чаще родственники уже не жили совместно, каждая семья имела собственный двор, так что женатый сын проживал отдельно от родителей, но владел общей с отцом землей. Схожие данные о семьях, состоявших из нескольких дворов, объединенных общей системой внутрисемейных отношений, приводил Б. Далгат и в качестве примера упоминал семью Местоевых, в которой насчитывалось 40 человек⁷³.

⁷⁰ Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 244.

⁷¹ *Reineggs I.* Op. cit. P. 39.

⁷² [*Städer.*] Op. cit. S. 14.

⁷³ Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. С. 63.

В больших семьях главой семьи являлся отец — *цэнда*, старшей женщиной была мать — *ценнана*⁷⁴. В работах разных авторов изложены материалы относительно положения женщин. В частности, Ч. Ахриев отмечал, что «женщины как матери всегда имеют влияние на членов своей семьи, через это самое влияют и на весь народ»⁷⁵. Мать была главной распорядительницей в доме, ей подчинялись все снохи и сыновья, с ней считались старшие в «роду» мужчины. По этому поводу Б. Далгат писал, что, «несмотря на внешнее бесправное положение свое, женщина при уме и энергии играет выдающуюся роль и в родовом быту народов»⁷⁶. Схожие выводы делал и Н.Ф. Грабовский: «Ингушские женщины пользовались большими правами и свободой, несмотря на то что они были обременены большой долей физического труда»⁷⁷.

Существование большой семьи было экономически выгодно для населения горных районов. Комплексный характер хозяйства — сочетание отгонного скотоводства и пашенного земледелия, связанного с арендой земли на плоскости, — требовало большого числа рабочих рук.

Ведение общего хозяйства несколькими поколениями родственников сохранялось горцами и после переселения большей их части в плоскостные районы.

Выделение малой семьи из большой началось преимущественно после переселения на плоскость, в XIX в. Переселенцы постепенно втягивались в общественно-экономическую жизнь новых для себя мест, и это во многом предопределило распад больших семей на малые.

В 1866 г. была произведена регистрация туземного населения Терской области в целях обложения денежными повинностями. Единицей обложения считался «дым», т.е. хозяйственный двор, часто состоявший из нескольких семей родственников, живших одним «домом». Возможно, именно данная система налогообложения ускорила процесс распада больших семей. Это было связано с тем, что вся пахотная земля сельского общества делилась на подворные участки (паи) по числу дворов, плативших государственную подымную подать и ис-

⁷⁴ Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 122.

⁷⁵ Ахриев Ч. Об ингушских женщинах.

⁷⁶ Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. С. 62.

⁷⁷ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа. С. 15.

полнявших другие общественные повинности. Каждый двор, состоявший либо из 10–20 человек, либо имевший 3–х работников, пользовался одним паем. Паем не пользовались только дворы тех сыновей, которые самовольно отделились от своих родителей. В материалах Ставропольской казенной палаты за 1885 г. имеется прошение от 37 семей, жителей селения Долаково, состоящих из 285 человек, на раздельное жительство. Областное правление удовлетворило просьбу всех желающих и внесло их отдельными дворами в посемейный список для выплаты государственной подымной подати и исполнения других общественных повинностей⁷⁸.

Вместе с тем надо отметить, что, несмотря на изменявшиеся условия жизни, общественное мнение было против разделения больших семей. По сообщению Б. Далгата, на раздел больших семей народ смотрел неодобрительно, считая большим счастьем, если родственники живут в согласии и ведут общее хозяйство⁷⁹. Многие большие семьи, раздираемые внутренними противоречиями, продолжали все же жить вместе, чтобы соблюсти «правила приличия», хотя в основном после смерти родителей распались на малые. Раздел имущества большой семьи всегда требовал особой осторожности и знания местных адатов, поэтому, как отмечал Б. Далгат, эта миссия возлагалась на уважаемых стариков⁸⁰. Подтверждение этому мы находим в труде Ф.И. Леонтовича, где отмечено, что на домашнее имущество отец и сыновья имеют равные права, и последние могут заставить первого, когда им вздумается, делиться с ними, и, по адату, каждому из них предоставляется одинаковая доля с отцом⁸¹. Отобрать надел сына отец не мог. Если же раздела требовал один сын, то все имущество делили на равные доли между всеми взрослыми мужчинами; потребовавшему раздела выделяли его долю, а прочие доли оставались в совместном пользовании остальных членов семьи⁸².

Брак

Основными формами заключения брака являлись сватовство и брак уводом — «кража невесты». Брак уводом в народе не одобрял-

⁷⁸ РГИА. Ф. 573. Оп. 7. Д. 37.

⁷⁹ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 218.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.112.

⁸² Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 328–379.

ся, и калым в этих случаях мог быть гораздо выше, чем за засватанную девушку. По этому вопросу Н.Ф. Грабовский писал, что кроме установленного калыма совершивший увод обязан платить за бесчестье, нанесенное семейству, из которого похищена девушка, если на то не было ее согласия⁸³. В конце XIX в., как отмечал Ф.И. Леонтович, действовал принятый в 1862 г. «приговор» жителей Ингушевского округа, который гласил, что «первым неперменным условием брака полагается свободная воля и непринужденное согласие не одного лишь мужчины, но и женщины, выходящей в замужество»⁸⁴. Иллюстрацией данным общественным явлениям служит рассказ А.А. Александрова, опубликованный в 1905 г. в газете «Терские ведомости». Молодой человек похищает девушку без ее согласия. Ее родные требуют калым: 500 руб. деньгами, 2 лошади и 50 баранов. Жених, будучи не в состоянии выплатить указанную сумму, вынужден был вернуть девушку. Родственники за нанесенное оскорбление убивают несостоявшегося жениха⁸⁵. Автор статьи отмечал, что в период туристической поездки в Ингушетию вместе с землемером Степаном Павловичем Хрусталевым, командированным для производства съемки земли, они стали очевидцами этой трагедии.

Брачный возраст

«Ингуши вступают в брак после 15-летнего возраста; девицы выходят замуж не моложе 14 лет», — писал В.Н. Акимов после поездки в 1886 г. в Ингушетию. Он также отмечал, что ингуши не обращают большого внимания на разницу в возрасте: «Молодой человек женится на гораздо старшей его годами девушке». При этом пояснял, что для ингуша важно, чтобы она была «опытной работницей»⁸⁶. Возраст, указанный В.Н. Акимовым, являлся допустимым по шариату. Б.К. Далгат, посетивший ингушей несколькими годами позже В.Н. Акимова, отмечал, что наиболее распространенный брачный возраст у ингушских девушек был 18–20 лет, «девочки по адату не должны выходить замуж ранее 18 лет; это делается для того, чтобы

⁸³ Грабовский Н.Ф. Ингуши. С. 21.

⁸⁴ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 169.

⁸⁵ Александров А.А. Указ. соч.

⁸⁶ Акимов В.Н. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М., 1888. С. 143.

девушка выучилась самостоятельно вести хозяйство»⁸⁷. Впрочем, следует иметь в виду, что принятие ислама не накладывало вето на адат, существовавший в ингушском обществе. Исходя из этого, информацию обоих авторов можно считать правдивой, так как один из них привел сведения, касающиеся брачного возраста, по шариату, а другой автор — по адату.

Ограничения семейно-брачных отношений

По адату, ингуши придерживались принципа экзогамии, накладывавшего вето на женитьбу не только на однофамилице, но и на женщине из родственных фамилий⁸⁸. Б.К. Далгат отмечал, что брак двух родных братьев на двух родных сестрах не допускается, как и женитьба родного дяди на племяннице, брат не может жениться на девушке из семьи, откуда жена брата; братья жены также не могут взять жен из семьи ее мужа, а из семьи других более отдаленных родственников могут⁸⁹.

В рассматриваемый период в ингушском обществе еще бытовал левират (вдова покойного выходила замуж за одного из его братьев или близких родственников) и сорорат (когда вдовец женился на сестре покойной жены), которые были характерны для многих народов Кавказа⁹⁰. Б.К. Далгат писал об этом: «Когда жена умрет, то вдовцу можно жениться на сестре умершей жены своей, чтобы за детьми лучше смотрела, ибо другая мачеха плохо бы к ним относилась; ради детей, оставшихся от брата, брат может жениться на жене брата (прежде это бывало чаще, нежели теперь); брат умершего не обязан взять вдову; это считается не очень хорошим делом, допускается это по адату ради детей. При этом ей дается $\frac{1}{2}$ калыма при браке, а не целый калым»⁹¹. Такой брак заключался в редких случаях и не находил одобрения в народе.

Интересные сведения относительно запрета на брак с кровными родственниками и лицами, состоявшими в так называемом социаль-

⁸⁷ Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. С. 328.

⁸⁸ Родственные фамилии образованы в результате деления патриархального рода (*тайна*).

⁸⁹ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. Цит. по: Многоликая Ингушетия / сост. М.С-Г. Албогачиева. СПб., 1999. С. 185.

⁹⁰ Гаджиева С.Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. С. 27

⁹¹ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 328.

ном родстве, содержатся в работе Н.Н. Харузина. Речь идет о запрете на брак между мужчиной и женщинами, имевшими непосредственное отношение к его рождению — повитухой, кормилицей и женщиной, дававшей имя новорожденному⁹². Кроме того, женщина не могла в случае развода выйти замуж за приятеля жениха, выведившего ее, невесту, во время свадьбы. Ритуальное родство, возникающее в результате прохождения обряда побратимства и посестримства, тоже было препятствием для брака — породнившиеся семьи не могли завязывать матримониальные связи⁹³.

Многоженство

Распространенной формой брачных отношений была полигамия. По Б.К. Далгату, многоженство было распространено в ингушском обществе еще до принятия ислама. Чаще всего заводили себе вторых и третьих жен богатые люди, имевшие большое хозяйство, так как одна женщина была не в состоянии справиться со всеми лежавшими на ней хозяйственными обязанностями. Вторую жену брали и в тех случаях, если первая была бездетна⁹⁴. О распространенности среди ингушей, как и среди их соседей-осетин, многоженства писали во второй половине XVIII в. И.А. Гильденштедт⁹⁵, а в начале XIX в. — А.М. Шёгрен⁹⁶.

Калым

Обсуждение размера калыма, как видно из письменных источников рассматриваемого периода, позволяет создать объективную картину бытования этого явления.

В.Н. Акимов писал, что калым в прежние времена выплачивался не деньгами, а скотом — 18 коров за невесту. Однако с 1863 г. родители невесты должны были получать фиксированную денежную сумму — 105 руб.⁹⁷

⁹² То, что женщина, принимавшая роды, «пользуется уважением у своего приемыша, равным с уважением к матери», в своей работе отмечал А.М. Шёгрэн, не уточняя, правда, наличие запрета на вступление с нею в брак.

⁹³ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. С. 122.

⁹⁴ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 356.

⁹⁵ Gildenstädt I.A. Reisen durch Russland und im Caucasicnen Gebürge. St. Petersburg, 1787—1791. Bd. 1—2. P. 151.

⁹⁶ Шёгрэн А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 28.

⁹⁷ Акимов В.Н. Указ. соч. С. 145.

Калым за невесту в 1879 г. в селении Ляжги горной Ингушетии составлял две сотни рублей⁹⁸.

М. З-бов сообщал, что в 1879 г. выборные от ингушского народа обсуждали, какие меры предстоит предпринять для искоренения «конокрадства, скотокрадства». В качестве главной причины существования этих печальных явлений рассматривалось то, что молодые люди должны выплачивать за невесту большой калым и нести значительные траты на организацию свадебного угощения. При сватовстве заклад деньгами составлял 50 руб. и 18 коров, на угощение — 1 бык и 1 баран, угощения из пива, араки, вся сумма необходимых затрат, даже для бедного, составляла 500 руб., а для богатого достигала 1000 руб. Выборные от народа пришли к выводу, что «бремя калыма, освященное временем, грубым произволом, деморализует наши нравы и гнетет нас до того, что бедный класс молодежи, не имея собственных средств к уплате такого большого калыма и не желая век оставаться безбрачными, волей-неволей промышляет воровством, а такое занятие хотя и крайне безнравственно и порочно, но в нашей среде воспитывается как удаль и молодечество и, само собой разумеется, вредно отражается на нравственности населения; особенно этим увлекаются страстные натуры молодых бедных горцев, готовых на все жертвы и опасности жизни». Исходя из вышеизложенного, общество приняло решение об отмене прежнего, произвольного размера калыма и установило одинаковую плату в размере 105 руб. суммарно деньгами, вещами и скотом. Контроль за исполнением «приговора» возложили на местных старшин⁹⁹.

Размер калыма мог варьировать в зависимости от того, состояла ли невеста до этого в браке. По Ф.И. Леонтовичу, за девушку платят калым 21 корову, за вдову платят только 12 коров¹⁰⁰. Позже, в 1889–1890 гг., эти вопросы были пересмотрены, а за несоблюдение установленного размера калыма введены штрафы. Некоторое время ингушское общество придерживалось принятых решений, но постепенно стало отходить от них¹⁰¹. За богатую девушку платили больше калыма, чем за бедную. Л.В. Малинин отмечал, что у назрановцев выкуп за невесту был одинаковым во всех селениях и равнялся 18 коровам, ценою по 10 руб. каждая¹⁰².

⁹⁸ К-нь Вл. Указ. соч. С. 95.

⁹⁹ З-бов М. О калыме // ТВ. 1879. № 19.

¹⁰⁰ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 117.

¹⁰¹ Кудусова-Далакова Ф.И. Указ. соч. С. 148.

¹⁰² Малинин Л.В. О свадебных платежах и о приданом // ЭО. 1890. № 3. С. 30, 47, 53.

Выкуп за невесту изменился в 1907 г. в связи с принятием нового «приговора», ограничивающего размер калыма 25 руб. в соответствии с требованиями шариата. Об этом сообщалось в «Терских ведомостях» в статье «Ингушские народные приговоры»¹⁰³.

Приданое

За невестой всегда давали приданое, которое в зависимости от достатка семьи могло быть большего или меньшего размера. По В.Н. Акимову: «Невеста приносит с собою в дом жениха: 3 тюфяка, 3 подушки, 3 одеяла, 2 сундука, большой медный таз (*чар*), большой кумган для ношения воды, рукомойник (таз с кувшином), 6 войлоков, 3 рогожки для постилки под тюфяк, деревянные чашки и большие деревянные блюда. Сверх того она приносит 2 черкески для отца жениха, черкеску, ноговицы и башлык с серебряной тесьмой для младшего брата, шелковую рубашку для матери жениха и подарки для ее сестер»¹⁰⁴.

Б.К. Далгат поясняет, что приданое может быть больше или меньше выкупа за невесту и состоит из сундуков, одеял, матрасов, подушек, войлоков, посуды (медная, обязательно с кувшином для воды), черкески, шубы, башлыка (для подарков), одежды и прочего, необходимого в хозяйстве¹⁰⁵.

Свадьба

А.М. Шёгрен сообщал, что на свадьбу собираются все родные и знакомые обеих сторон. Невесту покрывают с головы до ног платком и выводят из комнаты. «Уполномоченный шафер берет невесту за руку и выводит ее на середину комнаты, к котлу, который по горскому обычаю висит на цепи посередине главной комнаты <...>. Подводя к котлу, шафер берется рукой за цепь и начинает говорить речь, вроде желания будущего благополучия молодым; потом обходит с невестой три раза вокруг огня и, ударив рукою по цепи в знак прощания ее с родительским домом, выводит из сакли»¹⁰⁶. Позднее, основываясь на материалах А.М. Шёгрена, Е. Шиллинг полностью повторил описа-

¹⁰³ Ингушские народные приговоры. С. 3.

¹⁰⁴ Акимов В.Н. Указ. соч. С. 145.

¹⁰⁵ Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. С. 342.

¹⁰⁶ Шёгрен А.М. Указ. соч.

ние данной процедуры с небольшим дополнением: «При выдаче невесты замуж ее трижды обводили в родном доме вокруг зажженного очага, высказывая пожелания, чтобы она была “плодовита, как зола”, количество которой постоянно увеличивается, и привязана к семье, как сажа, которая с трудом отстает. После этого шафер брал невесту за руку и потрясал цепь в знак разрыва с семьей»¹⁰⁷. О времени проведения свадебных церемоний В.Н. Акимов писал следующее: «Свадьба не может происходить во время месяца Байрама, а также никогда не происходит под среду. Большею частью бывают под четверг и понедельник»¹⁰⁸.

Подробное описание свадебных ритуалов составил Б.К. Далгат. При выходе невесты из дома раздавалось два выстрела, один выстрел со стороны родных жениха, другой — со стороны родных невесты, считалось, что сторона, успевшая сделать первый выстрел, будет держать верх в семье. Девушки, сопровождавшие невесту, начинали петь, и свадебный поезд, проезжая различные аулы, останавливался и устраивал танцы. По приезду в дом жениха свадебную процессию встречали выстрелами. При вводе невесты в дом губы ей смазывали медом, а голову посыпали мукой, «чтобы она была для своего мужа сладкой, как мед, и чтобы в доме у них всегда были хлеб-соль». Свадьба продолжалась трое суток¹⁰⁹.

Г. Чурсин отмечал, что у ингуше, как и у многих народов Кавказа, существует обычай устраивать во время свадьбы джигитовку и стрельбу¹¹⁰.

Широко распространен был в ингушском обществе и обряд избегания, однако эта тема не получила достаточного освещения в источниках. Некоторые отрывочные сведения по данному вопросу имеются у дореволюционных и советских авторов, таких как Н. Грабовский, В.П. Пожидаев, Б.К. Далгат, Н.Ф. Яковлев¹¹¹.

¹⁰⁷ Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. III. С. 13.

¹⁰⁸ Акимов В.Н. Указ. соч. С. 145

¹⁰⁹ Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей. С. 360.

¹¹⁰ Чурсин Г. Свадебные обычаи обряды на Кавказе // Кавказ. 1902. № 2. С. 270.

¹¹¹ Грабовский Н.Ф. Ингуши; Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа М.; Л., 1926; Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом; Яковлев Н.Ф. Ингуши.

Развод

Очень ценны и интересны сведения А.М. Шёгрена о разводе: «Если супруги расходятся по прихоти жены, то она ничего не получает на свою долю, а еще родные ее возвращают мужу калым. Если же, напротив, муж прогоняет от себя жену, то он не получает своего калыма и должен давать ей на содержание каждый год одно платье, одни шальвары, две пары чувак (башмаков) и два платка; дети остаются при отце или при матери, это зависит от условий, но в последнем случае отец обязан отпускать ежегодно сумму на содержание детей по 12 руб. серебром в год на каждого ребенка, от грудного включительно»¹¹². По Н.Ф. Грабовскому, жена не может без согласия мужа получить развод, однако в тех случаях, когда муж грубо обращается с женой, она может обратиться не только к родственникам мужа с просьбой разрешить создавшуюся ситуацию, но и в случае отказа обратиться в Горский словесный суд. Для выяснения основательности ее жалоб выбирается «посредник», который вел наблюдение за указанной семьей, и если ему удавалось собрать сведения, подтверждающие состоятельность доводов жены, то она получала полную свободу¹¹³. «Насколько жене трудно выхлопотать себе развод, настолько легко мужу развестись со своей женой», — писал Н.Н. Харузин¹¹⁴. Нужно отметить, что для обоснования своего суждения он приводил вышеописанные сведения относительно развода.

Рождение детей

Семья считалась благополучной, если в ней было много детей, желательно мужского пола. Б.К. Далгат писал, что «мальчик как мужчина и продолжатель рода считался более желательным, нежели девочка»¹¹⁵.

Ингушские женщины спустя три дня после рождения ребенка совещались и давали новорожденному имя, отмечал И.А. Гильденштедт¹¹⁶. По А.М. Шёгрону, при рождении ребенка дается языческое имя, независимо от того, в какой семье он родился, христианской или

¹¹² Шёгрэн А.М. Указ. соч.

¹¹³ Грабовский Н.Ф. Ингуши. С. 51.

¹¹⁴ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. С. 128.

¹¹⁵ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 328—379.

¹¹⁶ Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 241.

мусульманской. «Имя дает младенцу тот из родных или почетных стариков, кто первый придет к люльке, и тогда он имеет право сочинить какое угодно название новорожденному». Шёгрен впервые приводит список имен, которые ингуши считают счастливыми¹¹⁷.

Об изменениях в наречении имени, произошедших с принятием ислама, Б.К. Далгат сообщает: «Имя ребенку давали родственники его (это было и прежде, и теперь так делается; но теперь чаще дает имя мулла — из Корана); обряд дачи имен таков: через три дня после родов в их доме резали барана; родственники собирались и бросали несколько альчи́ков: чей раньше станет, тот и дает имя ребенку»¹¹⁸.

По Ч. Ахриеву, «на четвертый день новорожденного кладут в люльку, которая по своему устройству сильно напоминает футляр: она так плотно обхватывает тельце ребенка, как футляр — скрипку»¹¹⁹.

Похороны

Чах Ахриев отмечал, что «ингуши до введения у них ислама имели о загробной жизни точно такие же понятия, как и о настоящей земной», т.е. они думали, что там, как и здесь, на Земле, человек подвержен житейским тревогам и заботам, также работает периодически, например, «осенью жнет по ночам солому на загоне своих родственников»¹²⁰.

Е. Шиллинг писал, что ингуши хоронили покойников в склепах — «кашах», каждый большой «род» имел свою усыпальницу. На территории Ингушетии встречаются несколько видов склепов в виде: «а) продолговатых домов с двускатным покрытием; б) четырехугольных сооружений, увенчанных пирамидальной крышей; в) круглых ядрообразных построек»; усыпальницы были в несколько этажей. Умерших одевали в лучшие одежды, укладывали с ними предметы домашней утвари, которые, согласно поверьям, были необходимы им в новой жизни. В период эпидемий и массового мора живые уходили в склепы целыми семьями, взяв с собой предметы быта. В усыпальницах разрешалось хоронить только членов своего «рода», но ни в коем случае ни «чужеродца». В некоторых усыпальницах имеются поминальные камеры, куда могли прийти родственники или друзья умершего и поиг-

¹¹⁷ Шёгрен А.М. Указ. соч.

¹¹⁸ Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей. С. 372.

¹¹⁹ Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа // ТВ. 1872. № 32.

¹²⁰ Ахриев Ч. Ингушские каши // ТВ. 1871. № 17.

рать с ним в необычную игру. Она заключалась в том, что на полу поминальной камеры расчерчивалась «фигура с делениями; игравшие бросали на манер костей коротенькие четырехгранные палочки с нарезками»¹²¹, если палочки укладывались в деления, то выигрывал гость, посетивший камеру, если не попадали, то покойник.

Похоронный обряд очень плохо описан в литературе рассматриваемого периода. Наиболее обстоятельное описание находим в работе Ч. Ахриева, где сообщается, что на «похоронах возле могилы ставили араку и клали три лепешки, чтобы покойник по дороге на тот свет не нуждался в пище. Затем к могиле подводили коня, узду которого давали в руки покойнику. Далее коня трижды обводили вокруг могилы, отрезали у него правое ухо и бросали в могилу»¹²². На следующий день после похорон устраивались первые поминки со всевозможными угощениями, и считалось, что все съеденное «идет в пользу покойнику». Чтобы покойник на том свете смог встать с постели, устраивались «постельные поминки».

Чтобы «облегчить» процесс «вставания покойника», в честь умершего устраивались скачки, стрельба в цель и джигитовка, писал Ч. Ахриев. За день до поминок к родственникам покойного должен явиться каждый, кто желает участвовать в скачках. Из всех приехавших с этой целью отбирают только 4 коней, и для них назначаются призы. Для этого участникам нужно отправиться в дальнее селение, причем в руках у них должны быть большие ветки, украшенные яблоками и орехами. После приезда в назначенное селение всадники одну ветку дарили хозяину дома, где останавливались на ночлег, а остальные — уважаемым старикам. На следующее утро они должны были скакать к месту поминок. Победители получали призы от родственников покойного: первый приз — комплект мужской одежды, второй приз — бешмет, третий — башлык и ноговицы, а четвертый — рубашка и штаны. Еще до приезда всадников устраивалось состязание по стрельбе. Победитель в этом соревновании получал козленка. Затем начиналось традиционное посвящение лошади покойному. Для этого старик брал в одну руку сосуд с пивом, а в другую — три лепешки и кусок баранины. К нему подводили лошадь, взявшую первый приз на скачках, которую он поил пивом. Хозяину лошади он отдавал лепешки и баранину, а затем объявлял, что эта лошадь с согласия владельца посвяща-

¹²¹ Шиллинг Е. Указ. соч. С. 14.

¹²² Ахриев Ч. Похороны и поминки у горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 47.

ется покойнику, который на том свете сможет ездить на ней, куда ему захочется. Остальных лошадей, участвовавших на скачках, посвящали таким же образом и «отдавали» предкам покойника, по выбору родственников. Заканчивались «постельные» поминки часовой джигитовкой¹²³, во время которой всадники держали в руках украшенные фруктами и орехами ветки. По истечении двух лет после «постельных поминок» делались большие поминки, а еще через год вдова устраивала поминки в честь окончания траура. Примечательно, что даже если она выходила повторно замуж, ее хоронили рядом с первым мужем. Кроме перечисленных поминок, ежегодно после окончания жатвы устраивался жатвенный ужин — *марс-порт* — «с соблюдением следующей церемонии: поставив возле очага кушанье, приготовленное для ужина, самая старшая женщина в семействе брала щипцы в руки и дотрагивалась ими до каждого кушанья, говоря: “Да будешь пищей такому-то покойнику”. Обойдя, таким образом, все яства, она вылиwała из чашки, находившейся у нее в руках, брагу около очага; затем уже все члены семейства принимались за кушанья»¹²⁴. Угощения для покойника «передавались» с молитвой: «Дай Бог, чтобы у них (т.е. у умерших) урожай был хороший», — писал Е. Шиллинг¹²⁵. По народным представлениям, разница между загробною и земною жизнью заключалась лишь в том, что, когда на Земле день, у покойников ночь и наоборот¹²⁶.

¹²³ Ахриев Ч. Похороны и поминки у горцев. С. 47; Шиллинг Е. Указ. соч. С. 17.

¹²⁴ Ахриев Ч. Ингушские каши // ТВ. 1871. № 17.

¹²⁵ Шиллинг Е. Указ. соч. С. 17.

¹²⁶ Ахриев Ч. Ингушские каши.

Глава IV

ХОЗЯЙСТВО

§ 1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ПОРЯДОК ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

В этнографической литературе нет специальных работ, посвященных хозяйственной деятельности ингушей. Однако материал, имеющийся в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX в., позволяет воссоздать общую картину хозяйственной деятельности народа.

О возделывании земли ингушами П.С. Паллас писал, что они хорошие земледельцы, но отсутствие необходимого количества угодий вынуждает их влачить нищенское существование¹. Те же сведения приводил И. Бларамберг². Л.Л. Штедер первым упоминает, что карабулаки в большом количестве разводят коноплю, а также табак и кукурузу³. Со сложностями, связанными с земледелием в горной части Ингушетии, знакомит работа Ю. Клапрота. Он отмечал, что ингуши в целях возделывания пашен вынуждены ежегодно убирать скатывающиеся с гор камни, прокладывать новые водные каналы и улучшать каменистую и неплодородную почву⁴. В военно-статистическом обозрении Российской империи за 1851 г. сообщалось, что «карабулаки

¹ *Pallas P.S.* Bemerkungen aut einer Reise in die sublichen Statthalterschaften des russischen, in die Ianreu 1793 und 1794. Leipzig, 1799—1801. Bd. 1—2. P. 416.

² *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 214.

³ *Штедер Л.Л.* Дневник путешествия в 1781 г. от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996. С. 96.

⁴ *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 213.

занимаются хлебопашеством, сенокосом. Сеют они преимущественно пшеницу, просо, ячмень и кукурузу»⁵.

Очень подробную характеристику землепользования в Джейрахском обществе приводит Н.Ф. Грабовский. Существовавшее в горах малоземелье местные жители восполняли искусственно устроенными террасами, которые засеивались ячменем, овсом и отчасти пшеницей. Сбранного с этих полей урожая даже в зажиточных семьях едва хватало на 7–8 месяцев, остальное время люди вынуждены были приобретать зерно на плоскости или там же арендовать поля для посевов, а в некоторых случаях «добывать хлеб на плоскости податным трудом во время уборки там посевов»⁶. Ч. Ахриев впервые описал сложности, связанные с сохранением плодородной земли в Джейрахском ущелье, где разрушение Красных гор приводило к сползанию почвы и уничтожению удобных для земледелия участков. Да и в целом ощущался существенный недостаток пахотной земли и пастбищ. Вся более или менее удобная земля делилась между семьями: на долю каждого члена семьи из 10–12 человек приходилось по две десятины пахотной и покосной земли. «Каждое семейство ежегодно засеивает свой клочок земли ячменем, просом, овсом, а иногда льном и пшеницей». Средняя величина пашни, принадлежащей семье из 7–8 человек, составляла 13–14 десятин казенной земли, и урожая с этой земли хватало только на 3–4 месяца⁷. Недостаток пахотной земли на протяжении последних 15 лет (1857–1872) восполнялся горцами за счет посевов на плоскости, которые они засеивали бесплатно, но в 70-х гг. с них стали взимать арендную плату в размере 2–3 руб. за пашню, пишет Ч.Э. Ахриев⁸.

Недостаток земли был частично восполнен в 1876 г. Выписка из журнала Кавказского комитета за № 641 гласит, что по распоряжению Его Императорского Величества были дарованы участки земли 155 туземцам Терской области, в числе которых были и ингуши. В потомственную собственность такие участки свободной казенной земли были им предоставлены «за услуги правительству, оказанные или ими

⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. СПб., 1851. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния. С. 141.

⁶ Грабовский Н.Ф. Горский участок Ингушского округа в 1865 г. // ТВ. 1868. № 21–26.

⁷ Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа с приложением его сказок и преданий // ТВ. 1872. № 28.

⁸ Там же.

лично, или ближайшими их предками»⁹. По этому поводу П. Безпристрастный писал, что «все ингуши наделены землею на праве общинного владения, а если и были примеры награждения в собственность участками земли, то лишь за личные заслуги...»¹⁰

По словам К. Россикова, в горной части Ингушетии пахотные угодья представлены «участками самых разнообразных форм и величин — от величины разостланной бурки до четвертой части нашей казенной десятины — и разбросаны эти участки на таких местах, о которых трудно иметь представление человеку, никогда не бывавшему в горной полосе»¹¹. Далее автор отмечал, что вся площадь горной Ингушетии «по топографическому положению представляет ряды террас». Из всей занимаемой ими территории 1/4 эксплуатируется местным населением, остальные заняты лесом и голыми безжизненными скалами¹². Отсутствие земли вынуждало горцев арендовать пахотные участки на равнине, с платою «от 2 до 4 руб. 50 коп. с десятины или в смежных аулах в большинстве случаев с половины». Особенно дорого обходилась аренда земли населению Хамхинского и Цоринского обществ, которые тратили огромное время на переезды и перевозку урожая, так как земля на плоскости находилась от них на расстоянии 50 и даже 70 верст¹³.

«Чтобы не умереть с голоду, горцы вынуждены были арендовать землю у поселенных на их землях казаков станиц Терского войска. В 1890 г. казаки сдавали в аренду 39 907 десятин, или 14 % всех станичных земель»¹⁴.

В статье Г.В. дан список горных и плоскостных аулов и хуторов, а также указано соотношение земельных владений у обеих категорий землевладельцев. Из проведенного автором анализа следует, что наэрановцы в отношении земельных владений являлись самыми обеспеченными, однако и их владения были ниже принятой нормы¹⁵.

По информации А. Белобородова, на душу мужского населения плоскостных ингушей приходится удобной и неудобной земли 4,2 де-

⁹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 21. Д. 57. Л. 27.

¹⁰ *Безпристрастный П.* Наблюдения и заметки // ТВ. 1907. № 5.

¹¹ *Россов К.* Путевые письма // ТВ. 1885. № 60.

¹² Там же. № 59.

¹³ Там же.

¹⁴ *Фадеев А.В.* О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Грозный, 1960. Т. III. Вып. I. С. 5.

¹⁵ *Г.В.* Этюды об ингушах // ТВ. 1891. № 20.

сятин, а на горных ингушей — 1,8 десятин удобной и неудобной земли¹⁶.

Несколько лет спустя, в 1898 г., количество земли увеличилось за счет сдачи в аренду земли из казенного участка на 12 лет без торгов крестьянскому обществу в местечке Назрань¹⁷.

Другой проблемой земледелия являлся полив посадок. Джейраховцы и хамхинцы создали целую систему искусственного орошения пашен и покосов¹⁸.

О порядке землепользования в долине р. Фортанга М.А. Иванов писал, что вдоль реки на очень плодородной земле растут деревья, после расчистки эта земля давала хорошие урожаи, но из-за того что паи под распашку оставались в пользовании лишь два года, то не многие брались за тяжелую работу¹⁹. В горной Ингушетии передел пахотной земли производился каждые 2–6 лет. «Земля эта делилась на подворные участки по числу дворов, причем каждый двор независимо от числа членов семьи пользовался равным наделом»²⁰.

Как уже говорилось, во второй половине XIX — начале XX в. в Ингушетии шел активный процесс переселения горцев на равнинные более плодородные земли. Кроме того, имела место аренда горцами земель на плоскости. Многие из них арендовали плодородные поля близ Владикавказа или у Назрановского сельского общества, на которых сеяли преимущественно кукурузу, дававшую пропитание на целый год. Посевы кукурузы на Северном Кавказе, прежде всего в Чечне и Ингушетии, Осетии, Кабарде и Балкарии, только за десятилетие, с 1896 по 1906 г., возросли с 135,9 тыс. десятин до 238,2 тыс. десятин и продолжали расширяться. Посевы этой культуры опережали общий рост посевных в крае в два с лишним раза. Быстрый рост производства кукурузы объяснялся ее высокой урожайностью и растущим спросом со стороны животноводства и спиртоводочных заводов²¹.

¹⁶ Белобродов А. Земледелие в Терской области // ТВ. 1895. № 108.

¹⁷ РГИА. Ф. 1263. Ж.З. 1898. 9 июля. Ж. ст. 623. Л. 321 об.—322.

¹⁸ Тульчинский Н. К вопросу о положении ингушей среди горцев Терской области // ТВ. 1902 № 30—31.

¹⁹ Иванов М.А. В горах между р. Фортангой и Аргуном // ИКО ИРГО. Тифлис, 1904. Т. XVII. Вып. 1. С. 32.

²⁰ Народы Кавказа / под ред. М.О. Косвена. и др. // Народы мира. М., 1960. Т. I. С. 376.

²¹ История народов Северного Кавказа, конец XVIII в. — 1917 г. М., 1988. С. 659.

Анонимный автор Вл. К-нь сообщал, что на период сельскохозяйственных работ горные селения пустели 4 раза в год на несколько недель: «Во-первых, в марте, когда только одни мужчины едут пахать и засеивать вспаханные поля кукурузным зерном; во-вторых, один раз в июне и один раз в июле, когда едут преимущественно женщины под руководством незначительного сравнительно числа мужчин для выпалывания на кукурузных полях сорных трав. Четвертый и последний раз выезжают джейраховцы обоего пола уже для ломки кукурузных початков, которые после того отвозятся домой, по аулам, в мешках из козьей шкуры в виде зерна, перемалываемого на собственных мельничках, разбросанных по рукавам Джейрахской речки. Сезон ломки наступает в октябре и кончается в ноябре»²². Анонимный автор Вл. К-нь писал, что в горах встречались и зажиточные семьи, «которые посылают на полевые работы наемных работников и работниц с оплатой труда зерном»²³.

Отсутствие достоверной информации о хозяйственном положении населения, особенно в горной полосе, где земельная реформа не проводилась, обусловило необходимость провести специальное обследование состояния землевладения и землепользования. В связи с этим были созданы специальные правительственные комиссии. В 1905 г. в Тифлисе работало Особое совещание из чинов кавказской администрации по вопросу подготовки и проведения земельной реформы в горных районах Терской области. Но поскольку землепользование и земледелие оказались неизученными, было предложено создать специальную комиссию под председательством юрисконсульта Л.Г. Абрамова с целью изучения вопроса и подготовки проекта²⁴. Г. Цаголов сообщает: «По сведениям комиссии по исследованию Нагорной полосы, полученным после подробной хозяйственной съемки, земельное положение в горах представляется в следующем виде. В Горной Ингушетии на одну мужскую душу в среднем приходится 0,3 пахотной земли, 1,2 покосной земли, лесов нет вообще, выгонов и пастбищ 2,3 десятины. На душу мужского населения Горной Ингушетии не достаёт до земельно-продовольственной нормы 44,2 десятины земли»²⁵. В Трудах комиссии имеют-

²² К-нь Вл. Под Казбеком // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 10. С. 91.

²³ Там же.

²⁴ Тройно Ф.П. Документальные источники об арендных отношениях у горцев Северного Кавказа в досоветский период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1983. С. 73.

²⁵ Цаголов Г. Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1912. С. 37.

ся сведения о широком распространении земельной аренды у всех народов Терской и Кубанской областей, которая составляла у горных осетин — по 10 руб. на мужскую душу в год, у горных чеченцев и ингушей — по 8 руб., у балкарцев — по 6 руб., у салатавцев — по 4 руб., у карачаевцев — по 44 руб.²⁶ Но и эта комиссия со своей задачей не справилась — проработав два года и собрав обширный материал, она предложила проект, по которому горцы лишались права на земли в аграрной полосе, так как они должны были быть переданы в казну. «Такой проект, как и сама работа комиссии, вызвали большой общественный резонанс. Если на первых порах работа комиссии народами Северного Кавказа была воспринята с большим энтузиазмом, в надежде, что правительство решит их давнюю проблему, то вскоре после появления проекта наступило всеобщее разочарование горцев. Появились протесты и жалобы как в саму комиссию, так и во все правительственные органы Кавказского наместничества. В 1909 г. проект был рассмотрен на заседании общего присутствия Терского областного правления и отклонен»²⁷.

В статье «Нагорная полоса Терской области» приведены данные о размерах пахотной земли в отдельных горных обществах: Джейрахское общество располагало 5793 десятинами земли, из них пахотной — 332 дес., сенокосной — 325 дес., с кустарниками — 152 дес., с лесом — 1604 дес., под выгоны и пастбища — 2184 дес., неудобных земель — 1196 дес. Покосы могли находиться на таких склонах, что косарям приходилось косить при помощи различных приспособлений или привязывая себя к вбитому в землю колу. «Пахотные и сенокосные земли находятся в подворном владении, а выгоны, пастбища и леса находятся во владении всего общества»²⁸. В связи с недостатком земли и плохой почвой урожай джейраховцев очень низки, например, с одной десятины земли получают 28 пудов ячменя или 42 пудов яровой пшеницы, сена — 6—10 копен на хороших почвах и 1—4 на плохих. Все эти данные свидетельствуют о недостатке пахотной земли и необходимости местным жителям арендовать пахотные земли и сенокосы на плоскости. В Мецхельском обществе всей земли 15,780 дес., удобной — 6,719 и неудобной — 9,061 дес., пахотной — 518 дес., хлеба и се-

²⁶ Труды Комиссии по исследованию современного положения земледелия и скотоводства в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 102.

²⁷ Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терка накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972. С. 54.

²⁸ Нагорная полоса Терской области // ТВ. 1909. № 280.

на получают еще меньше, чем в Джейрахском обществе. Хамхинское общество располагает 21,142 дес., в том числе удобной и неудобной — 6622 дес., пахотной 644 дес. земли. Самые удобные для обработки участки земли отводились под пашню, но плодородный слой земли сдувался ветрами и смывался дождями, отсутствие воды вынуждало горцев производить искусственное орошение. Полученного урожая жителям этого общества едва хватало на пропитание в продолжение 60 дней, а сена — на 21–28 дней²⁹.

Имея мало земли, ингуши проявляли очень бережное отношение к своим наделам. Так, автор, скрывавшийся под инициалами Я.Т., писал о том, что многие общества Назрановского округа, стараясь сохранить плодородие почвы, постановили запретить засеивать подсолнухи как культуру, сильно истощающую землю³⁰. Из этого следует, что возделывание разнообразных сельскохозяйственных культур происходило с учетом особенностей местной почвы.

Малоземелье и необходимость аренды земли являлись причиной постоянных споров и противоречий между казаками и горцами. Договоры на аренду земли заключались на кабальных условиях, ставя горцев в экономическую зависимость. Ингуши в 1909 г. подали петицию в I Государственную Думу, в которой отмечалось: «Мы, ингуши, с незапамятных времен живем в нынешней Терской области в количестве 50 тыс. человек, занимаясь испокон веков земледелием. Весь маленький народ составлял как бы одну трудовую общину, не зная, что такое классовые деления, сословия, управляясь общинными началами. Но после покорения Кавказа, в 60-х гг., невзирая на всю горячую любовь к России, высказанную нами не раз в трудные исторические моменты, местные власти, охваченные пагубной идеей русификации края, начали отбирать у нас земли и заселять их казаками. В настоящее время 2/3 наших земель, насильственно отобранных, перешли в руки казаков, и мы, ингуши, доведены до того состояния, что для того, чтобы жить, мы должны арендовать землю у тех же казаков. В среднем ингушское племя платит ежегодно казакам с лишком 30 тыс. руб. арендной платы. Это не что иное, как налог в пользу казаков, налог тем более возмутительный, что мы, ингуши, платим его за пользование землей, принадлежавшей нам тысячелетия...»³¹

²⁹ Нагорная полоса Терской области // ТВ. 1909. № 280.

³⁰ Я.Т. Местечко Назрань // ТВ. 1907. № 27.

³¹ Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911. С. 141.

К. Бутаев сообщал, что в 1918 г. жители горной части Ингушетии переселились на освобожденные станичные земли, тем самым увеличив площадь пахотных земель более чем на 60 тыс. десятин³².

В статье 1920 г. «Землеустройство горских народов» подняты те же вопросы, что и в XIX в. «Горцы Ингушетии, Осетии и Чечни, прижатые к горам, страдают таким малоземельем, о котором неслыханно даже и в самых скудных землею губерниях Центральной России. В Ингушетии предел опускается до 0,05 десятин»³³.

Несмотря на произведенное властями после революции увеличение земельного фонда, жители горной Ингушетии продолжали страдать от малоземелья. Из материалов сессии Наркомнаца следует, что Горная Ингушетия имеет на душу населения от 1,3 до 1,65 десятин земли. Общая площадь удобной земли, «включая землю с сенокосами, с кустарником, выгонами с кустарниками, садами, огородами и усадьбами», по Назрановскому округу составляет 1,77 десятин удобной земли, а всего на душу населения — 2,54 десятины³⁴.

Н. Зельдович, описывая семейно-родовой порядок пользования землей в горных местностях, отмечал, что он необходим для выживания в столь тяжелых условиях, так как каждая семья затрачивала на расчистку от камней, переноску на спине удобрений и прочих трудностей, связанных с обработкой участка в высокогорных районах, много сил и времени³⁵. Острая нехватка пахотной земли сильно тормозила развитие хозяйства ингушей.

§ 2. СКОТОВОДСТВО

В прошлом ингуши вели комплексное хозяйство, в котором сочеталось земледелие и животноводство. Однако в письменных источниках рассматриваемого периода о роли скотоводства имеются лишь немногочисленные данные.

Так, Л.Л. Штедер в начале XIX в. отмечал, что у ингушей развито было скотоводство, в их хозяйствах имелись козы, овцы, свиньи,

³² Бутаев К. Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // Жизнь национальностей. М., 1923. Кн. 2. С. 30.

³³ Землеустройство горских народов // Советский Кавказ. 1920. № 60. С. 30.

³⁴ Первая сессия Федкозема при Наркомнаце // Жизнь национальностей. М., 1923. Кн. 2. С. 152.

³⁵ АМАЭ РАН. Ф. К-И. Оп. 1. Д. 508. Л. 7.

ослы, мулы и лошади и небольшое количество крупного рогатого скота³⁶. Ю. Клапрот сообщал те же сведения, что и Л.Л. Штедер, но с ценным уточнением относительно арендной платы. Так, за найм 10 овец и 10 ягнят необходимо было ежегодно отдавать приплод в 8 голов скота, таким образом, к концу третьего года хозяину передавали 28 голов. За корову с телятком ежегодно отдавали по овце, а за кобылу — половину жеребят, которые от нее появлялись за этот период. Автор также описывал условия аренды в случае несчастья или потери животного³⁷. В свою очередь, И. Бларамберг приводил те же сведения, что и в работе Ю. Клапрота, с небольшим дополнением относительно занятия местных жителей пчеловодством. Он отмечал, что в Галгаевском обществе пчеловодство было развито незначительно, но цоринцы и карабулаки занимались им с большим «пристрастием и обменивают мед и воск на то, что им необходимо»³⁸.

В военно-статистическом обозрении Российской империи приводятся данные о хозяйственной деятельности различных ингушских обществ и отмечается, что у джейраховцев скотоводство развито незначительно, цоринцы преуспевают в скотоводстве и разводят пчел, назрановцы и карабулаки занимаются пчеловодством³⁹.

Н.Ф. Грабовский, в 1865 г. изучавший Горский участок Ингушского округа, приводит наиболее полные сведения относительно развития скотоводства на данном участке в целом и в отдельных его сельских обществах. Он также сообщает, что жители Джейраха, имевшие в прошлом большие стада рогатого скота, после передачи земель в Тарской долине казакам вынуждены были распродавать скот из-за отсутствия пастбищ, что привело к упадку скотоводства⁴⁰. Этот процесс начался в 1817 г., когда казачьи поселения стали появляться вдоль рек Терек и Сунжа, а в 1847 г. в верховьях Сунжи и на реке Ассе уже существовало пять укрепленных станиц и был учрежден Сунженский казачий полк⁴¹.

В «Статистических сведениях о народонаселении, скотоводстве и хлебопашестве туземного населения Терской области» за 1866 г.

³⁶ [Stüder.] Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von Grenzfestung Mozdok nach dem inner Caucasus unternommen worden. St. Petersburg; Leipzig, 1797. P. 39.

³⁷ Клапрот Ю. Путешествие на Кавказ и в Грузию, предпринятое в 1807 и 1808 годах // Архивный вестник. Назрань, 2005. Вып. II. С. 57.

³⁸ Бларамберг И. Указ. соч. С. 214.

³⁹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. С. 141.

⁴⁰ Грабовский Н.Ф. Указ. соч.

⁴¹ Воронов Н. Исторические примечания // Кавказский календарь. 1867. С. 318.

приведены следующие данные по Ингушскому округу: коров — по одной на двор и менее одной на душу; овец и коз — 22 649 — по 4 на семью и менее одной на человека⁴².

Описывая горных ингушей, Ч. Ахриев писал, что богатство и бедность жителей определялись количеством скота, принадлежавшего семье. Если на одну семью приходилось 300–400 голов мелкого скота, пара быков и лошадей, то семья считалась богатой, но таких было очень мало; семьи, владевшие отарами в 40–50 голов овец, относились к «прилично живущим», они составляли приблизительно четверть населения; владельцы же 4–5 баранов, нескольких ишаков и пары быков и те, которые ничего не имели, были самой многочисленной группой. По личным наблюдениям автора, коровы в горах малорослы, хотя и дают хорошие надои молока. Эти вместе взятые показатели и определяли уровень жизни населения Джейрахского ущелья⁴³.

Автор, скрывающийся под инициалами Вл. К-нь, впервые подробно охарактеризовал жизнь овцеводов. Так, он писал, что в обязанности пастуха входит не только пастьба овец, но и их стрижка, дойка и приготовление сыра. Шерсть, овечьи шкуры и сыр овцевод продает торговцам, а вырученные им деньги частично идут на аренду зимних и летних пастбищ. Этот же автор сообщает, что пастухи на летнем пастбище проводят время с мая по сентябрь, а в октябре баранта перегоняется в Тарскую долину на всю зиму, где арендуются пастбища у казаков⁴⁴. Комиссия по изучению Нагорной полосы Терской области отмечала, что в Джейрахском и Хамхинском обществах выгоны и «пастбища очень скудны и на горных пастбищах скот может пастись только в течение двух месяцев. С сентября по 15 мая джейраховцы выпасают свой скот на плоскости на арендуемых землях». В Хамхинском обществе из-за недостатка корма животных отдают в аренду на следующих условиях: за 20 овец по истечении трех лет хозяин получал еще 8 голов с приплода. Скотоводство в Цоринском обществе не могло обеспечить нужды населения, поэтому местные жители прибегали к аренде земли на плоскости, которая ежегодно обходилась им в 6632 руб.⁴⁵

⁴² Статистические сведения о народонаселении, скотоводстве и хлебопашестве туземного населения Терской области за 1866 год // ТВ. 1868. № 38.

⁴³ Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа...

⁴⁴ К-нь Вл. Указ. соч. С. 31.

⁴⁵ Нагорная полоса Терской области // ТВ. 1909. № 280.

В 1910 г. в газете «Терские ведомости» стали печататься статьи Н. Решетина на сельскохозяйственные темы. В одной из них он сообщал, что «доходы, приносимые скотоводством, слагаются главным образом из следующих статей: а) продажа скота; б) продажа шерсти; в) продажа молочных продуктов»⁴⁶. В другой статье он писал, что у горных ингушей «скот может быть обеспечен своим кормом на зиму всего лишь в продолжение 20 дней»⁴⁷. Далее он рекомендовал жителям горной местности Назрановского округа для получения лучших результатов скрещивать местные породы крупного рогатого скота со скотом швицкой породы, а для «улучшения местной домашней птицы» раздавать самцов «культурных пород»⁴⁸.

Нельзя обойти вниманием и сведения, приведенные в работе Ф.И. Горепекина, где отмечено, что ингуши приручили даже некоторых диких животных, в частности каменного козла⁴⁹. Других сведений, подтверждающих слова автора, не выявлено.

⁴⁶ Решетин Н. Как поднять экономическое положение горцев? // ТВ. 1910. № 77.

⁴⁷ Решетин Н. Тавричане-овцеводы и горцы // ТВ. 1910. № 60.

⁴⁸ Решетин Н. Положение животноводства в Терской области и меры к его поднятию // ТВ. 1910. № 211.

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 34.

Глава V

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. ЖИЛИЩЕ

Данная тема находит, к сожалению, недостаточно полное освещение в письменных источниках, тем не менее в некоторых из них содържатся довольно любопытные материалы, касающиеся не только самих жилищ ингушей, но и способов их обороны при нападении неприятеля.

Так, И.Г. Георги отмечал, что для защиты своих селений ингуши строили башни¹. Л.Л. Штедер писал, что башни предназначались не только для обороны, но и для жилья. Описывая жилища карабулаков, он заметил, что они живут в высоких неприступных башнях, возведенных из необработанных камней; вход в башню возможен только по лестнице, так как вход располагался на середине между основанием и верхом башни. Отверстие в крыше перекрывалось досками, которые можно было поднимать и опускать. В стенах башен имелись специальные отверстия, служившие бойницами, направленными в разные стороны. Башни не имели фундамента и строились прямо на скальном грунте. В центре жилой комнаты находился очаг, который давал свет и тепло². По Ю. Клапроту, в горной части Ингушетии всюду видны старые замки с конусообразными башнями, подобные пирамидам, а жилищем плоскостных ингушей являются плохие деревян-

¹ *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 1—4. С. 58.

² [*Städer.*] Tagebuch einer Reise, die in Jar 1781 von Grenzfestung Mozdok nach dem inner Caucasus unternommen worden. St. Petersburg; Leipzig, 1797. P. 15.

ные сакли, которые после нападения врагов ими оставляются³. И. Бларамберг описывал жилища ингушей так: «Дома они строят большие или поменьше в зависимости от величины семьи, там проживающей. Их поселения иногда ограждены стенами с пирамидальными башнями высотой от 4 до 6 саженей. <...> Дома они строят из камня, с плоскими крышами, покрытыми глиной и гравием. Их дома и башни побелены снаружи, но они не менее опрятны и внутри. Их поселения всегда располагаются по берегам небольших речушек, на которых почти каждая семья имеет маленькую мельницу...» Жилища карабулаков — это плетеные и обмазанные глиной хижины, лишь у некоторых были каменные дома⁴. В донесении наместника Кавказа И.Ф. Паскевича военному министру А.И. Чернышovu о карательной экспедиции 1830 г. генерал-майора И.Н. Абхазова против ингушей сообщалось, что «сакли их построены из камней, связанных известью, такой же постройки и башни, коих в каждом селении по несколько...»⁵ О прочности таких сооружений можно судить по отрывку из «исповеди» некоего Личинова, который писал о сложностях, возникших у подрывников во время истребления деревни Меркей, когда военные не могли разрушить башни, так как они «были сложены на извести, из больших диких камней»⁶.

Н.Ф. Грабовский, воодушевленный красотой горного аула Эрзи, писал: «В нем сохранились в целости четыре пирамидальные башни, стройно возвышающиеся одна над другой. Каждая из башен достигает от 12 до 15 сажень высоты». Об ауле Альгите он же писал, что «жилища <...> построены недавно, частью из камня, частью из дерева; по недостатку места к просторной постройке сакли лепятся одна на другую амфитеатром и образуют вид ступней, устроенных на гору Арж-лам (Черная гора. — М.А.)»⁷. В работе В.Ф. Миллера содержатся ценные описания архитектурных сооружений, увиденных и исследованных им в период экспедиционной поездки в Ингушетию в 1886 г.⁸

³ *Клапрот Ю.* Путешествие на Кавказ и Грузию, предпринятое в 1807 и 1808 годах // Архивный вестник. Назрань, 2005. Вып. II. С. 50.

⁴ *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 213, 222.

⁵ АКАК. Т. VII. Д. 303. С. 369.

⁶ Отрывок из «Исповеди» Лачинова // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. II. С. 80.

⁷ *Грабовский Н.Ф.* Горский участок Ингушского округа в 1865 г. // ТВ. 1868. № 21–26.

⁸ *Миллер В.Ф.* Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. I. С. 3.

В горах, как правило, жилища строились из камня, а в предгорных, лесистых зонах и на плоскости это были преимущественно деревянные строения. По свидетельству В. Чудинова, галашевцы и карабулаки жили в деревянных саклях, «некоторые из них врыты в косорог и имели вид землянок»⁹.

О функциональности жилища ингушей можно судить по подробному описанию автора, скрывающегося под инициалами Вл. К-нь: «Сакля примыкала к старому прадедовскому жилищу Джантемира — высокой трехэтажной башне, возвышавшейся перед группой низеньких одноэтажных построек, как гигант перед пигмеями. Она имела 65 фунтов высоты и по 30 футов длины и ширины в четырехугольном основании. Нижний этаж ее служил конюшней и хлевом для загона лошадей и другого скота, а средний и верхний предназначались для жилья всей семьи»¹⁰. Автор также отмечает, что жители селения Гвилети большей частью жили в саклях, построенных из шиферных плит, сложенных на глине. «В сакле были три отделения: одно, длинное, — для скота; другое, несколько поменьше, — для жилья людей (домашних) и третье, еще меньше, — для приема гостей. Среднее отделение, где помещалась вся семья, было довольно просторное и напоминало собою русскую курную избу, с той только разницей, что пол в нем был земляной и огонь разводился посреди пола»¹¹. Более подробно он описал интерьер одной комнаты: «В одном углу стоял стол, накрытый чистой холщовой скатертью с вышитыми по краям красными петушками. На стене, против стола, висело зеркало в ярко-красной раме с закинутым за него полотенцем, тоже с вышитыми концами. Вдоль стен стояли скамьи. В другом, противоположном первому, углу стояла простая деревянная кровать, застланная ситцевым одеялом. На вымазанной белою глиною стене, на вбитых крючках и гвоздях висели казачье седло, уздечка, ременный треног, ружье-кремневка и старый потертый саквояж. Две простые табуретки и расшатанный соломенный стул дополняли обстановку. Комната освещалась двумя крошечными окошками. В противоположной входу стене был сделан камин, чисто выметенное дно которого освещалось лучом света, падавшего сквозь прямую трубу»¹².

⁹ Чудинов В. Окончательное покорение Осетии. Экспедиция в Северную Осетию // Кавказский сборник. Тифлис, 1889. Т. XIII. С. 83.

¹⁰ К-нь Вл. Под Казбеком // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 10. С. 51–52.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Далее в этой работе приводится подробное описание жилища пастухов. Это шалаш, удобный для походной жизни, очень легкой конструкции: «На вбитых в землю стойках, с развилками вверх, уложены были поверху перекладины в таком порядке, что средняя перекладина возвышалась на аршин над крайними. На эти перекладины поперек наложен был накатник из двухвершковых жердей, привязанный к перекладинам кручеными березовыми ветвями, на накатник наложен был довольно толстый слой сена, и таким образом получался навес. Преобразовать же этот навес в шалаш большой трудности не составляло. Стоило только приставить на ребро к стойкам заранее заготовленные переносные плетни и привязать их теми же прутьями: получались стены, пропускавшие воздух и свет. На земле посередине шалаша лежало несколько камней для очага, на котором пастухи варили себе пишу»¹³.

Небезынтересные данные приводит М.А. Иванов при описании жилища в селении Датых: «Остаток четырехугольной башни, сложенной на цементе из дикого плитняка вперемежку с булыжником; северная и восточная стена ее совершенно разрушились, а остальные еще мало тронуты временем. В западной стене имеются полусводчатая дверь и три ряда бойниц; рядом пирамидальной формы могильник, сквозь отверстия которого видна целая куча остатков человеческих костяков»¹⁴.

С экономическим ростом края повысилось и благосостояние ингушей, об этом свидетельствуют данные из «Записок Терского общества любителей казачьей старины по поводу запроса наместника Кавказа», где отмечалось, что за 1905–1910 гг. произошли следующего рода изменения (селений в плоскостной зоне. — М.А.): «...площади украсились дорогими каменными мечетями, тулук и солома в саклях заменяют кирпич и черепица»¹⁵.

Приблизительно в те же годы П.И. Ковалевский также сообщал, что плоскостные ингуши живут в чистеньких домах, «где вы найдете все, что можно найти и в казацком домике»¹⁶. В свою очередь Ф.И. Горепекин отмечал, что плоскостные ингуши стали строить

¹³ К-нь Вл. Под Казбеком // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 10. С. 31.

¹⁴ Иванов М.А. В горах между р. Фортангой и Аргуном // ИКО ИРГО. Тифлис, 1904. Т. XVII. Вып. 1. С. 37.

¹⁵ Записки Терского общества любителей казачьей старины по поводу запроса наместнику Кавказа // ТВ. 1910. № 278.

¹⁶ Ковалевский П.И. Народы Кавказа. СПб., 1914. Т. I. С. 152.

дома с черепичной крышей, а в домах появились предметы роскоши¹⁷.

§ 2. ПИЩА

Культурно-историческая специфика каждого народа отражается в свойственных разным народам наборах пищевых продуктов, в способах их обработки, типах блюд, в пищевых предпочтениях, в ритуале трапезы и в других аспектах культуры, прямо или косвенно связанных с пищей.

В письменных источниках рассматриваемого периода описанию пищи ингушей уделено незначительное внимание, почти нет описаний способов приготовления тех или иных блюд, не отражено их разнообразие. О пищевом рационе ингушей Л.Л. Штедер свидетельствовал, что они не имеют разнообразия в пище, а голод утоляют небольшим количеством просяного хлеба и сыра и изредка мясом¹⁸. Те же сведения приведены в донесении наместника Кавказа И.Ф. Паскевича¹⁹. Не лишним будет отметить, что для почетных гостей всегда резали барана и гость должен откусывать от всех частей: голову, мозг, курдюк, грудинку и т. д., писал А. Александров²⁰.

По информации Ю. Клапрота, ингуши «пекут каждый раз, когда хотят есть, маленькие пироги из пшеничной, ячменной и пшеничной муки. Тесто формуют, положив на круглый камень, и когда оно наполовину испечено, ставится в горячие угли, пока оно полностью не станет готовым. Оно плохо выпечено и крепкое, только желудки ингушей могут его легко переварить при умеренном потреблении. Они варят так же, как и осетины, при своих праздниках прекрасное пиво, которое напоминает портер»²¹. М. Ковалевский сообщал, что ингуши умеют варить пиво, при этом отметив, что «старшина Тепш славился в окрестностях как хороший пивовар, он распорядился принести огромный медный кувшин пива. Действительно, оно оказалось густое и приятного вкуса. Уже после второго бычачьего рога я почувствовал

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 160. Л. 29.

¹⁸ [Štöder.] Op. cit. P. 17.

¹⁹ АКАК. Т. VII. Д. 303. С. 369.

²⁰ Александров А. Месть. (Рассказ из нравов и обычаев ингушей) // ТВ. 1905. № 272.

²¹ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 49.

легкое опьянение»²². И. Бларамберг также отмечал умение ингушей варить пиво и их неприхотливость в еде: летом питаются кореньями, травами, ростками деревьев, молоком и сыром, а зимой — мясом копченой или сушеной баранины и кашами из ржи, проса, ячменя. Он также упоминает способ приготовления лепешек, описанный Ю. Клапротом и, возможно, заимствованный у него²³. Схожие сведения и в работе Ч. Ахриева: пищей горных ингушей служит чурек из кукурузной или просяной муки и жидкий овсяной кисель, сыр и молоко составляют пищу богатых и состоятельных людей, а мясо даже богатыми употребляется довольно редко²⁴. Некоторые дополнения приведены П.И. Ковалевском: «Пища весьма ограничена: кусочек сыра и чашка кислого молока и ячменная или кукурузная лепешка, а летом арбуз и головка чеснока или лука»²⁵.

Несколько слов относительно праздничной трапезы приводит В.Ф. Миллер, сообщая, что во время праздника ингуши варят пиво, готовят в большом количестве треугольные лепешки и в жертву приносят барана²⁶. Схожая информация содержится и в работе Г.А. Вертепова, который описал обрядовые яства, приготовленные ко дню празднования Мятцели: это круглые и треугольные лепешки *боджл*, несколько чашек каши *дяттах*, 20 штук галушек *мойчаж*, пиво, буза и арака²⁷.

Здесь же надо отметить, что ингуши умели изготавливать продукты, которые продолжительное время сохраняли свои вкусовые свойства. К их числу относится непортящаяся мука из жареной кукурузы — *цу* — и молочная закваска *чу-шиар-ло* (кефир), о которых сообщалось в работе Ф.И. Горепекина²⁸. Эти продукты чаще всего использовались охотниками, пастухами, абреками, проводниками из-за легкости их приготовления.

Несмотря на наличие в ингушской национальной кухне жидких блюд в виде различных супов и бульонов с приправами, только в рассказе автора, скрывающегося под псевдонимом Вл. К-нь, есть сооб-

²² Ковалевский М. Поклонение предкам у кавказских народов // Кавказ. 1902. № 107.

²³ Бларамберг И. Указ. соч. С. 214.

²⁴ Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа // ТВ. 1872. № 30.

²⁵ Ковалевский П.И. Народы Кавказа Т. I. С. 154.

²⁶ Миллер В.Ф. Указ. соч. Вып. I. С. 3.

²⁷ Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. III. Кн. 2. С. 105.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 160. Л. 27.

щение о том, что при посещении дома одного из жителей горного селения Гвилети он отдал суп, а также рагу из курицы. Стол для гостя дополняли кувшин домашней араки и бутылка вина²⁹. Далее автор приводит подробное описание способа приготовления одним из пастухов овечьего сыра. Этот материал ценен тем, что в настоящее время старые способы приготовления сыра почти повсеместно исчезли, на смену им пришли новые технологии. Процесс приготовления сыра описан следующим образом: «Выполоскав большую деревянную чашку холодной водой, он опустил на дно ее кусочек высушенного телячьего желудка, предварительно и его обмыв водой. Затем налил полную чашку овечьего молока. Исполнив все это, он вымыл свои руки той же холодной водой, но без мыла и опустил их ладонью вниз в чашку с молоком, причем распустил веером пальцы. Через пять минут молоко стало свертываться и опускаться на дно. Операция эта требует большого терпения, <...> прошло более часа, прежде чем руки Эдды достигли дна и стали касаться створожившейся массы. Когда он почувствовал под пальцами скопление этой массы, то стал обжимать ее со всех сторон и, наконец слив сыворотку, принялся ладонями закруглять ком сырной массы, придав ему форму сплюснутого шара, весу в этом комке было не более двух фунтов. В заключение операции Эдда обсыпал ком со всех сторон толченой солью и поставил чашку на полку, объяснив, что сыр теперь будет просаливаться и через неделю настолько закрепнет, что его можно будет сложить в общую кадку в рассол, где хранится весь выделанный сыр»³⁰.

В некоторых источниках есть упоминание, что ингуши используют разнообразные напитки при застольях. Так, автор, скрывающийся под инициалами Б.Д., бывший на праздновании Байрама у ингушей, писал, что на празднике было много сортов лимонада, немного пива и только для приглашенных русских гостей были поданы вино и водка³¹.

В свою очередь корреспондент «Терских ведомостей», описывая праздник в селении Базоркино, отмечал, что праздничный стол был сервирован по-европейски, было произнесено много тостов и выпит не один бокал вина³². В этом материале впервые отмечается умение ингушей сервировать стол на европейский манер.

²⁹ *К-нь Вл.* Указ. соч. С. 55.

³⁰ Там же. С. 34–35.

³¹ *Б.Д.* Жертвоприношение на Столовой горе // ТВ. 1893. № 75.

³² *Очевидец.* Народный праздник в селении Базоркинском // ТВ. 1897. № 47.

§ 3. ОДЕЖДА

Одежда является важным источником изучения культуры народа, она по-своему фиксирует его быт, нравы и художественные вкусы, в ней отражаются возрастные и социальные различия разных категорий людей, она показывает связи с соседними народами. В письменных источниках рассматриваемого периода эта тема освещена недостаточно хорошо, в связи с этим в виде исключения мы делаем ссылки на археологические данные, выходящие за хронологические рамки данного исследования.

В основном одежда ингушей в XVIII—XIX вв. изготавливалась за счет местной сырьевой базы (шерсть, кожа, лен). Однако в материалах письменных источников отсутствуют сведения об изготовлении шерстяных тканей, хотя такие данные имеются в материалах археологических раскопок. Е.И. Крупнов пишет, что многочисленные находки глиняных пряслиц свидетельствуют о том, что «из шерстяной ткани шились различные (в том числе нарядные) одежды, скреплявшиеся бронзовыми булавками, фибулами и застежками, из шерсти шились женские головные уборы, вязались чулки, даже широкие пояса и пуговицы, и наконец, делались всякие хозяйственные сумы и сумки»³³.

Наряду с повседневной существовала и праздничная одежда, которая шилась из привозных материалов (сафьяна, шелка, парчи, бархата и др. тканей). Л.Л. Штедер отмечал, что к ингушам приходят купцы-армяне с различными товарами, однако «иностранные купцы их не посещают, потому что они бедны и у них нечего взять»³⁴. Те же сведения имеются в рукописях Д.А. Милютин с небольшим уточнением, что местные жители покупали в Кизляре грубые бумажные ткани, пользовавшиеся большим спросом у горцев³⁵. Готовую одежду покупали редко, в основном ее шили женщины дома.

Мужская одежда

Традиционный мужской костюм ингушей имел много общих черт с костюмом других народов Северного Кавказа, что объясняется тес-

³³ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 329.

³⁴ [Штедер.] Op. cit. P. 18, 44.

³⁵ Милютин Д.А. Заметки о племенах кавказских (Чечня, 1832) // РО РГБ. Ф. 169. К. 81. Ед. 7. Л. 29.

ными и длительными взаимными связями народов Кавказского региона, сходными условиями жизни, характерной природной средой региона.

В работе Ю. Клапрота имеется небольшое сообщение относительно мужской одежды, а именно о том, что ингуши носят зимой и летом бурки³⁶. И. Бларамберг в своей работе дает те же сведения³⁷. Упоминание черкески, самой распространенной верхней мужской одежды на Кавказе, есть в работе Д.А. Милютин. Он отмечал, что одежда мужчин состоит из черкески с газырями, широких шаровар, шапки, ноговиц и чувяков³⁸. Некоторые дополнительные сведения имеются в работе Н.Ф. Грабовского: «Одежда ингуша не представляет роскоши: мужчина обыкновенно носит ситцевую рубашу и бешмет, нанковые (хлопчатобумажные. — А.М.) штаны, черкеску из грубого самодельного сукна, кожаные или суконные ноговицы и чувяки и овчинную папаху»³⁹. В Словаре Ф. Брокгауза и Э. Эфрона отмечается, что мужская одежда состоит из суконной черкески черной, серой или коричневой, ситцевого бешмета, суконных шаровар, суживающихся к низу, на ноги надевали чувяки из сыромятной кожи, а в горной местности преимущественно башмаки на толстой подошве, на голову надевали шапку из бараньей шкуры⁴⁰. Те же сведения относительно одежды имеются в работе П.И. Ковалевского, возможно, взятые из словаря⁴¹.

О.В. Марграф пишет, что верхняя одежда кавказца — бурка — изготавливается исключительно из овечьей шерсти, по форме напоминает усеченный конус и защищает всадника от любой непогоды. Легкая и теплая, она служит и подстилкой, и одеялом одновременно, и удобна при верховой езде⁴².

В литературе содержится информация о характерных особенностях профессиональной одежды. Автор, скрывающийся под инициалами Вл. К-нь, так описал одежду некоего охотника: «Он надел чувяки

³⁶ *Клапрот Ю.* Указ. соч. С. 55.

³⁷ *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 213.

³⁸ РО РГБ. Ф. 169. П. 81. № 7. Л. 25 об.—26.

³⁹ *Грабовский Н.Ф.* Ингуши (Их жизнь и обычаи) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 38.

⁴⁰ *Брокгауз Ф., Эфрон Э.* Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. XIII. С. 60.

⁴¹ *Ковалевский П.И.* Народы Кавказа. С. 154.

⁴² *Марграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 20—21.

с сафьяновыми ноговицами, поршни из сыромятной кожи, с плетеными ременными подошвами; в газыри насыпал порох, который затыкался круглою свинцовою пулею, обернутой в засаленную тряпочку; к поясу привесил старый кинжал и кисет из бычьего пузыря, наполненный махоркою; за плечи закинул мохнатую кожаную котомку с провизией, состоявшей из овечьего сыра и шести кукурузных лепешек; за пояс заткнул веревку со связкою стальных кошек и коротенькую трубку». Далее этот же автор описал одежду пастуха: «Он одет в рубашку, штаны и камзол из грубой шерсти домашнего производства, поверх камзола одета бурка из еще более грубой шерсти, крепившаяся спереди с помощью самодельной деревянной спицы. На голову одевалась шапка из овчины, а на ноги надевались сыромятные кожаные сапоги, набитые травой»⁴³. В остальных источниках описание этих костюмов не выявлено.

В материалах Комиссии по изучению Нагорной полосы Терской области за 1909 г. имеется сообщение, что «косари косят или босиком или же в чувяках с подошвами из ременного переплета...»⁴⁴ Вероятнее всего, речь идет об обуви из сыромятной кожи с подошвой, сплетенной из ремней, которую носили пастухи и охотники, так как она не скользила на горных склонах и была удобной в носке.

Вооружение

Комплекс традиционной мужской одежды дополняло оружие и воинские доспехи. Так, в 1794 г. П.С. Паллас, описывая предметы вооружения ингушей, отмечал, что оно состоит из ружья, сабли, копья, кинжала и щита. Причем только ингуши из всех народов Кавказа сохранили щит как часть вооружения⁴⁵. Позднее, в 1807–1808 гг., Ю. Клапрот привел те же сведения. Однако с этим утверждением авторов нельзя согласиться, так как щит использовался и живущими по соседству с ингушами хевсурами и тушинами. Возможно, к такому выводу П.С. Паллас пришел в результате отсутствия личного знакомства с указанными народами, а в письменных источниках, на которых базировалось его исследование, не имелось упоминаний на использование щита другими народами. Ю. Клапрот заимствовал имевшу-

⁴³ *К-нь Вл.* Указ. соч. С. 32, 94.

⁴⁴ Нагорная полоса Терской области // ТВ. 1909. № 280.

⁴⁵ *Паллас П.С.* Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793–1794 гг. // Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996. С. 73.

юся в работе П.С. Палласа информацию. Более подробное описание вооружения содержится в работе С. Броневкого. Он пишет, что ингуши носят деревянные щиты, обтянутые кожей, с наружной стороны они скреплены железными обручами, а также короткий остроконечный железный дротик, который может при случае служить оборонительным оружием, но больше употребляется для меткой стрельбы из ружья вместо сошки⁴⁶.

В донесении наместника Кавказа И.Ф. Паскевича военному министру А.И. Чернышову о карательной экспедиции генерал-майора И.Н. Абхазова против ингушей в 1830 г. сообщалось, что «оружие сих горцев состоит в исправной шашке, кинжале, ружье, немногие имеют пистолеты»⁴⁷. Те же сведения приводил и Д.А. Милютин⁴⁸. Полковник Широков отмечал, что, кроме перечисленного вооружения, некоторые имеют панцири, луки и кольчуги со стрелами⁴⁹.

Описание предметов вооружения, приведенное Ф.И. Горепекиным, сделано по материалам археологических раскопок и относится к более раннему периоду. Он отмечал, что вооружение ингуша состояло из лука, двустороннего бронзового топора, бронзовой булавы, дубины, сделанной из боярышника, шашки *тур*, которые назывались, возможно, по имени ингушских мастеров — *терсмаил-тур*, *эльмар-за-тур*⁵⁰.

Женская одежда

Из письменных источников первой половины XIX в. заслуживает внимания сообщение Ю. Клапрота относительно одежды ингушских женщин и всего их внешнего облика. Он пишет, что платье в области плеч и груди на ширину почти в пять пальцев расшито различным цветным шелком, шерстяной тканью или нитками. Они носят еще верхнюю юбку, доходящую до икр ног, которая держится благодаря поясу. Под платье надевают длинные штаны, благодаря которым различают статус женщин, так как замужние носят штаны красного цвета, вдовы и старые женщины — голубого, а девушки — белые; все они

⁴⁶ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 161.

⁴⁷ АКАК. Т. VII. Д. 303. С. 368.

⁴⁸ РО РГБ. Ф. 169. П. 81. № 7. Л. 25 об.

⁴⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА.1838. Д. 6194. Ч. 91. Л. 4.

⁵⁰ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 160. Л. 27.

в том месте, где касаются лодыжек, великолепно пестро прошиты и обшиты черной каймой. Зимой все женщины ходят в сапогах, а летом — босиком⁵¹. Те же сведения приведены и в работе И. Бларамберга⁵².

Описанию рабочей одежды уделено несколько строк в рукописи Д.А. Милютина, где он отмечает, что рабочая одежда ингушки не отличается от одежды представительниц других народов Кавказа и состоит из шаровар, поверх которых надевается рубаха длиной немного ниже колен, на голову надевается белый платок⁵³.

Некоторые дополнительные сведения имеются в работе Н.Ф. Грабовского, где сообщается, что одежду женщины составляет ситцевая рубаха и бешмет преимущественно ярких расцветок, ситцевые или бумажные (вид хлопчатобумажной ткани) красные штаны, кожаные чуваки, а также бумажный платок на голове; зимою мужчины и женщины прибавляют к своему костюму нагольный овчинный полушубок, но носить полушубок девушкам не в обычае — стыдно. Дети одеваются, как и большие, но лет до 3—5, особенно в летнюю пору, они предпочитают находиться голыми, что удобно для детей и неубыточно для родителей⁵⁴.

Кроме упомянутых ситцевых, шерстяных изделий, в Ингушетии были широко распространены изделия из шелка. Е.И. Крупнов, в частности, на материалах раскопок могильников с. Эгикал пишет, что все погребенные лежат плотно друг к другу. Женщины одеты в длинные платья — рубахи с неглубоким разрезом на груди. Нижнее платье — с короткими рукавами из грубого белого холста. Верхнее (на некоторых женщинах) — из шелковой материи с длинными рукавами, окрашенными в красный, синий, зеленый и оранжевые цвета. Талию опоясывал пояс, на котором крепилась сумочка с шелковыми цветными нитками, иглами и наперстками, деревянным гребнем⁵⁵.

После присоединения Кавказа к Российской империи одежда народов региона претерпела значительные изменения. В «Записках Терского общества любителей казачьей старины» сообщалось, что огромное влияние на уровень развития горцев имеют постоянные сношения с плоскостью и городами, в которых они сбывают местные

⁵¹ *Кланрот Ю.* Указ. соч. С. 55.

⁵² *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 213.

⁵³ РО РГБ. Ф. 169. П. 81. № 7. Л. 25 об.—26.

⁵⁴ *Грабовский Н.Ф.* Ингуши. С. 38.

⁵⁵ *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 93—94.

товары и продукты и где приобретают предметы более высокой культуры⁵⁶.

Е.Н. Студенецкая, изучавшая одежду народов Северного Кавказа, писала: «Из России сюда везли множество промышленных товаров, среди них разнообразные ткани — холст, бязь, ситцы, сукна, полотно. Из Персии поставлялись предметы роскоши, в частности дорогие ткани (бархат, шелк, атлас), сафьян для пошива парадной обуви, драгоценные камни...»⁵⁷

Большое влияние на внешний облик мужчин и женщин оказал город Владикавказ, откуда проникали новые формы одежды, украшения, что приводило к изменению костюма горских народов. О таком влиянии сообщал корреспондент газеты «Терские ведомости» в своей статье, посвященной празднику в Базоркино: «Традиционный костюм туземной девушки начинает, по-видимому, делать некоторые уступки цивилизации: легкие национальные чухяки в праздничном наряде почти уже вытеснены европейскими ботинками; на руках у некоторых девушек мы заметили лайковые перчатки, а кокетливая прическа одной из них, с искусственно завитыми локонами над самыми бровями, обнаруживала знакомство с щипцами и папильотками»⁵⁸. На основе вышеизложенного можно судить, что город постепенно становился проводником в горскую среду европеизированных культурно-бытовых стандартов.

⁵⁶ Записки Терского общества любителей казачьей старины по поводу запроса наместнику Кавказа. С. 2.

⁵⁷ Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989. С. 4.

⁵⁸ Очевидец. Указ. соч.

Глава VI

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ИНГУШЕЙ

За свою историю ингушский народ пережил три религиозных этапа: языческий, христианский и мусульманский.

К языческому периоду относятся описания Я. Рейнегса, который отмечал, что «ингуши чтят священную пещеру около деревни Вапила и священные скалы, которые ингуши называют Иерда», у них есть священные серебряные фетиши неопределенной формы, называемые ими Тсуум, у которых они просят ниспослания детей, дождя, а для убитых молнией они строят небольшие сооружения, на которые вешают шкуры козла с головой¹. К явлениям культа природы, как отмечает Ф.Г. Чурсин, можно отнести поклонение священным камням, родникам, рошам и деревьям, в числе которых особое место занимала священная груша².

Многочисленные культовые сооружения, упоминаемые В.Ф. Миллером³, Б.К. Далгатом⁴, скорее всего, свидетельствуют о существовании некоторого числа богов-покровителей, в честь которых таковые возводились.

В сознании народа все божества в зависимости от их значимости в жизни людей занимали определенную ступень иерархической лестницы.

¹ *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung der Kaukasus. Gotha; St. Petersburg, 1797. S. 42.

² *Чурсин Г.Ф.* Почитание гор, скал и камней у кавказских горцев // Бюллетень Кавказского историко-археологического института. 1928. № 4. С. 123.

³ *Миллер В.Ф.* Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. I. С. 3.

⁴ *Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С. 104.

Пантеон языческих божеств отличался сложностью и высоким уровнем развития. Верховным божеством традиционного пантеона у ингушей считался Дяла. Согласно сведениям И.Г. Георги⁵, Я.Я. Штелина⁶ и И.А. Гильденштедта, «кисты (ингуши. — *М.А.*) верят в бога, которого называют Даиле, но в их религии нет святых или каких-либо достопримечательных персон, в воскресенье у них нет богослужения, они только отдыхают от работы. Весной у них большой пост, а летом — меньший»⁷.

Позднее верховный бог стал именоваться *Цу*, поклонение ему зафиксировано еще в начале XIX в.

Как отмечает Б.К. Далгат, кроме верховного бога, существовали и другие божества, которым поклонялись все ингуши. В первую очередь это *Села (Сели)* — бог грома и молнии. Села являлся божеством огня, в посвященный ему день считалось грехом давать кому-либо из соседей хотя бы один уголек, а в остальные дни, выбрасывая золу из очага, нужно было оставлять там хотя бы щепотку золы. Тем, кто согрешил, бог посылал всякие беды: болезни, смерть детей, гибель скота и прочие несчастья⁸. С богом Села связаны: *Села ад* — радуга как дуга бога Селы; *Сигал* — божество неба; *Сата* — дочь бога Селы, покровительница невест.

Ценные сведения о святилищах и часовнях, построенных в честь «аульных патронов», приведены Б.К. Далгатом. Так, близ селения Пхомат находилось святилище *Пхомат-Ерда*, близ селения Бейни — святилище *Баин-Сели*, в селении Тумгой — святилище *Тумга-Ерды*, в Хамхинском обществе — святилище *Дзорах-Дэла*, недалеко от аула Ага-Кале, напротив селения Таргим, находится храм *Алби-Ерды*, при ауле Арзи — часовня *Болом-дяла*⁹. Некоторые упомянутые святилища Далгат посетил лично и описал их, в других источниках они не упоминаются.

При рассмотрении вопроса о религиозных верованиях нельзя обойти вниманием и работу Е. Шиллинга. В ней большое внимание

⁵ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 1–4. С. 58.

⁶ Географический месяцеслов на 1772 г. СПб., 1772. С. 127.

⁷ Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 37.

⁸ Далгат Б. Указ. соч. С. 109.

⁹ Там же. С. 102.

уделено различным божествам¹⁰. В неопубликованных работах Ф.И. Горепекина содержится дополнительная информация относительно бога подземного царства *Эштар*, который, как считалось, доставляет души умерших праведников в рай на священной кобылице *Сса-цена-гил*¹¹.

Интересные сведения о народном празднике в честь бога плодородия *Мятцели* оставил анонимный автор, скрывшийся за инициалами Б.Д. «Мятцели — народный патрон ингушей, его почитает почти весь народ, но преимущественно он пользуется уважением у Джераховского и Мецхельского обществ. Это бог плодородия, великого обилия и благополучия, он же и справедливый судья. Не раз он являлся в народ в образе почтенного старца и разрешал спорные дела, избавляя тем самым стороны от кровавых столкновений. Он дает урожай хлебом, ему приписывают и рождение детей, и размножение скота, у него просят исцеления больные телом, несчастные, угнетенные житейскими проблемами, молят о помощи, все считают обязанными успехом в жизни этому всемогущему божеству, и в благодарность за это ежегодно каждое семейство приносит ему в жертву продукты своего хозяйства»¹².

Необходимо отметить, что сведения об особом почитании этого божества только жителями Джераховского и Мецхельского обществ ошибочны, так как Мятцели являлся общеингушским божеством и поклонение ему сохранялось даже после принятия ингушами ислама. А. Базоркин, бывший очевидцем праздника в честь Мятцели во второй половине XIX в., писал: «Все жители окрестных гор и жители равнин посещают в тот день гору Мятцели (Столовая гора. — М.А.), весело проводят целый день и ночью возвращаются домой»¹³.

Информация на ту же тему содержится в работе Н.Ф. Грабовского. Согласно приводимым им сведениям, джейраховцы и кистинцы считаются магометанами, но вместе с тем у них встречаются обряды христианские и языческие, причем последние преобладают. В настоящее время (вторая половина XIX в.) у горцев имеются жрецы — исполнители богослужения. Он также отмечал, что многие места в горах джейраховцами и кистинцами считаются священными. Это так называемая Столовая гора, на которой стоит часовня в честь Мятцели, пещера Тамыч-

¹⁰ Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. III. С. 38–39.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 160. Л. 26.

¹² Б.Д. Жертвоприношение на Столовой горе // ТВ. 1893. № 75.

¹³ Базоркин А. Горское паломничество // ССКГ. 1875. Вып. VIII. С. 7–8.

Ерды близ Красных гор, внутри которой размещался вделанный в скалу железный крест. К этим двум священным местам народ собирается на празднество в первой половине июня. При этом берут с собой скот, предназначенный для жертвоприношения; кроме того, каждый обязан сделать какое-нибудь приношение сообразно собственным средствам: стакан, колокольчик, значок и пр. Таким образом, эти священные места увешаны костями и рогами, все приношения неприкосновенны и никто (под страхом божьего гнева) не имеет права уносить их¹⁴.

Огромный интерес для изучения религиозных верований ингушей представляет работа А.М. Шёгрена, в значительной своей части посвященная обрядовым практикам. Автор сообщал, что в начале XIX в. у ингушей не было твердых религиозных представлений, и миссионеры в 1820 г. без особых усилий обратили в православие 2/3 местного населения. Всех ингушей автор условно делил на три группы: представители первой исповедуют «по наружности» православную веру, представители второй — магометанскую, третья часть жителей — язычники. Шёгрен отмечал, что большая часть горских обществ еще придерживается обрядов идолопоклонства¹⁵. По мнению автора, такое смешение религий сложилось у местных жителей под влиянием соседних народов. Так, от грузин и осетин ингуши заимствовали христианство, под влиянием кабардинцев — ислам. Эти религии им были навязаны силой, а потому им, ингушам, было свойственно «принимать до времени формы победителей и держаться упорно своего»¹⁶. Вместе с тем Шёгрен отмечал, что, небрежно исполняя обряды новых религий, ингуши по сути оставались язычниками и на соответствующий манер верили в загробную жизнь, существование ангелов, злых и добрых духов. Он также обратил внимание на сходство в праздновании христианских праздников ингушей и осетин, заметив, что всем «святым делаются праздники и приношения в разное время года»¹⁷. Заслуживает внимания и принадлежащее ему замечание, что, приняв присягу на верность при вхождении в состав России в 1810 г., ингуши клялись богом Галь-Ерды¹⁸.

¹⁴ *Грабовский Н.Ф.* Горский участок Ингушского округа в 1868 г. // ТВ. 1869. № 28.

¹⁵ *Шёгрен А.М.* Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 27—30.

¹⁶ Там же. № 27.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Клятвы именем Галь-Ерды засвидетельствованы и Ф.И. Горепекиным. Этот же автор выдвинул предположение о связи ингушей *галга* с почитанием звезды — *Гила*, представлявшейся в образе священной кобылицы. «В Ассиновском ущелье на горе Гель-ерды корт (*корт* — вершина горы. — М.А.) стоит доселе капище священной кобылицы, покровителя народа Гель-ерды (Галь-ерды)»¹⁹. Специальное исследование культа Галь-ерды позднее было осуществлено профессором Б.А. Алборовым, который прослеживал связь данного божества с осетинским Аларды²⁰.

О религиозном синкретизме среди ингушей свидетельствуют материалы из работы Стрельницкого, который также отмечал деление ингушей на язычников, христиан и мусульман, и указывал, что оно приводит к бесконечным спорам между ними, которые нередко заканчиваются драками²¹.

Перечисленные авторы делали акцент на языческих верованиях ингушей, хотя и описывали влияние ислама и христианства. Другие авторы подчеркивали роль христианства в религиозной жизни ингушей, уделяя лишь незначительное внимание языческим верованиям. Так, П.С. Паллас писал, что ингуши — христиане и имеют церковь, именем которой они дают клятвы, и что входить в церковь могут только избранные²².

Интересны сведения из работы С.М. Броневского, который отмечал что вокруг церкви «выстроено около 30 небольших хижин в виде келий... и монастырь», где находят убежище «больные и несчастные»²³. Подобная информация не встречается в работах других авторов, и можно только строить предположения о ее достоверности, тем более что Броневский лично не посещал Ингушетию, а сообщенное им является пересказом преданий и легенд.

В целом С.М. Броневский разделял точку зрения авторов, отмечавших сочетание в религиозных практиках ингушей языческих веро-

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 160. Л. 16.

²⁰ Алборов Б.А. Ингушское Гальерды и осетинское Аларды (К вопросу об осетино-ингушских культурных взаимоотношениях) // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928. Вып. 1. С. 73.

²¹ Стрельницкий. Два узденя // Кавказ. 1846. № 20—22.

²² Паллас П.С. Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793—1794 гг. // Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996. С. 417.

²³ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 160.

ваний и христианства; он писал, что они, в частности, «едят свинину, держат посты, празднуют воскресенье и уважают опустевшие церкви»²⁴. Те же сведения и в работе П. Зубова²⁵.

По И. Бларамбергу, религия ингушей очень простая — они почитают одного бога, которого называют Дяле, в случае смерти кого-либо ежегодно устраиваются паломничества к святым местам, которые являются остатками христианских храмов. Интересны сведения, приведенные им о жреце: оный никогда не женится и должен быть выходцем из простой семьи, он молится в Тхаба-Ерды и в других святых местах, и только он может совершать жертвоприношения²⁶.

Влияние христианства

Многие авторы отмечали влияние христианства на религиозные практики ингушей, однако конкретных данных, в том числе о том, в какой период это влияние было наиболее значительным, они не приводили. Точных сведений о принятии ингушами христианской веры нет. С учетом материалов современных исследований можем предположить, что активно процесс христианизации начался в XI—XII вв.²⁷, так как с середины XII в. часть Северного Кавказа попала под влияние восточной Римской империи. Позднее, в XIII и XIV вв., на смену византийцам пришли генуэзцы. Как отмечал Б.К. Далгат, «весьма вероятно, что генуэзцы и венецианцы, часто посещавшие Кавказ в XIV и XV столетиях с торговыми целями, также распространяли христианство и среди чеченцев (ингушей. — М.А.)»²⁸.

Аналогичной точки зрения придерживался К.О. Ганн, который писал, что об этом свидетельствуют развалины храма Тхаба-Ерды, «некоторые украшения его наводят на мысль, что долина Ассы когда-то посещалась генуэзцами или венецианцами»²⁹. Е. Марков также полагал, что христианская религия проникла к предкам ингушей «с восточного побережья Черного моря от византийских греков и ге-

²⁴ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. С. 161.

²⁵ Зубов П.П. Картины Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. СПб., 1835. Ч. III. С. 151—180.

²⁶ Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 218—219, 222.

²⁷ Далгат Б. Указ. соч. С. 44.

²⁸ Там же. С. 46.

²⁹ Ганн К.О. Картины главных кавказских рек // Кавказский вестник. 1901. № 5. С. 11.

нуэзцев»³⁰. Некоторые археологические находки, сделанные в XX в. на территории Ингушетии, а также народные легенды, приписывающие грекам (джелтам) строительство башен, позволяют предположить влияние этих народов (греков, генуэзцев и др.) на духовную жизнь ингушей. Однако достоверных подтверждений такого предположения пока нет.

Вопрос о том, когда и под чьим влиянием ингуши стали христианами, остается открытым, но предания, записанные разными авторами в разное время, свидетельствуют, что эту религию принесли на Кавказ европейцы.

Некоторые ученые XIX в. — В.Ф. Миллер, Г.А. Вертепов, а также современные — Е.И. Марковин, Е.И. Крупнов и др. — были склонны считать, что о прошлом бытовании христианства в Ингушетии свидетельствуют храмы Тхаба-Ерды и Алби-Ерды, а также «овеществленные пережитки христианства в виде изображений крестов на очагах, очажных цепях, утвари и хлебах; крестовая орнаментика на боевых башнях и склепах, использование восковых свечей при молебствиях, наконец, массовые моления под открытым небом, номенклатура некоторых культовых явлений и соответствующий словарный материал»³¹.

Большое влияние на христианизацию ингушей оказала Грузия, особенно в период царствования царицы Тамары, которая подчинила своему владычеству некоторые горские племена³². По ее повелению строились храмы, она посылала к различным племенам, населявшим Кавказ, священников для проповеднической деятельности. Позднее влияние Грузии то ослабевало, то усиливалось, но полностью не прекращалось. Активная деятельность на этом поприще велась грузинскими миссионерами и в XVIII в.

Из переписки Сената с Синодом следует, что значительных результатов достигли грузинские миссионеры в 1751 г., склонив к крещению до двух тысяч кистинцев (ингушей. — *М.А.*)³³. Из отчета за 1756 г. архимандрита Арсения, пытавшегося утвердить христианскую веру среди ингушей, следует, что им были крещены 35 человек. Год

³⁰ *Марков Е.* Кавказ в его прошлом и настоящем // Живописная Россия. СПб., 1883. Т. 9. С. XVI.

³¹ *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 128–129.

³² *Тусиков М.Л.* Ингушетия: экономический очерк. Владикавказ, 1926. С. 18–19.

³³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 442. Л. 8 об.

спустя правительствующий Сенат принял решение о крещении ингушей и принятии их в русское подданство³⁴.

Как сообщает П. Хуцинов, в 1764 г. Екатерина II обратилась с предложением к ингушскому и осетинскому народам принять крещение и переселиться на Моздокскую линию. Предложение было принято. В том же году для новообращенных в Моздоке была учреждена осетинская духовная школа, где обучались и ингушские дети. Для более успешного обращения горцев в христианство необходимы были священники из народа, которые стали бы проповедниками христианской религии в своих обществах³⁵.

В 1780 г. для проповеднической деятельности в Ингушетии были привлечены члены Осетинской духовной комиссии, которые лучше знали своих соседей и могли с большим успехом выполнять эту миссию. Однако число лиц, принявших христианскую веру от Осетинской комиссии в Киштинском уезде, составило всего 820 человек³⁶. Распространение христианства в Ингушетии шло из Свято-Троицкого монастыря близ Владикавказа и духовного центра в Моздоке, где обучались ингушские и осетинские дети.

Из извещения Святейшего Синода за 1818 г. следует, что «обращение горских народов» возлагается на архиепископа Астраханского, так как в его ведении находятся города Кизляр и Моздок, которые имеют постоянное сношение с горскими народами³⁷. Однако город Владикавказ был сохранен за Тифлисской комиссией, в ведении которой остались и ингуши. Из отчета экзарха Грузии преосвященного архиепископа Ионы: «С 10 мая 1820 г. по 1 января 1822 г. окрещено ингушев около редута Назрани в разных селениях с старшинами, восприявшими Святое крещение в Тифлисе, 113 душ; поблизости Владикавказа в селениях: Бекболат в 83 дымах 308 душ и остается тут недокрещенных 1 дым 64 душ; Байсагори в 19 дымах 66 душ, не докрещено в 4 дымах 24 душ; поблизости редута Ларского селения Гвелети в 24 дымах окрещено 181 душ»³⁸.

Миссионерская деятельность в Ингушетии не ограничивалась православными священниками. В 1765 г. проповеднической деятельностью среди ингушей по повелению Папы Римского занимались

³⁴ Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 396.

³⁵ Хуцинов П. О духовной осетинской школе в Моздоке // Кавказ. 1846. № 13.

³⁶ Русско-осетинские отношения. Т. 1. С. 391, 392.

³⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8809. Л. 12.

³⁸ Там же. Л. 13.

католические священники. Однако вскоре они были высланы кизлярским комендантом без права заниматься подобной деятельностью³⁹. В начале XIX в. пыталась развернуть свою деятельность Шотландская миссия, которая организовала в Назрани школу для ингушских детей, стремясь распространить между ними христианскую веру.

Материалы, касающиеся деятельности членов этой миссии, имеются в справке канцелярии обер-прокурора Синода. В ней сообщается, что до приезда в Ингушетию Г. Блая (член шотландской миссии на Кавказе) «учинено было покушение к крещению их (ингушей. — М.А.), но они вышли навстречу в полном вооружении и сказали, что готовы отражать силу силою, но не покоряться таким обрядам, коих причина им вовсе не известна»⁴⁰. Несмотря на первоначально столь негативное отношение местного населения к миссионерам и их деятельности, Г. Блай сумел в итоге снискать их уважение.

Изучив язык, Г. Блай перевел на ингушский язык молитву Господню и напечатал ее в Астрахани. Он намеревался переложить Священное писание на ингушский язык, чтобы облегчить его восприятие для «новокрещеных», не понимавших язык миссионеров. Устный перевод непонятных им слов не достигал цели, и миссионеры могли лишь научить горцев некоторым христианским обрядам. Но неожиданно Г. Блай был отозван из Назрани по приказу генерала А.П. Ермолова.

Причины, побудившие Ермолова к таким действиям, объясняются в его «отношении» на имя действительного тайного советника Ланского. В документе сообщается, что в 1821 г., во время встречи в Санкт-Петербурге с министром духовных дел и народного просвещения князем А.Н. Голицыным, было принято решение «не позволять иноверным миссионерам проповедовать христианскую религию в Назрани, и князь Александр Николаевич, соглашаясь совершенно с сим моим мнением, добавил, что таковые миссионеры допускаются только там, где нет миссий греко-российской церкви, к ингушам же были посланы священники наши от Святейшего Синода».

Далее А.П. Ермолов пишет о состоявшейся встрече с назрановскими старшинами, принявшими крещение, в ходе которой они просили разрешить им «обратиться опять к прежнему их закону, так как с перменою религии они потеряли уважение народа, явно сопротивля-

³⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8809. Л. 12.

⁴⁰ Там же. Л. 10.

ющегося введению христианства»⁴¹. Юлиус Клапрот, побывавший в Ингушетии в начале XIX в., писал, что ингуши больше придерживаются своих языческих обрядов и проявляют равнодушие и к исламу, и к христианству. Ими были восприняты лишь некоторые элементы христианской религии, такие как посты и почитание церквей⁴².

Из рапорта владикавказского коменданта полковника Широкого 1838 г. следует, что распространение христианской веры как в горной, так и в плоскостной части Ингушетии «находится на низшей ступени и в самом почти младенчестве»⁴³. Автор подчеркивал, что слабая подготовка грузинских миссионеров и незнание ингушами грузинского языка, на котором велась проповедническая деятельность, приводили к самым незначительным результатам. Это была главная причина неэффективности деятельности миссионеров, которая, несмотря на это обстоятельство, продолжалась.

Часто миссионеры в принудительном порядке обращали население в христианство. Бывали случаи, когда проповедников убивали⁴⁴. Об одном таком случае автор, подписавший свою заметку «Алдар», сообщал, что среди погибших был пристав Константинов, один священник и 8 тагаурцев, распространявших христианское учение между ингушами⁴⁵.

Как отмечал статс-секретарь М.П. Позен, обращение в христианство происходило больше на бумаге, чем на деле, так как «обращаемые, как и обращающие, руководствуются в своих действиях не душевным убеждением и ожиданием благ нетленных, а помыслами мирскими и видами скорейшего достижения благ земных»⁴⁶.

В 1842 г. к военному министру князю А.И. Чернышеву обратились 700 ингушей с просьбой перейти из христианства в магометанство. Просьба была удовлетворена, и принято решение «приостановить обращение в христианство ингушей и повелеть священникам не требовать от новообращенных строгого исправления правил церкви»⁴⁷. Несмотря на сложную обстановку и неоднозначное отношение к христианской религии, Осетинская духовная комиссия основала в На-

⁴¹ АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 478–479.

⁴² *Klaproth J. von. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unter Nommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle; Berlin, 1818. Bd. 1. S. 604.*

⁴³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 218. Л. 19–20.

⁴⁴ *Грабовский Н.Ф.* Указ. соч.

⁴⁵ *Алдар.* О сословных правах горцев // Новое обозрение. 1893. № 3230.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 292. Л. 3.

⁴⁷ ОР РНБ. АИ. № 59. Л. 28 об.

зрани в 1846 и 1850 гг. два ингушских прихода, где священниками были Г. Цамциев и А. Долмазов. Как видно из материалов ПФА РАН, Григорий Цамциев в период бытности священником в Назрановском приходе в 1846 г. составил небольшой разговорник, в котором приведены названия дней недели, времен года, счет денег, фразы разговорной речи и русско-ингушский словарь⁴⁸. Но спустя некоторое время, несмотря на основательную подготовку к миссионерской деятельности, эти священники объявили себя магометанами. Как и почему это произошло, остается только догадываться. Возможно, под влиянием местного населения или по личному убеждению⁴⁹.

Христианская проповедь среди ингушей не имела особого успеха. Даже те, кто принимал святое крещение, делали это не по внутреннему убеждению, а больше из-за корыстных соображений, так как вновь обращенным давалась ткань на рубаху, а также крест, образ и новое христианское имя⁵⁰. Как отмечает Х. Мугуев, знатым людям выдавали 20 руб. серебром и серебряный нательный крест, а бедным — только 50 коп. Многие крестились по 10—15 раз и снова возвращались к своим языческим богам и кумирам⁵¹.

В первой половине — середине XIX в. у ингушей ни одна религия не закрепилась настолько прочно, чтобы окончательно вытеснить все прежние верования, представлявшие собой смесь язычества, христианства и ислама. Обрядовые практики христианской религии наложили незначительный отпечаток на религиозные представления ингушей. Последние начали праздновать некоторые христианские праздники, но с явными элементами язычества.

Е. Вердеровский, писавший о народных праздниках христианского населения Кавказа, сообщал, что «осетины празднуют Новый год в один день с нами (русскими. — М.А.). Ингуши, кистины, галгаи — тремя днями ранее нас. Эти последние племена, хотя менее осетин могут быть причислены к христианскому населению Кавказа, однако в обычаях своих также сохранили заметные остатки христианства; так же, как и осетины, они празднуют Новый год, Троицу и день святого пророка Ильи»⁵².

⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 197.

⁴⁹ ТВ. 1891. № 42.

⁵⁰ Русско-осетинские отношения. Т. 1. С. 208.

⁵¹ Мугуев Х. Ингушетия: Очерки. М., 1931. С. 10.

⁵² Вердеровский Е. О народных праздниках и праздничных обыкновениях христианского населения за Кавказом и преимущественно в Тифлисе // Кавказ. 1855. № 2.

Н.Ф. Грабовский отмечал, что можно «между ингушами встретить двух-трех человек, исповедующих православную веру; но и эти люди, по весьма понятной причине, не особенно стараются о том, чтобы знали об их религии, которую они приняли под давлением каких-либо особенных, исключительных обстоятельств»⁵³. Даже в начале XX в. С. Максимов писал, что ингуши «до сих пор придерживаются языческих обрядов, среди которых приметны остатки древнего христианства»⁵⁴.

Вероятно, существование религиозного синкретизма можно объяснить тем, что едва только несколько поколений людей могло ознакомиться с новой религией, начать проникаться ее духовными основами, как новые войны загоняли те или иные группы людей в глухие ущелья, где их потомки, отрезанные от внешнего мира, теряли воспринятое их отцами или дедами вероучение, сохраняя лишь некоторые внешние его черты. Это обуславливало возвращение народа к древним верованиям, но уже с включением новых элементов⁵⁵. О христианских обрядах среди ингушей В.Ф. Миллер писал, что «они сохранились еще кое-где в захолустных местах в виде глухих и искаженных отголосков, исчезающих все более и более под влиянием мусульманского духовенства»⁵⁶.

Чиновники, составлявшие в 60–70-е гг. XIX в. описание округов Терской области, отмечали: «На пути от Джейраховского до Аргунского ущелья нередко приходится встречать остатки развалившихся церквей и часовен, ясно свидетельствующие, что в этой местности некогда существовало христианство... Можно положительно сказать, что христианство существовало у ингушей не как догматическое учение, а только как новый обряд; оно действовало, как видно, только на воображение народа внешностью богослужения, не касаясь нравственной стороны его жизни. Поэтому-то христианская вера не могла укорениться в среде ингушей, да и те обряды, которые они приняли от христиан, стали забываться»⁵⁷. Возможно, христианство так и не за-

⁵³ *Грабовский Н.Ф.* Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // ССКГ. 1870. Вып. III. С. 27–28.

⁵⁴ *Максимов С.* Русские горы и кавказские горцы // Край крещеного света. СПб., 1914. Вып. IV. С. 21.

⁵⁵ *Грабовский Н.Ф.* Экономический и домашний быт жителей Горского участка... С. 27–28.

⁵⁶ *Миллер В.Ф.* Указ. соч. С. 2.

⁵⁷ *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003. С. 329.

крепилось среди ингушей еще и потому, что в одно и то же время среди них велась миссионерская деятельность со стороны мусульманского духовенства Чечни, Дагестана и Кабарды.

Ислам в Ингушетии

Верующие ингуши принадлежат к двум суфийским орденам, или *тарикатам* (араб. дорога, путь — метод мистического познания Истины), — накшбандий и кадырий. Последние, в свою очередь, подразделяются на братства — *вирд*ы (его члены дают обет придерживаться пути, предложенного *шейхом*), которые различаются особенностями совершения обряда — *зикра* (радение) — и некоторыми ритуалами, разработанными основателями их религиозного направления — *устазами*.

На сегодняшний день нет точных данных о времени принятия ислама ингушами. До нашествия в 1395 г. Тамерлана ислам, видимо, не получил на Северном Кавказе широкого распространения. По данным М.Г. Джанашвили, кисты, гливги и дзурдзуки были христианами до нашествия Тамерлана, который, покорив их страну, обратил их в ислам и назначил мулл⁵⁸.

Сохранившиеся народные предания, данные топонимики, лингвистики, археологические раскопки позволяют предположить пребывание монголо-татар в плоскостных районах Ингушетии. Влияние Золотой Орды до конца XIII в. было сравнительно слабым. Лишь с приходом к власти хана Узбека (1312—1340 гг. правления) исламизация стала вестись более интенсивно⁵⁹. Так, современный исследователь В.Б. Виноградов считает, что ставка хана Узбека находилась в районе современных ингушских селений «Плиево и Карабулак, мавзолея Борга-Каш и на дороге к Ачалукам с их горькими источниками»⁶⁰.

Возможно, именно с хана Узбека начался мусульманский этап в истории ингушского народа. На это косвенно указывает уникаль-

⁵⁸ Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России. Тифлис, 1897. С. 51.

⁵⁹ Бабич И.Л. Этапы распространения ислама в Кабарде и Балкарии (XI—XX вв.) // Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003. С. 7.

⁶⁰ Виноградов В.Б. И слава пережила его. (Биография научного поиска) // Грозненский рабочий. 1966. 19 нояб. № 119.

ный памятник зодчества Борга-Каш, сохранившийся в современном ингушском селении Плиево. Считается, что он был построен в 1405–1406 гг. в честь Бек-Султана, сына Худайнада, — ордынского феодала, современника Тимура и Тохтамыша⁶¹. Данный мавзолей являлся местом паломничества различных народов Кавказа на протяжении многих веков. Об этом свидетельствовал Ф.С. Гребенец: «Тысячи паломников в начале XVIII столетия... ежедневно стекались к месту поклонения, прося заступничества угодников Божьих в посылке им дождя и в других случаях»⁶². Население воспринимало этот памятник как культовое сооружение, с чем были связаны различные совершавшиеся там обряды.

Определенное влияние на процесс исламизации ингушей оказали в XVI–XVII вв. кабардинские феодалы, контролировавшие равнины и предгорья значительной части Северного Кавказа. По данным А.И. Шавхелешвили, часть ингушей, переселившаяся на равнины в XVII в., приняла ислам, а жители села Ангушт были мусульманами-суннитами⁶³.

Несомненно, определенное влияние на исламизацию ингушей во второй половине XVIII в. оказала и деятельность шейха Мансура (*Ушурмы*), уроженца чеченского села Алды⁶⁴. Он объявил себя имамом, организовал восстание под лозунгом священной войны против власти иноверцев за возвращение к шариатскому равенству всех мусульман. Вокруг него объединились чеченцы, ингуши, дагестанцы, кабардинцы, а также часть осетин, живших в окрестностях Владикавказа; и происходило это при активной поддержке Турции⁶⁵. После нескольких побед Мансур в 1791 г. потерпел поражение от российских войск, был пленен и отправлен в Петербург, и в 1794 г. скончался в Шлиссельбургской крепости.

Вопрос о том, последователем какого шейха являлся Мансур, остается открытым, но тарикат накшбандий, которого он придерживался, видимо, впервые распространился в Ингушетии именно под его влиянием.

⁶¹ Кодзоев Н.Д. Магас: по археологическим и письменным источникам. Магас, 2003. С. 85.

⁶² Гребенец Ф.С. Борга-Каш. (Могила Борган-Хана) // ТВ. 1913. № 223.

⁶³ Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 128.

⁶⁴ Шерипов З. О тех, кого называли абреками. Грозный, 1927. С. 154.

⁶⁵ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997. С. 259.

Приверженцы тариката накшбандий практикуют тихий зикр, выражающийся в чтении священных текстов. Бахааддин Накшбанд говорил: «Уединение в обществе, странствие на родине; внешне с людьми, внутренне с богом»⁶⁶.

Значительную роль в укоренении накшбандийского тариката в Ингушетии сыграл имам Дагестана и Чечни Шамиль. В период Кавказской войны этот тарикат стал официальной идеологией созданного им государства (имамата). Ингушские общества карабулаков и галашевцев, в свое время не признавшие имамом шейха Мансура, стали последователями этого учения, хотя и не входили в состав указанного государства. Материалы об этом имеются в рапорте генерал-майора И.К. Ивелича к генералу А.П. Тормасову, в котором сообщается, что часть населения Ингушетии, недовольная предпринимаемыми властями насильственными мерами по их христианизации, предпочла принять ислам. В это время в некоторых селениях, расположенных вдоль реки Сунжи, стали строить мечети, мужчины начали отращивать бороды и делать мальчикам обрезание⁶⁷. В донесении к военному министру А.И. Чернышеву от 1830 г. сообщалось, что «вера их — смесь христианства с идолопоклонством, но тагаурские старшины и почетные ингуши почти все исповедуют мухамеданскую веру омаровой секты»⁶⁸, которую, однако, не строго соблюдают»⁶⁹.

В рапорте от 31 января 1821 г. владикавказского коменданта полковника Скворцова генерал-лейтенанту А.А. Вельяминову сообщалось о нежелании ингушей принимать христианство и о том, что часть населения выразила протест против насильственного обращения их в христианскую веру. Это вызвало гнев со стороны администрации, которая ультимативно объявила назрановцам, что такие действия приведут к насильственному переселению их на прежнее место жительства. Назрановцы ответили, что «у них ни мулл, ни мечетей не имеется, а хотя в некоторых семействах по человеку и по два только производят богомоление по обряду мухаммеданскому, но не есть совершенные мусульмане, и если изгнать оных, то каждое семейство лишится отца, брата или сына, да и прочие, будучи связаны родством, будут принуж-

⁶⁶ *Тираспольский Л.* Можно ли понять, что такое суфизм? // Наука и религия. 1996. № 6. С. 48.

⁶⁷ АКАК. Т. 4. С. 891.

⁶⁸ «Омаровой сектой» именовались сунниты.

⁶⁹ АКАК. Т. 7. С. 370.

дены последовать за ними или принять общую участь вместе с помянутыми мухаммеданами»⁷⁰.

В это время на территории Ингушетии можно было встретить как язычника, так мусульманина и христианина; нередко были случаи, что в одной семье оказывались представители разных религий. Это приводило к расколу общества, население находилось в замешательстве. В итоге назревавший многие годы конфликт в обществе произошел. В рапорте полковника Широкого барону Г.В. Розену сообщалось, что 30 апреля 1836 г. в Назрань были введены войска для усмирения конфликтующих сторон. Виновные в беспорядках были арестованы, часть их отправили в Анапу на крепостные работы сроком на два года, а других — солдатами в финляндские линейные батальоны. Трех, признанных менее виновными, оставили во Владикавказе на крепостных работах сроком на два месяца⁷¹. Однако подобные меры не привели к кардинальным изменениям в обществе, так как миссионерская работа активно велась всеми заинтересованными сторонами.

Как следует из краткого очерка боевых действий имамов Дагестана, который хранится в фонде Н.Ф. Дубровина в ПФА РАН, Шамиль не оставлял надежды обратить всех ингушей в ислам, ведь на его стороне уже воевали карабулаки, первыми из этнических групп ингушского народа принявшие ислам. В конце 1840 г. он совершил нападение на Назрань и по пути сжег несколько селений «непокорных». Однако ингуши оказали ему сопротивление, и имам отступил в «пределы, для него более дружественные»⁷². Назрановское общество в своем прошении на имя военного министра А.И. Чернышева от 24 июля 1842 г. сообщало, что Шамиль разорил их жилища, уничтожил хлеб и «направил на нас друзей и родных наших карабулаков»⁷³. И. Бларамберг в 1832 г. писал, что большая часть ингушского племени карабулаков была мусульманами, а остальные еще придерживались старой веры, в которой сохранились остатки христианства⁷⁴.

В середине XIX в. влияние ислама среди ингушей усилилось. Как отмечал Н.Н. Харузин, «многие языческие обряды, некогда священные, теперь возбуждают смех у молодежи, так что истинных мусуль-

⁷⁰ АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 405–406.

⁷¹ Там же. Т. 8. С. 710; РГИА. Ф. 1268. Оп.1. Д. 292. Л. 4.

⁷² ПФА РАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 11.

⁷³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 292. Л. 4–4 об.

⁷⁴ Бларамберг И. Указ. соч. С. 218–219, 222.

ман, пожалуй, легче встретить между молодым поколением, чем среди стариков»⁷⁵. В этот сложный для местного общества период на арене политических событий появился Кунта-Хаджи Кишиев, который сумел обратить в ислам часть ингушей, еще находившуюся в некоем замешательстве относительно своих религиозных убеждений.

Об этом периоде Ч. Ахриев писал так: «Большая часть ингушских аулов представляла интересное зрелище: жители всех возрастов толпами бродили по улицам и из одного аула в другой или составляли отдельные кучки около порогов кунацких (сакли для гостей. — М.А.). Вместо обычной болтовни раздавались громкие молитвенные припевы: “Ля-илляха-илляла!” Давались взаимные обеты проводить время в мире и согласии, вообще жить по-братски, молиться и думать только о дне страшного Божьего суда. Каждый ингуш имел в руках четки, которые и перебирал с благочестивым вздохом и набожными возгласами. Перебирание четок, как известно, считается между правоверными богоугодным занятием»⁷⁶. Так в Ингушетию пришло новое исламское учение, имевшее характерные отличия в обрядовой практике. Это был кадырский тарикат, практикующий громкий зикр, которого придерживался Кунта-Хаджи.

Об этом тарикате подробно рассказывается в статье А. Ипполитова, который дал определение понятию «зикр», показал его идейные истоки и его влияние на ингушское и чеченское общества⁷⁷. Г.А. Вертепова приводит интересные сведения относительно сложившегося в народе культа Кунта-Хаджи, в соответствии с которым он считается «одним из 356 святых, постоянно существующих на Земле». По убеждениям мусульман, этим святым приписывался дар творить чудеса, исцелять больных, а также способность переноситься с одного места на другое и ежедневно невидимо присутствовать в Мекке во время совершения намаза и др.⁷⁸ Здесь же можно упомянуть информацию, сообщенную Ф.И. Леонтовичем, который писал, что в 1860 г. ингуши, подозреваемые в совершении каких-либо преступлений, давали очистительную присягу на Коране в присутствии духовных лиц⁷⁹.

⁷⁵ Харузин Н.Н. По горам Кавказа // Вестник Европы. 1888. С. 516.

⁷⁶ Ахриев Ч. О характере ингушей // ТВ. 1871. № 31.

⁷⁷ Ипполитов А.И. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 4.

⁷⁸ Вертепов Г.А. Сектантство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. 1914. № 2. С. 79.

⁷⁹ Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 37.

По сообщению А. Висковатова, последними среди ингушей приняли ислам в 1862 г. жители горного селения Гвилети⁸⁰. Однако и позднее они частично придерживались своей прежней религии — приносили жертвоприношения Махкинан, прося ее не делать зла своим родным и близким, а также скоту. При этом они пять раз в день совершали намаз и считали себя мусульманами⁸¹.

Распространение и утверждение среди ингушей ислама вызвало беспокойство властей, так как еще свежи были воспоминания о Кавказской войне, происходившей под религиозными лозунгами. В итоге активная деятельность последователей кадырийского тариката привела к аресту и ссылке его главы Кунта-Хаджи.

Х. Ошаев сообщает, что приверженцы Кунта-Хаджи после его ареста образовали 4 новых братства; их основателями стали чеченцы Бамат-Гирей Митаев, Чин-Мирза, Ягулбий-Хаджи и ингуш шейх Батыл-Хаджи Белхароев. Идеологи этих братств внесли некоторые изменения в учение Кунта-Хаджи. Далее автор — активный деятель революции и советского строительства в Чечне — сообщает, что секты «накшбанди» объединяли «кулацко-купеческую» и зажиточную верхушку населения, тогда как секта «кадириев» состояла из бедняков и середняков⁸². На сегодняшний день кадирия на Северо-Восточном Кавказе представлены братствами: Батыл-хаджи Белхароев, Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Чим-Мирза Таумерзаев, Мани-шейх Назиров, Хусен-Хаджи Гарданов и Висхаджи Загиев.

Арест и ссылка шейха Кунта-Хаджи спровоцировали разочарование в существовавших политических порядках среди верующих, и этим воспользовались власти. Как сообщал в 1857 г. генерал Г.Д. Орбелиани, «по требованию военных обстоятельств из земель, указанных туземцам, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления, и раз поселенных на новых местах по требованию этих обстоятельств снова переселяли и иногда по несколько раз с места на место, но при этом новом переселении земли указывали туземцам только в примерном количестве и для временного пользования. <...> Этой недостаточной обеспеченностью прав на землю следует объяснить ту быстроту и легкость, с которой целые аулы, а иногда и целые общества бросали указанные им земли и убегали в горы, чтобы усилить число враждовавших с нами, а в последнее время — чтобы

⁸⁰ Висковатов А. С Казбека // Русский вестник. 1865. Т. 12. С. 419.

⁸¹ К-нь Вл. Под Казбеком // Кавказский вестник. 1900. № 10. С. 34.

⁸² Ошаев Х. Мюридизм в Чечне // Революция и горец. 1930. № 9–10. С. 53.

выселяться в Турцию. Легковерие, фанатизм и ненависть к победителям играли роль второстепенную в этих явлениях»⁸³.

В 1865 г. под предлогом паломничества в Мекку около 3—5 тыс. ингушей переселились в Турцию. Документы, связанные с этими событиями, опубликованы Г.А. Дзагуровым⁸⁴.

В этот сложный исторический период на религиозно-политической арене Чечни появился шейх Дени Арсанов (1851—1917) — уроженец селения Зебир-Юрт. Получив право на распространение тариката накшбандийа от Элаха-муллы⁸⁵, он до самой гибели в 1917 г. вел активную пропаганду идей накшбандийского тариката в Чечне, Ингушетии, Осетии.

В Ингушетии позиции ислама постепенно укреплялись, во многих населенных пунктах стали строиться мечети и при них духовные школы. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1891 г., в Ингушетии насчитывалось 55 действующих мечетей. Преимущественно они имелись в плоскостной ее части и почти отсутствовали в горной. Самое большое число мечетей было в селении Базоркинском (ныне — село Чермен Пригородного района Республики Северная Осетия — Алания), где насчитывалось 9 квартальных и 1 соборная мечеть. В этом же источнике приведен список населенных пунктов, в которых имелись туземные школы: Барсуковское, Плиевское, Яндырское, Экажевское, Насыр-Корт, Альти-Гамурзиевское. В больших селениях, таких как Сурхохи и Средний Ачалук, имелось несколько школ⁸⁶. Несмотря на то что в этот период все население Ингушетии официально значилось мусульманами, в листах переписи в графе «Вероисповедание» встречаются православные и язычники.

С принятием ислама в народе еще сохранились остатки прежних верований, ингуши поклонялись некоторым духам, от которых зависело их благополучие и успех в делах. Даже при строительстве Девдоракской тропы в конце XIX в., как отмечает анонимный автор Вл. К-нь, ингуши, прежде чем начать работу, приносили жертву гор-

⁸³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Св. 869. Д. 4. Л. 34.

⁸⁴ Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Ростов н/Д, 1925. С. 64.

⁸⁵ Элах-мулла принадлежал к аксайской ветви накшбандия, которая восходит к аварскому шейху Абдурахману ас-Сугури из Согратля, получившего иснаду (разрешение) на распространение тариката накшбандия от самого Джамал-Эддина Казикумухского, учителя и тестя Шамиля.

⁸⁶ РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2390.

ной «фее» Махкинан, которая, по их представлениям, обитала на вершине горы Казбек, дабы умиловить ее⁸⁷. Подобные свидетельства об остатках прежних верований имеются и в цитированной выше работе С. Максимова, написанной в начале XX в.⁸⁸

Б. Шатихин пишет, что в период засухи устраивались всеобщие молебны и приносились в жертву животные. Несколько дворов (от 3 до 7) покупали быка, корову или буйвола, животное вели к мечети, «тут на открытом месте поют молитвы о прощении им грехов, принятии с них жертвы и послания им дождя, потом обходят процессией, с муллою во главе, три раза вокруг селения, распевая все хором молитвы и воззвания, подымая руки кверху и ведя в руках обреченных в жертву животных, после чего идут на воду, убивают там животных и раздают куски бедным»⁸⁹.

Сложные социально-экономические условия и постоянная борьба властей с тарикатами порождали в народе все большее число людей, недовольных существующим строем. Появилось абречество, с которым местные органы власти вели активную борьбу. Однако подобные методы не давали ощутимых результатов. Так, преследование абрека Зелимхана⁹⁰ продолжалось на протяжении 12 лет. Духовенству и местному населению было предложено найти и выдать абрека. Но в предписанные сроки это не было исполнено. За ослушание, как сообщал главнокомандующий войсками Кавказского военного округа, были сосланы в Тульскую губернию сроком на пять лет вместе со своими семьями наиболее влиятельные шейхи Чечни и Ингушетии⁹¹. В процессе наказания ингушей были приняты бесчеловечные меры:

- 1) жителей селений Нелх и Кек общей численностью 49 семей в количестве 300 человек выслали в Восточную Сибирь сроком на 5 лет;
- 2) хутора, расположенные вдоль Ассиновского ущелья, уничтожили;
- 3) взыскали штраф в размере 20 700 руб. на вознаграждение семей убитых и раненых военных;

⁸⁷ К-нь Вл. Указ. соч. С. 154.

⁸⁸ Максимов С. Русские горы и кавказские горцы // Край крещеного света. СПб., 1914. Вып. IV. С. 21.

⁸⁹ Шатихин Б. Из селения Сагопш // ТВ. 1890. № 55.

⁹⁰ Зелимхан Гошмазукаев — известный чеченский абрек.

⁹¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 39. Л. 33 об.

4) общество Назрановского округа лишили права выбора старшин⁹².

Обеспокоенные сложившейся ситуацией жители 21 селения Ассиновского ущелья составили «приговор» ингушского общества, в котором, как сообщает А. Яблонский, они обязались оказать помощь в поимке абрека и даже выделить премию за его поимку. С этими предложениями они обратились к генералу Михееву, но он даже не выслушал делегацию⁹³. Материалы по этому делу были полностью опубликованы в № 96–98 газеты «Терские ведомости» за 1907 г. Все объявленные меры наказания были приведены в исполнение. Народ претерпевал не только физические, но и моральные лишения, так как ссылкам подвергались его духовные лидеры. В ноябре 1911 г. были репрессированы и высланы из Чечни и Ингушетии представители высшего духовенства Сугаип Гайсумов, Бамат-Гирей Митаев, Абдул-Азиз Шаптукаев, Батил-Хаджи Белхороев, Кана-Хаджи, Чиммирза, мулла Магома⁹⁴.

В 1915 г. начальник Терской области в своем докладе сообщал, что «предоставленные сами себе магометане поневоле черпают понятия о религиозных истинах во время ежегодного паломничества в Мекку»⁹⁵. Такая ситуация сложилась из-за попустительства местных властей. Но чтобы исправить существующее положение дел, в 1915 г. было принято решение об учреждении во Владикавказе Богословско-педагогических курсов для подготовки духовных лиц. Местные власти попытались таким образом вести грамотную духовно-просветительскую работу среди местного населения. Ингуши с нескрываемым воодушевлением приняли это предложение.

В революционный период ингуши встали на защиту советской власти. Пропаганда большевиков, что коммунизм и шариат совместимы, определила выбор народа. Ингуши оказали ожесточенное сопротивление армии Деникина, которая разгромила и сожгла ингушские села Долаково, Кантышево, Базоркино, Сурхохи. В этих сражениях участвовали не только рядовые ингуши, но и очень авторитетные муллы, такие как Тарко-Хаджи⁹⁶.

⁹² РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 39. Л. 9.

⁹³ Яблонский А. Ответственность невинных // Родные картинки. М., 1912. Т. 2.

⁹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3923. Л. 28–29.

⁹⁵ ЦГА РСО–Алания. Ф. 11. Оп. 15. Д. 20. Л. 86 об.

⁹⁶ Мугуев Х. Ингушетия: Очерки. М., 1931. С. 119.

Однако в середине 1920-х гг., несмотря на то что большинство населения и даже духовенство Ингушетии поддержало советскую власть, борьба с тарикатами усилилась. Парторганизации республики вели активную борьбу с «религиозными предрассудками»⁹⁷. «Под школы использовались частновладельческие помещения, а в некоторых аулах школы открывались при мечетях, где ранее существовали мусульманские школы. Так, например, в 1920 г. в селении Яндырка Назрановского района двухклассная школа была открыта в здании мечети, а в Барсуках этого же района — на территории мечети и мусульманской школы»⁹⁸.

К. Бутев писал об этом периоде, что значительная часть населения поддерживает духовенство, «есть здесь и хаджи, и влиятельные муллы, но мюридизм не настолько развит, чтобы целиком влиять на судьбу Ингушетии»⁹⁹.

§ 2. ОБРАЗОВАНИЕ

Материалы письменных источников первой половины XIX в. свидетельствуют, что в Ингушетии, как, впрочем, и в других районах Северного Кавказа, не было светских школ. Почти все население Ингушетии было неграмотным. Впервые «предложение» к ингушам об организации школ поступило от императрицы Екатерины Великой в 1764 г. Ингушам, как и осетинам, было предложено принять христианскую религию и переселиться на Моздокскую линию. Осетины и ингуши с великою радостью приняли полковника Гака, а ингуши, более того, просили бывшего с Гаком проповедника архимандрита Пахомия, «чтобы он взял на свои руки детей их для обучения грамоте и закону». Это послужило основанием к учреждению в Моздоке Духовной осетинской школы, в которой обучались не только осетинские и ингушские дети, но и дети других народов Кавказа¹⁰⁰. Целью данного учебного заведения было «поставлять в священники и к церквам новообращенных христиан и посылать их проповедниками»¹⁰¹. Как

⁹⁷ *Мартиросиан Г.К.* Нагорная Ингушетия. Владикавказ, 1928. С. 59.

⁹⁸ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. С древнейших времен до наших дней. Грозный, 1972. Т. 2: 1917–1970. С. 118.

⁹⁹ *Бутаев К.* Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // Жизнь национальностей. М., 1923. Кн. 2. С. 30.

¹⁰⁰ *Хицунов П.* Указ. соч.

¹⁰¹ Там же.

сообщает П.Г. Бутков, школа находилась в тяжелом экономическом положении, а ее ученики, «не имея ни обуви, ни рубах по причине отбирания у них жалования отцами их и родственниками во время их в Моздок приездов»¹⁰², лишали детей возможности нормально учиться и существовать.

Школа функционировала с 1771 по 1793 г., с ее закрытием прекратила работу и Моздокская духовная комиссия¹⁰³.

Сведения об открытии школы непосредственно в Ингушетии имеются в материалах Эдинбургского миссионерского общества. В 1802 г. с разрешения Александра I между Железноводском и Пятигорском¹⁰⁴, возле абазинского аула Каррас, была учреждена миссия Эдинбургского миссионерского общества, получившая разрешение на деятельность в Средней Азии, Крыму и на Кавказе. Одним из членов Шотландской миссии, занимавшимся проповеднической деятельностью среди населения галгаевского общества, Г. Блаем, была открыта в 1821 г. школа для ингушей, проживавших в местечке Назрань¹⁰⁵. Местное население восприняло это предложение с большим энтузиазмом, многие приходили и предлагали помощь в строительстве школы и радовались выпавшей на долю их детей возможности учиться¹⁰⁶. Детей предполагалось обучать русскому и ингушскому языкам и другим «предметам полезных познаний», имея в виду их образование и «внушение Евангельского учения»¹⁰⁷. Однако генерал А.П. Ермолов, узнав о его намерениях, закрыл школу и выслал Г. Блая из Ингушетии снова в Каррас.

После закрытия этой школы более 40 лет на территории Ингушского округа не было школ.

Начальник Терской области в письме к начальнику Кавказского горского управления от 15 ноября 1866 г. сообщал о назревшей необходимости строительства школ: «Жители Ингушевского (Ингушского. — М.А.) округа постоянно обращаются с просьбами об определении своих детей в учебные заведения, к сожалению, удовлетворение подобных просьб оказывается совершенно неисполнимым вследствие

¹⁰² Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Т. I. С. 440.

¹⁰³ ОР РНБ. 1842. А1. № 59. Л. 8.

¹⁰⁴ Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 153.

¹⁰⁵ Празднование столетия в колонии Карасс // ТВ. 1906. № 153.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8809. Л. 8.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8809. Л. 8 об.

недостатка вакансий во Владикавказской горской школе, в которую до сих пор по мере возможности зачислялись дети жителей названного округа»¹⁰⁸.

Бывший в то время начальником округа подполковник А. Нурид в конце 1864 г. ходатайствовал перед высшим начальством о постройке школы в Назрани. В конце 1865 г. при вступлении в управление округом подполковника Д.С. Морозова народ высказал настоятельную просьбу об устройстве училища в Назрани. Местное население со своей стороны предложило для постройки школы посильную помощь, заключающуюся в поставке леса, песка, камня и глины и в бесплатной перевозке фабричных материалов. При таком значительном пожертвовании оказалось необходимым отпустить только деньги на наем мастеровых и на покупку фабричных материалов, всего около 6 тыс. руб.: из них 3 тыс. — от казны, а 3 тыс. — из общественной суммы. После получения разрешения на постройку местное население немедленно преступило к заготовке материалов, распределив их между жителями окрестных селений. За полмесяца были заготовлены все материалы: до 2 т бревен, 600 возов камня, 700 возов песка, 300 возов щебня и 40 возов турлука; кроме этого, до 600 подвод назначалось для перевозки фабричных материалов. Местная «интеллигенция» в лице майора Базоркина, ротмистра Заурбека Мальсагова и юнкера Муртуза Зортова наблюдала за заготовлением и приемом сырых и закупкой фабричных материалов. Ни один из аулов не отказался от участия в общественных работах, а, напротив, каждый старался поскорее выполнить данное обещание, несмотря на страшные затруднения, с которыми вывозился лес из горных трущоб, нередко за 50 верст. По окончании постройки зданий предстояло сообразно с участием в работе каждого аула методом жеребьевки выбрать 60 учеников из 200 желающих¹⁰⁹.

Так, в Терской области в местечке Назрань 14 февраля 1868 г. было открыто первое училище, состоявшее из четырех капитальных зданий, обнесенных забором, и представлявшее собой как бы отдельное укрепление. «Тут же отдельно стояли мальчики, выбранные в школу, со своими отцами. Дети все были одеты в свои национальные костюмы весьма хорошо, и даже бедные горцы не уступали в одежде жителям плоскости»¹¹⁰. Показательно, что многие учащиеся приходили

¹⁰⁸ ЦГА РСО—Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 483. Л. 33.

¹⁰⁹ Открытие Назрановского 2-классного училища // ТВ. 1868. № 9.

¹¹⁰ Там же.

в школу из разных аулов — ближних и дальних (так, один ученик ежедневно преодолевал путь в 10 верст). И. Стоянов пишет, что из 72 мальчиков, поступивших в училище, 67 не говорили и не понимали ни одного русского слова, следовательно, обучение давалось им с большим трудом. Однако процесс обучения строился не только на обучении грамоте. Каждый день один урок предназначался для занятий различными ремеслами: плотничьим, токарным, столярным, бондарным и колесным, а весной и осенью дети занимались садоводством, огородничеством и полеводством¹¹¹. В сведениях об учебных заведениях Терской области отмечается, что для формирования навыков передового для своего времени ведения сельскохозяйственных работ в Ингушском округе близ поста Камбелеевского в декабре 1869 г. была открыта Практическая земледельческая школа. Правительство на содержание каждого ученика ежегодно отпускало 50 руб.¹¹²

Таким образом, ингуши получили возможность получать образование и приобретать необходимые навыки ведения хозяйства.

Активная позиция ингушского общества в деле просвещения своих членов прослеживается и в материалах дела о пожертвовании сельскими обществами средств на содержание Назрановской горской школы. Из этого документа следует, что в 1867 г. собрание доверенных от 22 обществ постановило ежегодно вносить на указанные цели по 15 коп. с дыма Нагорных обществ и по 25 коп. с дыма 18 плоскостных обществ, что составило 1800 руб. в год. Эти деньги должны были использоваться на дополнительное содержание Назрановской горской школы, по преобразованию ее в двухклассное начальное училище Министерства народного просвещения с пансионом¹¹³. При организации подобного учебного заведения местная администрация столкнулась с рядом трудностей, связанных как с образовательным процессом, так и с его финансированием. Для более эффективной работы школы на заседании Государственного совета от 22 декабря 1870 г. было решено, начиная с 1871 г., перечислять из государственных средств определенную сумму на счет Назрановской начальной

¹¹¹ Стоянов И. Отчет о состоянии Назрановской начальной школы // ТВ. 1869. № 16.

¹¹² Сведения об учебных заведениях Терской области. Ингушский округ // ТВ. 1870. № 39.

¹¹³ РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 147. С. 24—24 об.

горской школы¹¹⁴, что улучшило положение школы, до этого функционировавшей на средства местных обществ. Среди учителей Назрановской горской школы были преподаватели-ингуши: Э. Саутиев, Б. Зязиков и Минга-Хаджи Альтемиров, преподававший мусульманский закон (труд этого учителя в 1882 г. был отмечен серебряной медалью¹¹⁵). П.И. Симонов отмечал, что программа по «Закону Божьему», составленная муллой М.-Х. Альтемировым на арабском языке, была переведена им же на русский язык¹¹⁶ для более глубокого понимания «Закона Божьего». И. Пантюхов писал, что «при школе образован, и весьма стройный, хор певчих». Этот же автор отмечал, что «ингуши — любознательный, бойкий и умный народ, они более, чем какая-либо другая российская магометанская народность, рвутся к просвещению»¹¹⁷.

Назрановская горская школа на выставке предметов сельского хозяйства и промышленности, проходившей в Тифлисе в 1889 г., получила бронзовую медаль за столярные работы¹¹⁸, а на Первой терской сельскохозяйственной выставке — призовые места по пчеловодству, шелководству и огородничеству¹¹⁹.

Из горской школы ежегодно переводились 2 или 3 ученика в другие учебные заведения для получения дальнейшего образования. Тем самым увеличивался общий процент молодых людей, которым открывалась возможность получить полноценное образование. Некоторым из них посчастливилось продолжать обучение в Ставропольской гимназии, «где были три казеннокоштных вакансии для Терской области, из которых одна отдавалась дагестанцам». Выпускниками гимназии стали Адель-Гирей Долгиев, Чах Эльмурзиевич Ахриев и др.¹²⁰ Многие ингуши смогли получить высшее образование не только в России, но и за ее пределами благодаря своим знаниям и поддержке местного общества, выражавшейся в выделении средств на проезд к месту учебы. Об этом свидетельствуют материалы из личных дел студентов. Так, в Санкт-Петербургском институте путей сообщения

¹¹⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 15. Д. 94. Л. 9.

¹¹⁵ ЦГА РСО—Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 483. Л. 35.

¹¹⁶ Там же. Л. 36.

¹¹⁷ *Пантюхов И.* Ингуши // ИКО ИРГО. Тифлис, 1900. Вып. XIII. С. 76.

¹¹⁸ Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в 1889 г. Тифлис, 1889. С. 37.

¹¹⁹ Каталог I Терской сельскохозяйственной выставки // ТВ. 1898. № 115.

¹²⁰ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. С. 293.

обучались Хосбот Османович Ужахов¹²¹, Темир-Булат Бадзиевич Дахкильгов¹²². В Санкт-Петербургском университете — А.-Г. Долгиев¹²³, Ассадулла Темуркович Ахриев¹²⁴ и др. Получив образование, они вернулись в Ингушетию, пополнили ряды местной интеллигенции и работали по полученной специальности.

Материалы периодической печати свидетельствуют о том, что активную помощь в просветительской деятельности принимала ингушская интеллигенция в лице Х. Астемирова, И. Бекбузарова, Х. Келематова, Т. Мисостова и др., которые являлись членами Владикавказского общества вспомоществования учащимся¹²⁵. В материалах распорядительного комитета данного общества в числе учащихся, за обучение которых была внесена плата, значится Нальгиев Эльберд, он обучался в реальном училище¹²⁶.

А.-Г. Долгиев писал, что многие ингуши осознают необходимость знания русского языка и грамоты, что только через образованных и грамотных людей можно будет «изменить твердо укоренившиеся понятия и обычаи предков и что труд этот лежит на их потомках»¹²⁷.

Из статьи «Публичный акт в Назрановской горской школе» явствует, что ингушское общество всесторонне поддерживало администрацию школы и самих учащихся. На празднике в честь окончания учебного года в 1881 г. присутствовали помощники начальника Владикавказского округа И.П. Попов, М.С. Лаханин, участковый пристав С.К. Венеровский, воинский начальник С.А. Чекальский, старейшины, почетные лица из окрестных селений, а также родители и учащиеся. Открытие этого мероприятия началось с молитвы кадия и награждения лучших учеников похвальными листами, книгами и различными подарками. В заключение было высказано пожелание «видеть такие же успешные результаты школьного обучения» и всестороннюю помощь со стороны местного населения в деле школьного образования¹²⁸.

¹²¹ ЦГА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 598. Л. 119.

¹²² Там же. Ф. 381. Оп. 1. Д. 598. Л. 26, 27 об.

¹²³ *Шилов А.А., Карнаухов М.Г.* Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: в 5 т. М., 1928. Т. I. Ч. 2. С. 317.

¹²⁴ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. С. 296.

¹²⁵ Местные известия // ТВ. 1880. № 11.

¹²⁶ ТВ. 1882. № 11.

¹²⁷ *Долгиев А.-Г.* Несколько слов о Назрановской горской школе // ТВ. 1870. № 7.

¹²⁸ Публичный акт в Назрановской горской школе // ТВ. 1881. № 26; Новое обозрение. 1897. № 1730.

М.Г. Котиев сообщает, что «в настоящее время ингуши, представив народные приговоры, ходатайствуют о преобразовании Назрановской горской школы в шестиклассное городское училище. Эти факты свидетельствуют о том, с каким рвением, любовью и жадой они относятся к школе как к единственному рассаднику просвещения»¹²⁹.

С 1883 г. в городе Владикавказе стало функционировать Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области. Главным источником доходов Общества являлись средства, поступающие от проведения народных гуляний, вечеров, лотерей, а также финансовая поддержка горской интеллигенции. Активными членами этого общества были ингуши: Ибрагим Базоркин, Пипе Базоркина, Саид Дарсигов, Гака Ужахов, Ибрагим Ужахов, Саадула Ужахов, Юнус Парчиев, Кони Алмазов, Бек-Султан Алмазов, Исса Парчиев, Изберт Оздоев, Сосланбек Долаков, Исмаил Долаков, Зубаир Ужахов, Фатима Джамбулатовна Базоркина, Магомед Джабагиев и др., которые помогали деньгами, вещами и личным трудом¹³⁰.

Н. Тульчинский, специально изучавший положение ингушей среди других горских народов Терской области, подчеркивал необходимость строительства школ, так как на 48 тыс. ингушей приходилось только одна школа¹³¹. Ингушская общественность стремилась и собственными силами решать этот сложный вопрос. Она собирала средства на строительство школ, обращалась с ходатайствами в государственные инстанции, в свою очередь, аульные общества принимали соответствующие решения.

В ингушской среде интерес к получению молодежью светского образования постоянно возрастал, и Закон «О введении всеобщего начального образования в России», принятый 3 мая 1908 г., полностью соответствовал чаяниям ингушей. Этот факт отмечен в отчете директора народных училищ Терской области Г. Грушевского. До 1910 г. в Назрановском округе существовала только одна школа. В 1910 г. открылись два начальных училища — Привольненское и Насыр-Кортское. Желавших поступить в последнее училище было очень много — 200 человек, при возможности разместить во временном помещении

¹²⁹ ТВ. 1911. № 73.

¹³⁰ Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области // ТВ. 1910. № 44, 45.

¹³¹ Тульчинский Н. К вопросу о положении ингушей среди горцев Терской области // ТВ. 1902. № 35.

не более 45–50 учащихся. До конца 1911 г. было открыто еще 9 начальных училищ, все во временных помещениях. При их открытии повторилась ситуация, имевшая место в Насыр-Корте, то есть приходилось принимать детей по жребию. Таким образом, в 1910-х гг. на 53 тыс. человек ингушского населения Назрановского округа приходилось 11 школ, в которых обучалось 522 мальчика и 8 девочек. Соответственно, одна школа приходилась на 4,4 тыс. населения, или на 1000 душ населения 10 учащихся. В дирекцию поступили «приговоры» об открытии училищ еще от пяти ингушских селений¹³².

Из вышеизложенного документа следует, что для открытия школы необходимым условием был «приговор» от общества, в котором жители селения должны были указать объем материальных средств, какие они в состоянии были выделить.

Согласно архивным материалам, такие «приговоры» поступили из большинства населенных пунктов плоскостной части Ингушетии¹³³.

В Российской империи выделялись ассигнования из казны, которые преимущественно направлялись в районы с «инородческим» населением. За счет этих средств были построены 22 школы в кабардинских селениях, 17 школ в осетинских, 15 школ в ингушских и 35 школ в чеченских селениях¹³⁴. Осознание необходимости образования, как писал в 1897 г. корреспондент газеты «Терские ведомости», росло с каждым днем не только на плоскости, но и в горной части Ингушетии. Так, писарь Джейраховского общества по собственной инициативе в свободное от работы время обучал детей разговорному русскому языку, грамоте и письму¹³⁵.

В селении Назрань Назрановского округа Терской области 28 марта 1915 г. на совещании заведующих низшими начальными училищами и сельских старшин было принято решение о строительстве низших начальных училищ с целью скорейшего обучения всех мальчиков и девочек 8–11 летнего возраста.

Для этой цели из казны было выдано 1500 руб. на возведение деревянного строения и 2000 руб. на каменное здание, сроком до 2 лет. Сельские общества, в свою очередь, должны были на эти средства построить здания школы. Для каждого училища избирался сроком на 5 лет «почетный блюститель», в обязанности которого входило учас-

¹³² ЦГА РСО–Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 515. Л. 90 об.

¹³³ Там же. Д. 483. Л. 1–6 об.

¹³⁴ Грамотность в ТО // ТВ. 1914. № 130, 132.

¹³⁵ Г.М.З. Местные известия // ТВ. 1879. № 40.

тие в педагогическом надзоре, посещение уроков, экзаменов, просмотр письменных работ и доведение до инспектора народных училищ сведений об учебном процессе; однако он сам не мог делать персональных указаний или замечаний учителю¹³⁶.

Г.К. Мартиросиан писал, что на Кавказе до 1917 г. существовало всего 5 горских училищ для магометанского населения: одно — в слободе Нальчик (основано в 1861 г.) для кабардинского населения; другое — в г. Грозном (1863) для чеченцев; третье — в Майкопе (1863) для черкесов; четвертое — в пос. Назрань (1871) для ингушей; пятое — для абхазов в Сухум-кале. Далее автор подчеркивает, что осетины и ингуши охотно отдают своих детей в услужение к русским чиновникам и мещанам без всякой платы, с единственным условием — выучить ребенка читать, писать и говорить по-русски¹³⁷.

В 1920-х гг. Н.Ф. Яковлев отмечал: «Национальный центр тяжести ингушского народа как в отношении численности, так и в развитии культуры (мало-помалу) переместился на плоскость. <...> Почти все ингуши усвоили русский язык и очень многие — грамоту, которой с грехом пополам пользуются и для родного языка. <...> Русская азбука служит ингушам и для передачи на письме ингушских текстов, причем недостающие буквы пополняются массой надстрочных и подстрочных значков, изображаемых каждым ингушом по-своему. Не делалось и не делается попыток хотя бы частично ввести обучение ингушской грамотности в школах за неимением общепринятого рукописного и типографического шрифта. Даже газета для ингушей во Владикавказе издается на русском языке»¹³⁸.

Поднятая Н.Ф. Яковлевым тема была очень актуальной для ингушей, и местная интеллигенция не осталась в стороне от решения насущной проблемы ингушского общества, желавшего пользоваться наравне с русской письменностью также и ингушской. «Грамотность на родном языке есть первый шаг к просвещению», — писал Ф.И. Горепекин, который, в совершенстве владея ингушским языком и находясь в постоянном общении с местным населением, предпринял попытку создания ингушской азбуки. Его многочисленные обращения в 1920-х гг. к местным властям с просьбой решить этот вопрос при содействии как рядовых ингушей, так и интеллигенции не остались

¹³⁶ Школьная жизнь // ТВ. 1915. № 76.

¹³⁷ Мартиросиан Г.К. Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. Владикавказ, 1925. С. 19.

¹³⁸ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 574. Л. 31.

незамеченными. Данный вопрос был поднят первым комиссаром народного просвещения Терской Советской Республики — Яковом Маркусом¹³⁹. В 1918 г. Ф.И. Горелекин представил свой труд на областном съезде, где делегаты единодушно присвоили ему звание «*Нахаа-си-дар*» — «просветитель народа». Несколько лет спустя, в 1922 г., созданный им букварь был принят к изданию, а автору выдана премия в размере 1500 руб. золотом.

Как отмечал Н. Яковлев, потребность в национальной грамоте назрела. Это доказывалось появлением нескольких проектов ингушского шрифта, разработанных параллельно. Это проекты Заурбека Мальсагова (латинский шрифт), Магомед Джабогиева (арабский шрифт), Магомед Альтемирова (русско-усларовский алфавит)¹⁴⁰.

Но в связи с начавшейся 1920—1930-е годы кампанией по переводу письменностей народов СССР на латиницу, все работы предыдущих авторов, кроме алфавита, составленного на основе латинского шрифта ингушским лингвистом З.К. Мальсаговым, были отклонены. Книги и местная газета стали издаваться на основе алфавита, составленного З.К. Мальсаговым¹⁴¹.

¹³⁹ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 161. Л. 1.

¹⁴⁰ Там же. Д. 574. Л. 32.

¹⁴¹ Там же. Д. 161. Л. 1 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор и анализ письменных источников конца XVIII — первой четверти XX в. позволяет подвести некоторые итоги этнографического изучения ингушского народа в указанный период.

Нужно отметить, что организованный и систематический сбор материала начался с академических экспедиций XVIII в., включивших Кавказ в обширную сеть организованных тогда научных экспедиций. Наиболее основательные и систематизированные материалы появляются в ходе и по завершении академических экспедиций. Их непреходящее значение заключается в том, что они большей частью были написаны на основании непосредственных наблюдений их участников.

С этого времени и на протяжении последующих десятилетий неизменно расширялись и умножались этнографические сведения об ингушском народе.

Интересные и любопытные сведения оставили и иностранные авторы, несмотря на то что они не всегда были последовательны в своих оценках и суждениях, вследствие чего научная ценность их известий нередко существенно снижается. Тем не менее эти материалы позволяют вносить некоторые коррективы в освещение различных этнографических фактов.

Необходимо выделить и некоторые общие работы, касающиеся описания Кавказа в целом, — это исследования С.М. Броневского, П.Г. Буткова, И.Ф. Бларамберга, Н.Ф. Дубровина. Эти авторы обрабатывали накопленный в первой половине XIX в. литературный и архивный материал и составили подробные очерки о народах Кавказа.

Объектом специального исследования ингуши стали во второй половине XIX в. Это было связано с завершением Кавказской войны и необходимостью более тщательного изучения местных народов, с которыми предстояло жить бок о бок. Первые специальные работы об ингушах принадлежат Н.Ф. Грабовскому, Ч. Ахриеву, Н.Н. Харузину, К.И. Борисевичу, Б.К. Далгату, Г.А. Вертепову, Н.П. Тульчин-

скому и др. Эти труды легли в основу всех последующих исследований по истории и этнографии народа.

С середины XIX в. разнообразные материалы историко-этнографического характера начали появляться в периодической печати, как в региональной, так и центральной. Особую ценность как историко-этнографический источник представляют местные газеты, в которых имеются интересные сведения о гражданской и уголовной ответственности местного населения за содеянные преступления. Ценны и содержательны сведения местной хроники, где печатались различные этнографические материалы.

Однако, несмотря на разнообразие имевшихся к концу XIX в. источников и материалов по истории и этнографии ингушей, ни одной сводной работы, посвященной ингушскому народу, в это время и в начале XX в. не появилось. Все опубликованное тогда ограничивалось отдельными тематическими статьями.

Новый виток в этнографическом изучении ингушского народа наступил в 20—30-х гг. XX в., когда появились специальные работы Н.Ф. Яковлева, А.Н. Генко, Г. Мартиросиана, Е.М. Шиллинга, Л.П. Семенова, М.Л. Тусикова, посвященные ингушскому народу и основанные как на полевых исследованиях авторов, так и на обширном литературном и архивном материале.

Ценные историко-этнографические сведения содержат сохраненные в архивах военно-статистические, военно-топографические материалы, деловая переписка, отчеты, высочайшие указы, рескрипты, манифесты и др.

Сведения, полученные в результате изучения различных источников, позволили сгруппировать весь имеющийся материал в следующие тематические блоки: «Территория расселения и населенные пункты»; «Административно-судебная и военная реформы второй половины XIX — начала XX в.»; «Общественные и семейные отношения»; «Земледелие и порядок землепользования»; «Скотоводство»; «Жилище»; «Пища»; «Одежда»; «Традиционные религиозные верования ингушей»; «Образование». Все указанные темы раскрыты в работе с различной степенью полноты.

Подводя краткие итоги анализа имеющегося материала, можно резюмировать результаты дореволюционного историко-этнографического изучения ингушского народа с точки зрения того, какие этнографические темы или какие стороны культуры народа и в какой мере оказались описанными и изученными или же были обойдены вниманием исследователей. Наиболее изучены религиозные верования,

особенно в контексте христианского влияния на религиозную составляющую жизни народа. Подробно описано обычное право, так как эта тема была актуальна и важна не только для научных целей, но и для успешного управления краем. Менее всего в письменных источниках описаны народные промыслы, ремесла, народные праздники, этикет. Существенным пробелом является и отсутствие работ по народной медицине.

В заключение подчеркнем, что наша работа представляет собой первый опыт сбора материала по истории и этнографии ингушского народа. Несомненно, источников по теме может быть больше тех, что представлены в работе. Их выявление и анализ составят задачу будущих исследований. Надеемся, что данная работа послужит хорошим подспорьем для исследователей в данной области и побудит их к новым изысканиям.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 72.

Ф. 52. Оп. 2. Д. 32.

Ф. 482. Оп. 1. Д. 20.

Ф. 482. Оп. 1. Д. 192.

Рукописный отдел Российской государственной библиотеки им. В.И. Ленина (РО РГБ)

Ф. 169. П. 81. Д. 7.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН)

Ф. 3. Оп. 33. Д. 5.

Ф. 94. Оп. 1. Д. 19.

Ф. 94. Оп. 2. Д. 2.

Ф. 94 Оп. 1. Д. 197.

Ф. 100. Оп. 1. Д. 44.

Ф. 135. Оп. 2. Д. 342.

Ф. 783. Оп. 1. Д. 4.

Ф. 783. Оп. 1. Д. 5.

Ф. 800. Оп. 6. Д. 572.

Ф. 800. Оп. 6. Д. 574.

Ф. 800. Оп. 6. Д. 575.

Ф. 800. Оп. 1. Д. 1458.

Ф. 800. Оп. 6. Д. 154.

Ф. 800. Оп. 6. Д. 155.

Ф. 800. Оп. 6. Д. 156.

Ф. 800. Оп. 6. Д. 157.

Ф. 800. Оп. 6. Д. 158.

Ф. 800. Оп. 6. Д. 159.

Ф. 800. Оп. 6. Д. 160.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 37. Оп. 55. Д. 69.

Ф. 381. Оп. 46. Д. 180.

Ф. 573. Оп. 20. Д. 612.
Ф. 573. Оп. 7. Д. 37.
Ф. 744. Оп. 1. Д. 147.
Ф. 797. Оп. 2. Д. 1.
Ф. 797. Оп. 10. Д. 27208.
Ф. 866. Оп. 1. Д. 35.
Ф. 1263. Ж.з. 1898. 9 июля. Ж.ст. 623.
Ф. 1263. Ж.з. 1898. 13 авг. Ж.ст. 856.
Ф. 1268. Оп. 1. Д. 3.
Ф. 1268. Оп. 1. Д. 292.
Ф. 1268. Оп. 1. Д. 912.
Ф. 1268. Оп. 1. Д. 3116.
Ф. 1268. Оп. 15. Д. 2.
Ф. 1268. Оп. 15. Д. 97.
Ф. 1268. Оп. 15. Д. 143.
Ф. 1268. Оп. 21. Д. 57.
Ф. 1276. Оп. 6. Д. 39.
Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1136.
Ф. 1276. Оп. 9. Д. 849.

**Российский государственный архив
Военно-морского флота (РГА ВМФ)**

Ф. 3. Оп. 23. Д. 417.
Ф. 3. Оп. 23. Д. 418.
Ф. 3. Оп. 23. Д. 422.
Ф. 3. Оп. 23. Д. 428.
Ф. 3. Оп. 23. Д. 431.
Ф. 19. Оп. 4. Д. 376.
Ф. 19. Оп. 4. Д. 381.

**Центральный государственный архив
Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.)**

Ф. 381. Оп. 1. Д. 588.
Ф. 706. Оп. 1. Д. 1837.

**Архив Петербургского отделения
Института истории РАН (АПОИИ РАН)**

Ф. 36. Оп. 1. Д. 442.

Архив Музея С.М. Кирова СПб. (АМ С.М. Кирова)

V-86.

V-512.

**Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
(ОР РНБ)**

FXVII. № 43.

AI. 59.

Ф. 73. Д. 844.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРХИВЫ

**Государственная архивная служба
Республики Ингушетия (ГАС РИ)**

X-23.

X-56.

X-97.

X-112.

**Центральный государственный архив Республики
Северная Осетия — Алания (ЦГА РСО—Алания)**

Ф. 11. Оп. 15. Д. 641.

Ф. 11. Оп. 28. Д. 100.

Ф. 11. Оп. 52. Д. 849.

Ф. 11. Оп. 58. Д. 2899.

Ф. 11. Оп. 603. Д. 53.

Ф. 11. Оп. 609. Д. 53.

Ф. 12. Оп. 6. Д. 1243.

Ф. 102. Оп. 1910. Д. 63512.

Ф. 123. Оп. 8. Д. 1015.

Ф. 123. Оп. 1. Д. 831.

Ф. 123. Оп. 1. Д. 80.

Ф. 123. Оп. 1. Д. 1153.

Ф. 149. Оп. 1. Д. 391.

Ф. 245. Оп. 1. Д. 36.

**Архив Ингушского государственного музея краеведения
(АИГМК)**

П. 38.

П. 77.

П. 86.

Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК)

Т. I. Тифлис, 1866. № 1101.

Т. I. Тифлис, 1866. № 1.

Т. II. Тифлис, 1868. № 416.

Т. III. Тифлис, 1870. № 1.

Т. III. Тифлис, 1870. № 96.

Т. III. Тифлис, 1870. № 386.

Т. III. Тифлис, 1870. № 387.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 117.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 624.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 628.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 646.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1343.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1368.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1378.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1379.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1380.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1381.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1382.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1388.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1389.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1394.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1418.

Т. IV. Тифлис, 1872. № 1834.

Т. V. Тифлис, 1873. № 82.

Т. V. Тифлис, 1873. № 446.

Т. V. Тифлис, 1873. № 555.

Т. V. Тифлис, 1873. № 610.

Т. V. Тифлис, 1873. № 824.

Т. VI. Тифлис, 1875. № 512.

Т. VI. Тифлис, 1875. № 534.

Т. VI. Тифлис, 1875. № 537.

Т. VI. Тифлис, 1875. № 539.

Т. VI. Тифлис, 1875. № 541.

Т. VI. Тифлис, 1875. № 554.

Т. VI. Тифлис, 1875. № 560.
Т. VI. Тифлис, 1875. № 563.
Т. VI. Тифлис, 1875. № 646.
Т. VI. Тифлис, 1875. № 890.
Т. VI. Тифлис, 1875. № 891
Т. VI. Тифлис, 1875. № 88.
Т. VI. Тифлис, 1875. № 89.
Т. VI. Тифлис, 1875. № 795.
Т. VI. Тифлис, 1875. № 880.
Т. VI. Тифлис, 1875. № 888.
Т. VII. Тифлис, 1878. № 303.
Т. VII. Тифлис, 1878. № 304.
Т. VII. Тифлис, 1878. № 305.
Т. VII. Тифлис, 1878. № 581
Т. VIII. Тифлис, 1881. № 567.
Т. VIII. Тифлис, 1881. № 578.
Т. VIII. Тифлис, 1881. № 579.
Т. VIII. Тифлис, 1881. № 580.
Т. VIII. Тифлис, 1881. № 597.
Т. VIII. Тифлис, 1881. № 598.
Т. VIII. Тифлис, 1881. № 599.
Т. VIII. Тифлис, 1881. № 600
Т. VIII. Тифлис, 1881. № 602.
Т. VIII. Тифлис, 1881. № 605.
Т. IX. Тифлис, 1884. № 143.
Т. IX. Тифлис, 1884. № 255.
Т. IX. Тифлис, 1884. № 375.
Т. IX. Тифлис, 1884. № 376.
Т. IX. Тифлис, 1884. № 377.
Т. IX. Тифлис, 1884. № 593.
Т. X. Тифлис, 1885. № 325.
Т. X. Тифлис, 1885. № 387.
Т. X. Тифлис, 1885. № 340.
Т. X. Тифлис, 1885. № 475.
Т. XI. Тифлис, 1886. № 561.
Т. XI. Тифлис, 1886. № 980.
Т. XII. Тифлис, 1904. № 952.
Т. XII. Тифлис, 1904. № 1089.
Т. XII. Тифлис, 1904. № 1100.
Т. XII. Тифлис, 1904. № 1108.
Т. XII. Тифлис, 1904. № 1124.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абазатов М.А. О вреде пережитков шариата и адатов в Чечено-Ингушетии и путях их преодоления. Грозный, 1963.

Абдулвахабова Б.Б. Традиционная мужская одежда вайнахов в XVI — начале XIX в. // Культура Чечни. М., 2002.

Агаджанов Ю.Г. Из истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа с пережитками прошлого в сознании и поведении людей (1921–1929 годы) // Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в период социалистического преобразования народного хозяйства (1917–1937 годы). Грозный, 1979.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: Жизнь и учение. Грозный, 1994.

Акимов В.Н. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М., 1888.

Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах: сб. документов / сост. Л.М. Парова; ред. Т.Х. Муталиев. Назрань, 1995.

Албакова Ф.Ю. Проблемы развития традиционной культуры вайнахов: учеб. пособие. М., 1999.

Албогачиев Р.Ш. Шейх Овлия Батал-Хаджи Белхороев. Нальчик, 2010.

Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения: сб. ст. / отв. ред. С.А. Штырков. СПб., 2007.

Алборов Б.А. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды» // Алборов Б.А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979.

Алборов Б.А. Ингушское Гальерды и осетинское Аларды (К вопросу об осетино-ингушских культурных взаимоотношениях) // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928. Вып. 1.

Алдар. О сословных правах горцев // Новое обозрение. 1893. № 3230.

Александров А.А. Месть (Рассказ из нравов и обычаев ингушей) // ТВ. 1905. № 272–274.

Аликберов А.К. Еще раз о так называемой «Кавказской разновидности суфизма» (мюридизме) // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.: материалы Всесоюз. науч. конф. 20–22 июня 1989 г. Махачкала, 1994.

Алироев И.Ю. К вопросу о роли древнейшей религии вайнахов в пропаганде научного атеизма // Социология, атеизм, религия. Грозный, 1972. Т. I. С. 156–167.

Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.

Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990.

Алироев И.Ю., Куркиев А.С. Русский язык в культурно-языковой жизни Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.

Альтемиров М. Ингуши: исторический очерк // Жизнь национальностей. 1919. № 15 (23).

Арсанукаева М.С. Преступление и наказание в обычном праве чеченцев и ингушей во второй половине XIX — начале XX вв. // История государства и права. М., 2002. № 5.

Асиятилов С.А. К вопросу о так называемом «Кавказском мюридизме» // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.: материалы Всесоюз. науч. конф. 20–22 июня 1989 г. Махачкала, 1994.

Аталиков В.М. Иностранные европейские нарративные источники XIII–XVIII вв.: дис. Л., 1983.

Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996.

Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период XI — начало XX в. Грозный, 1979.

Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1987.

Ахриев Ч. Из чеченских сказаний // Сборник свед. о кавказских горах. Тифлис, 1870. Т. IV. Отд. II.

Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис, 1875. Т. VIII.

Ахриев Ч. Ингушские каши // ТВ. 1871. № 17.

Ахриев Ч. Нравственное значение присяги у ингушей // ТВ. 1871. № 21.

Ахриев Ч. Об ингушских женщинах // ТВ. 1871. № 31.

Ахриев Ч. О характере ингушей // ТВ. 1871. № 31.

Ахриев Ч. Похороны и поминки у горцев // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III.

Ахриев Ч. Присяга у ингушей // ТВ. 1871. № 20.

Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа // ТВ. 1872. № 30.

Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа // ТВ. 1872. № 32.

Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа с приложением его сказок и преданий // ТВ. 1872. № 28.

Б.Д. Жертвоприношение на Столовой горе // ТВ. 1893. № 75.

Бабиц И.Л. Этапы распространения ислама в Кабарде и Балкарии (XI–XX вв.) // Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003.

Баев Г. Ингуши. (К жизни горцев) // Кавказский вестник 1901. № 10.

Базоркин А. Горское паломничество // ССКГ. 1875. Вып. VIII.

Базоркин М.М. Памятники Средневековья в горной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964.

Балкаров Б.Х. Адыго-вейнахские языковые встречи // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Грозный, 1966.

Бараниченко П.И., Виноградов В.Б. Роль жречества у средневековых вайнахов // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1978.

Бараниченко Н.Н., Виноградов В.Б. Христианизация как фактор социально-политической истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

Безпристрастный П. Наблюдения и заметки // ТВ. 1907. № 5.

Белобородов А. Земледелие в Терской области // ТВ. 1895. № 108

Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. 1578–1613 гг. М., 1889. Вып. I.

Берже А.П. Кавказ в археологическом отношении. Тифлис, 1874.

Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Берже А.П. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879.

Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.

Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Ставрополь, 1992.

Блиев М.М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.

Борусевич К.И. Сектантство среди ингушей // ЭО. 1893. Кн. 18. № 3.

Борусевич К.И. Черты православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. 1899. № 1–2.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб.

Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980.

Бунак В.В. Антропологическое изучение чечено-ингушского народа // Грозненский рабочий. 1935. № 152.

Бутаев К. Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // Жизнь национальностей М., 1923. Кн. 2.

Бутков П.Г. Из описания ингушей // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Т. 1.

Бывальей. Начало Владикавказа // ТВ. 1911. № 71.

Вартапетов А.С. Проблемы родового строя чеченцев и ингушей // СЭ. 1932. № 4.

Вахушти Б. География Грузии // ЗКО РГО. Тифлис, 1904. Кн. XXV. Вып. V.

Вачагаев М. Тарикаты и вирды Ингушетии // Историко-культурный журнал "PROMETHEUS". 2010. 10 февр. № 4.

Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный, 1990.

Вердеревский Е. О народных праздниках и праздничных обыкновениях христианского населения за Кавказом и преимущественно в Тифлисе // Кавказ. 1855. № 2.

Вертепов Г.А. Сектантство в Чечне // Записки терского общества любителей казачьей старины. 1914. № 2.

Вертепов Г. Ингуши // ТС. Владикавказ, 1892. Вып. 2.

Виноградов В.Б. И слава пережила его. (Биография научного поиска) // Грозненский рабочий. 1966. 19 нояб. № 119.

Виноградов В.Б. Эпиграфические памятники Чечено-Ингушетии // Новые материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

Виноградов В.Б., Абдулшахбаева Б.Б.-А., Чахкиев Д.Ю. «Солнечный гребень» ингушских женщин (о парадном головном уборе кур-харс) // СЭ. 1985. № 3.

Виноградов В.Б., Бараниченко Н.Н. Об одном аспекте грузино-вайнахских взаимоотношений в XVI–XVII вв. // Известия АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1980. № 3.

Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1966. Т. 7. Вып. 1.

Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Иранские элементы в топонимии и гидропонимии Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1966. Т. 8. Вып. 2 (Языкознание).

Висковатов А. С Казбека // Русский вестник. 1865. Т. 12.

Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. СПб., 1851. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния.

Волкова Н.Г. Из Северо-Кавказской этнонимии // Ономастика Кавказа: сб. ст. Махачкала, 1976.

Волкова Н.Г. О расселении чеченцев и ингушей в первой половине XIX века // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1966. Т. 7. Вып. 1 (История).

Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX вв. М., 1974.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Воронов Н. Исторические примечания // Кавказский календарь. 1867.

Г.В. Этюды об ингушах // ТВ. 1891. № 20.

Г.М.З. Местные известия // ТВ. 1879. № 40.

Гаджиева С.Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967.

Галгай. О галгаях // Кавказский горец. Прага, 1924.

Ганн К.О. Картины главных кавказских рек // Кавказский вестник. 1901. № 5.

Гарсаев А.М. Из чеченского религиозного поэтического наследия: назмы — духовные песнопения в обрядовой практике // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. М., 1998.

Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. V.

Географический месяцеслов на 1772 г. СПб., 1772.

Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 1—4.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. М., 2007.

Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. / пер. Т.К. Шафрановской; ред. Ю.Ю. Карпов. СПб., 2002.

Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.

Горепекин Ф.И. «Мага-ерда» (языческий бог-покровитель у ингушей) // ТВ. 1909. № 81, 82, 84, 86.

Грабовский Н.Ф. Горский участок Ингушского округа в 1865 г. // ТВ. 1868. № 21—26; 1869. № 28.

Грабовский Н.Ф. Ингуши (Их жизнь и обычаи) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX.

Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III.

Грамотность в Терской области // ТВ. 1914. № 130, 132.

Гребенец Ф.С. Борга-Каш. (Могила Борган-Хана) // ТВ. 1913. № 223.

Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков: Их взаимное влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969.

Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972.

Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Северо-Кавказского краевого НИИ. Владикавказ, 1930.

Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. III. Кн. 2.

Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев. М., 2004. [Дополненное издание — У.Д.]

Далгат Б.К. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // ИИНИИ. Владикавказ, 1934. Вып. II.

Далгат Б. К. Страничка из северокавказского богатырского эпоса: Ингушско-чеченские сказания о нартах, великанах и героях, записанные

со слов стариков-ингушей в 1892 г. // Этнографическое обозрение. 1901. Кн. I. 36.

Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Ростов н/Д, 1925.

Джанашивили М.Г. Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России. Тифлис, 1897.

Дмитриев В.А. Вайнахские народы: чеченцы и ингуши // Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы. СПб., 2002.

Долгиев А.-Г. Несколько слов о Назрановской горской школе // ТВ. 1870. № 7.

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1.

З-бов М. О калыме // ТВ. 1879. № 19.

Записки Терского общества любителей казачьей старины по поводу запроса наместнику Кавказа // ТВ. 1910. № 278.

Зелькина А. Ислам в Чечне до российского завоевания // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. Вып. 3.

Землеустройство горских народов // Советский Кавказ. 1920. № 60.

Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1874.

Зубов П.П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях: в 4 ч. СПб., 1834—1835.

Иванов М.А. В горах между р. Фортангой и Аргуном // ИКО ИРГО. Тифлис, 1904. Т. XVII. Вып. 1.

Иг-ев М. Из селения Сагопш // ТВ. 1885. № 73.

Ингушетия и Ингуши / сост. М.М. Яндиева. Назрань; М., 1999. Т. I.

Ингушские народные приговоры // ТВ. 1907. № 97.

Ипполитов А.И. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.

Ипполитов А.И. Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I.

История народов Северного Кавказа, конец XVIII в. — 1917 г. М., 1988.

К изучению исламской идеологии в Чечне конца XVIII в.: Воззвания имама Мансура / предисл., публ. и коммент. Я.З.Ахмадова // Научная мысль Кавказа. 1999. № 1.

К-нь Вл. Под Казбеком // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 10.

Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995.

Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в 1889 г. Тифлис, 1889.

Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003.

Калдани А.М. Отчет этнографических экспедиций по изучению грузино-вайнахских культурно-исторических взаимоотношений // Полевые этнографические разыскания. Тбилиси, 1988.

Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. № 1.

Калоев Б.А. Осетино-вайнахские этнокультурные связи // Кавказский этнографический сборник. М.; Л, 1989. Т. IX.

Калоев Б.А. Поездка в Чечено-Ингушскую АССР // Советская этнография. 1958. № 4.

Каменная летопись страны вайнахов: Памятники архитектуры и искусства Чечни и Ингушетии: [Фотоальбом] / сост. М.А. Азиев, Д.Ю. Чахкиев; авт. текста В.И. Марковин. М., 1994.

Каратаева М.А. Из опыта работы областной партийной организации Чечено-Ингушетии по созданию социально-экономических и политических условий преодоления религиозных пережитков в первые годы советской власти (1920—1925 гг.) // Деятельность Чечено-Ингушской областной партийной организации в период борьбы за победу социализма. Грозный, 1979.

Каратаева М.А. Реакционная идеология мусульманского духовенства Чечено-Ингушетии и борьба с ней в 1920—1931 гг. // Социология, атеизм, религия. (Изв. Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы; [Сер.] Научный атеизм. Т. I. Вып. 1). Грозный, 1972.

Карнов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

Карнов Ю.Ю. Женский лик Кавказа // Россия и Кавказ. СПб., 2003.

Карнов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа / ред. Е.В. Иванова. СПб., 2001.

Каталог I Терской сельскохозяйственной выставки // ТВ. 1898. № 115.

Кланрот Ю. Путешествие на Кавказ и Грузию предпринятое в 1807 и 1808 годах // Архивный вестник. Назрань, 2005. Вып. II.

Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982.

Ковалевский М. Поклонение предкам у кавказских народов // Кавказ 1902. № 107.

Ковалевский П.И. Народы Кавказа. СПб., 1914. Т. I.

Кодзоев Н.Д. Магас: по археологическим и письменным источникам. Магас, 2003.

Кодзоев Н.Д. Назрановское восстание 1858 г. // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2005. Вып. 3.

Кокурхаев К.-С.А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (вторая половина XIX — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1983.

Кокурхаев К.-С.А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989.

Кокурхаев К.А. Особенности судостроительства в Чечено-Ингушетии в первые годы советской власти // Проблемы социалистической законности. Харьков, 1987. Вып. 19.

Кокурхаев К.А. Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977.

Копелевич Ю.Х. Иоганн Антон Гильденштеди. М., 1999.

Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Вып. 1; 1958. Вып. 2; 1962. Вып. 3.

Костоева Л.С. Социальная догматика и этика секты зикристов в Чечено-Ингушетии // Учен. зап. Института истории, языка и литературы им. Г. Цада-сы. Махачкала, 1969. Т. XIX.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Крупнов Е.И. К истории ингушей // Вестник древней истории. М., 1939. № 2/7.

Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

Кудусова-Далакова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей (конец XIX — начало XX в.). Ростов н/Д, 2005.

Кунта-Хаджи. Поучения достойного шейха и совершенного устаза Кун-та-хаджи чеченского... [Религиозный памятник XIX в.] / введ., пер. с араб. и чеч. А.М. Герасаева // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. 2001. № 13. Востоковедение.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией XVI — 30-е гг. XVII в. М., 1963.

Лавров Л.И. К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. 5.

Лавров Л.И. Памяти А.Н. Генко // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. 5.

Лавров Л.И. Этнография Кавказа: (По полевым материалам 1924–1978 гг.). Л., 1982.

Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. 1872. № 6.

Лакхматов Ш.Б. Из истории развития земледелия и животноводства у чеченцев и ингушей в XVIII — начале XIX в. // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом XIII — начале XX в. Грозный, 1982.

Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. I; 1883. Вып. II.

Лисицина Г.Г. Обзор основных источников по истории российской политики на Кавказе в XIX веке // Россия и Кавказ. СПб., 2003.

Магомедов Р.М. У истоков имамата // Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997.

Мадаева З.А. Летне-осенние календарные обычаи и обряды вайнахов и их связь с хозяйственным бытом (конец XIX — начало XX вв.) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

Максимов С. Русские горы и кавказские горцы // Край крещеного света. СПб., 1914. Вып. IV.

Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.

Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.

- Малинин Л.В.* О свадебных платежах и о приданом // ЭО. 1890. № 3.
- Мальсагов А.* Край вейнахов — Чечено-Ингушетия. [Очерк] // Дружба народов. 1969. № 4.
- Мансуров Н.С.* Обычный суд у осетин: историко-юридический очерк // Каспий. 1894. № 58.
- Марсграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.
- Марков Е.* Кавказ в его прошлом и настоящем // Живописная Россия. СПб., 1883. Т. 9.
- Маркова О.П.* Восточный кризис 30-х — начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки. 1953. Вып. 42.
- Марковин В.И.* В стране вайнахов. М., 1969.
- Марковин В.И.* В ущельях Аргуна и Фортапги. М., 1965.
- Мартиросиан Г.К.* История Ингуши. Орджоникидзе, 1933.
- Мартиросиан Г.К.* Нагорная Ингушетия. Владикавказ, 1928.
- Мартиросиан Г.К.* Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. Владикавказ, 1925.
- Матиев А.* Великий Шейх из Сурхахов. Назрань, 2006.
- Межидов Д.Д.* Мудрость обычая: (Обычаи, традиции вайнахов). Грозный, 1989.
- Межидов Д.Д.* Преодоление религиозно-адатских пережитков в современной семье // Социология, атеизм, религия. ([Изв.] Чечено-Ингушский НИИ истории, языка и литературы [Сер. «Научный атеизм»]. Т. II. Вып. 1). В Чечено-Ингушетии 70-х гг. XX в. Грозный, 1976.
- Межидов Д.Д., Мугадиев З.Д.* Некоторые вопросы идеологии современного мюридизма в Чечено-Ингушетии и проблемы научно-атеистического воспитания // Ислам и современная идеологическая борьба: межвуз. сб. ст. Махачкала, 1985.
- Местные известия // ТВ. 1880. № 11.
- Месхидзе Дж.* К истории суфизма на Кавказе: Историографический обзор // Среднеазиатско-Кавказские (Лавровские) чтения. 1993. СПб., 1994.
- Месхидзе Дж.* Малоизвестные страницы Дагестано-Чеченской экспедиции 1923 г.: (Материалы А.Ю. Бальшина) // Кунсткамера. СПб., 1998. Вып. 12.
- Миллер В.Ф.* Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. I.
- Многоликая Ингушетия / сост. М.С.-Г. Албогачиева. СПб., 1999.
- Москвин Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Военно-Грузинской дороге. Владикавказ, 1907.
- Мугуев Х.* Ингушетия: Очерки. М., 1931.
- Мужухоев М.Б.* Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии // Археологические открытия 1974 г. М., 1975.
- Мужухоев М.Б.* Исследование средневековых погребальных и культовых памятников Чечено-Ингушетии // Археологические открытия 1973 г. М., 1974.
- Мужухоев М.Б.* Проникновение христианства к вайнахам // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.

Мужухоева Э.Д. Организация управления Чечено-Ингушетии в 40–60-е гг. XIX века // *Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XX в.). Грозный, 1982.*

Мустафинов М.М. Антинаучность идеи о тождестве национального и религиозного. Грозный, 1975.

Мустафинов М.М. Современные течения зикризма и их ритуальные обряды // *Социология, атеизм, религия. ([Изв.] Чечено-Ингушский НИИ истории, языка и литературы [Сер. «Научный атеизм»]. Т. II. Вып. 1). Грозный, 1976.*

Нагорная полоса Терской области // *ТВ. 1909. № 280.*

Народы Кавказа / под ред. М.О. Косвена и др. // *Народы мира. М., 1960. Т. I.*

Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области // *ТВ. 1910. № 44, 45.*

О горских словесных судах // *Терек. 1882. № 22–23.*

Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003.

Осетины глазами русских и иностранных путешественников / сост., предисл. и коммент. Б.А. Калоева. Орджоникидзе, 1967.

Открытие Назрановского 2-классного училища // *ТВ. 1868. № 9.*

Отрывок из «Исповеди» Лачинова // *Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. II.*

Очевидец. Народный праздник в селении Базоркинском // *ТВ. 1897. № 47.*

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. I.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. С древнейших времен до наших дней. Грозный, 1972. Т. II: 1917–1970.

Ошаев Х. Юридиказм в Чечне // *Революция и горец. 1930. № 9–10.*

Паллас П.С. Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793–1794 гг. // *Аталиков В.М.* Наша старина. Нальчик, 1996.

Пантюхов И. Ингуши // *ИКО ИРГО. Тифлис, 1900. Вып. XIII.*

Первая сессия Федкозема при Наркомнаце // *Жизнь национальностей. М., 1923. Кн. 2.*

Первые годы советской власти // *Проблемы социалистической законности. Харьков, 1987. Вып. 19.*

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали; Владикавказ, 1981–2006. Вып. 1–6.

Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // *Вопросы истории. 1956. № 3.*

Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. М.; Л., 1926.

Полиевктов М.А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.

Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII–XVIII в. по Кавказу. Тифлис, 1935.

Похищение невесты у горцев Терской области // *ТВ. 1891. № 51.*

Празднование столетия в колонии Карасс // *ТВ. 1906. № 153.*

Пронштейн А.П. Материалы о народах Северного Кавказа XV–XVIII веков в советских архивах // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Обществ. науки. 1978. № 2.

Публичный акт в Назрановской горской школе // ТВ. 1881. № 26.

Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 и 1808 годах, содержащее полное описание Кавказских стран и ее жителей, Юлиуса Клапрота. Галле; Берлин, 1814. Т. 2.

Раздольский С.А. Миссионерская деятельность православной церкви на Северном Кавказе в XIX — начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1957.

Решетин Н. Как поднять экономическое положение горцев? // ТВ. 1910. № 77.

Решетин Н. Положение животноводства в Терской области и меры к его поднятию // ТВ. 1910. № 211.

Решетин Н. Тавричане-овцеводы и горцы // ТВ. 1910. № 60.

Российская академия наук: Персональный состав, 1724–1917 гг. М., 1999. Кн. 1.

Россигов К. Путевые письма // ТВ. 1885. № 60.

Русская периодическая печать: Указатели содержания, 1728–1995. СПб., 1998.

Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1976. Т. 1.

Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Орджоникидзе, 1984. Т. 2.

Саидов И.М. Этнографические заметки. Мехк-кхел // ИЧИНИИЯЛ. Грозный, 1964. Т. V. Вып. 1.

Саламов А.А. Усилить борьбу с шейхистско-адатскими пережитками // Блокнот агитатора. Грозный, 1958. № 1.

Сампиев И.М. О некоторых аспектах противостояния религиозному экстремизму в Северо-Кавказском регионе // Ислам и политика на Северном Кавказе. 2001. Вып. 1.

Сведения об учебных заведениях Терской области. Ингушский округ // ТВ. 1870. № 39.

Селезнев М.А. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847. Кн. 2.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925–27 гг. Владикавказ, 1928.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1928 и 1929 гг. Владикавказ, 1930.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–32 гг. Грозный, 1963.

Семенов Л.П. К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев // Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935.

Семенов Л.П. «Нартские памятники» в фольклоре ингушей и осетин. Владикавказ, 1930.

Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997.

Скитский Н.Д. Назрановское восстание 1858 г. // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2005. Вып. 3.

Смирнов Н.А. К вопросу об изучении мюридизма как реакционного движения на Кавказе // Вестн. Моск. ун-та. 1951. Вып. 3. № 7.

Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

Списки потомственным дворянам не казачьего сословия, проживающих в Терской области, утвержденным в сем достоинстве правительствующим Сенатом и записанным в дворянскую родословную книгу Ставропольской губернии // ТВ. 1908. № 65.

Старый солдат. «Прошлое Владикавказа» // Кавказское слово. 1910. № 167.

Статистические сведения о народонаселении, скотоводстве и хлебопашестве туземного населения Терской области за 1866 год // ТВ. 1868. № 38.

Стоянов И. Отчет о состоянии Назрановской начальной школы // ТВ. 1869. № 16.

Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992. С. 158–159.

Стрельницкий. Два узденя // Кавказ. 1846. № 20.

Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989.

Студенецкая Е.Н. Одежда чеченцев и ингушей XIX–XX вв. // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

Такоева Н. Миссионерство в системе колониальной политики царизма на севере Кавказа // Революционный Восток. 1936. № 2–3.

Танкиев А.Х. Атеистические традиции в чечено-ингушском фольклоре // Интернационализм и атеизм в литературе и фольклоре чеченцев и ингушей. Грозный, 1979.

Танкиев А.Х. Интернационалистские мотивы в фольклоре и народных обычаях чеченцев и ингушей // Интернационализм и атеизм в литературе и фольклоре чеченцев и ингушей. Грозный, 1979.

Танкиев А.Х. О календарной обрядовой поэзии вайнахов // Календарно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа: сб. ст. Махачкала, 1988.

Танкиев А.Х. Опыт исследования чечено-ингушского фольклора // Социология, атеизм, религия. Грозный, 1976. Т. II. Вып. 1.

Тираспольский Л. Можно ли понять, что такое суфизм? // Наука и религия. 1996. № 6.

Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911.

Токарев С.А. История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М., 1966.

Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958.

300 путешественников. М., 1966.

Тройно Ф.П. Документальные источники об арендных отношениях у горцев Северного Кавказа в досоветский период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1983.

Труды Комиссии по исследованию современного положения земледользования и землеведения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.

Тульчинский Н. К вопросу о положении ингушей среди горцев Терской области // ТВ. 1902. № 30–35.

Тусиков М.Л. Ингушетия: экономический очерк. Владикавказ, 1926.

Умаров С.Ц. О некоторых аспектах этиизации отдельных христианских культов в Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

Умаров С.Ц. О роли исламского фактора в освободительной борьбе народов Чечено-Ингушетии // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.: материалы Всесоюз. науч. конф. 20–22 июня 1989 г. Махачкала, 1994.

Ученый, ставший гордостью Осетии: [о выдающемся-ученом гуманитарии, литературоведе, искусствоведе Леониде Петровиче Семенове] // Северная Осетия. 2004. 2 апр.

Фадеев А.[В.] Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // Вопросы истории. 1951. № 9.

Фадеев А.В. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке // Вопросы истории. 1955. № 6.

Фадеев А.В. О некоторых социально экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Грозный, 1960. Т. III. Вып. I.

Хайманова И. Леонид Петрович Семенов // Человек и книга: страницы истории Национальной научной библиотеки РСО–А (1985–2005) / сост. И. Хайманова. Владикавказ, 2005.

Ханбабаев К.М. Мюридизм в Дагестане в XIX — начале XX в. // Ислам в Дагестане: межвуз. сб. ст. Махачкала, 1994.

Ханбабаев К.М. Мюридизм и межнациональные отношения // Религия и межнациональные отношения: межвуз. сб. ст. Махачкала, 1990.

Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в Горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968

Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник сведений о Терской области М., 1888.

Харузин Н.Н. По горам Кавказа // Вестник Европы. 1888.

Хасиев С.А. К традиционному отсчету времени у вайнахов // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.

Хетагурова Т. Путевые заметки. URL: <http://www.darial-online.ru>.

Хицунов П. О духовной осетинской школе в Моздоке // Кавказ. 1846. № 13.

Хозиев Б. Проповедник дружбы народов // Северная Осетия. 1989. 17 нояб.

Христианович В.П. Горная Ингушетия (к материалам по экономике горного ландшафта) // Труды Северо-Кавказской ассоциации НИИ. Ростов н/Д, 1928.

Хуцишвили Л.К. Из грузино-вейнахских культурно-исторических взаимоотношений: [этнографические заметки] // Очерки этнографии горной Чечни. Тбилиси, 1986.

Хуцишвили Л.К. Святилище св. Георгия в селе Биркиаии (Панкисское ущелье) // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1988. Т. VII.

Цаголов Г. Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1912.

Цароева М. Тушоли, последняя богиня — мать Кавказа. Париж, 2010

Цуцев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774—2004). М., 2006. С. 24.

Чеснов Я.В. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации иарода // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999

Чудинов В. Окончательное покорение Осетии. Экспедиция в Северную Осетию // Кавказский сборник. Тифлис, 1889. Т. XIII.

Чурсин Г. Свадебные обычаи обряды на Кавказе // Кавказ. 1902. № 2.

Чурсин Г.Ф. Почитание гор, скал и камней у кавказских горцев // Бюллетень Кавказского историко-археологического института. 1928. № 4.

Ш. Горский словесный суд // ТВ. 1901. № 67.

Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.

Шаги к рассвету. Адыгские писатели и просветители XIX века: избранные произведения. Краснодар, 1986.

Шамилев А.И. К вопросу о христианстве у чеченцев и ингушей // Изв. Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1963. Т. 3. Вып. 1.

Шамилев А.И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам // Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1963. Т. 3. Вып. 1.

Шамилев И. Религиозные верования чеченцев и ингушей и пути их преодоления: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Грозный, 1963.

Шатихин Б. Из селения Сагопш // ТВ. 1890. № 55.

Шёгрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 28.

Шерипов З. О тех, кого называли абреками. Грозный, 1927.

Шиллинг Г. Культ Тушоли у ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института. 1935. Т. IV. Вып. 2.

Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. III.

Шилов А.А., Карнаухов М.Г. Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: в 5 т. М., 1928. Т. I. Ч. 2.

Школьная жизнь // ТВ. 1915. № 76.

Штедер Л.Л. Дневник путешествия в 1781 г. от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996.

- Щетехин К.Б.* Примирение кровников // ТВ. 1898. № 152.
- Я.Т.* Местечко Назрань // ТВ. 1907. № 27.
- Яблонский А.* Ответственность невинных // Родные картинки. М., 1912. Т. 2.
- Яковлев Н.Ф.* Вопросы изучения чеченцев и ингушей: лекция, читанная 17 апр. 1927 г. на объединенном собрании чеченских и ингушских землячеств студентов г. Москвы. Грозный, 1927.
- Яковлев Н.Ф.* Ингуши. Популярный очерк. М.; Л., 1925.
- Яковлев Н.Ф.* Ингуши. Популярный очерк // Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. Саратов, 1996.
- Яковлев Н.Ф.* К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и Ингуши // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Ростов н/Д, 1928.
- Яковлев Н.Ф.* Новое в изучении Северного Кавказа // Новый Восток. М., 1924.
- Яковлев Н.[Ф.]* Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей // Многоликая Ингушетия / сост. М.С.-Г. Албогачиева. СПб., 1999.

ИСТОЧНИКИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich Russischen General-Lieutenant Johann von Blaramberg. Berlin, 1872.
- Georgi J.G.* Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung und übrigen Merkwürdigkeiten. St. Petersburg, 1776. (2-е изд. Leipzig, 1782).
- Güldenstädt J.A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge / hrsg. von P.S. Pallas. St. Petersburg, 1787. Bd. I; 1791. Bd. II.
- Güldenstädt J.A.* Reisen durch Georgien und Imerethi / Aus seinen Papieren gänzlich umgearbeitet und herausgegeben... von J. von Klaproth. Berlin, 1815.
- Klaproth G.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Halle; Berlin, 1812–1814.
- Klaproth G.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien unter Nommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle; Berlin, 1818. Bd. 1.
- Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die sublichen Statthallerschaften des russischen, in die Jahre 1793 und 1794. Leipzig, 1799–1801. Bd. 1–2.
- Pallas P.S.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs in den Jahren 1768–1773. St. Petersburg, 1771.
- Reineggs J.* Allgemeine historische-topographische beschreibung des Kaukasus. Gotha; St. Petersburg, 1797.
- Reise in der Krym und den Kaukasus von Moritz von Engelhardt und Friedrich Parrot. Berlin, 1815.
- [Städer.]* Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Grenzfestung Mozdok nach dem inner Caucasus unternommen worden // Neue Nordische Beyträge. 1796. Bd. 7. (Отд. изд.: St. Petersburg, 1797.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИГМК — Архив Ингушского государственного музея краеведения
АКАК — Акты Кавказской археографической комиссией
АМАЭ РАН — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
АМ С.М. Кирова — Архив Музея С.М. Кирова (Вострикова), СПб.
АПО ИИ РАН — Архив Петербургского отделения Института истории РАН
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАСРИ — Государственная архивная служба Республики Ингушетия.
ИКО ИРГО — Известия Кавказского отделения Императорского Русского географического общества
ИИНИИ — Известия Ингушского научно-исследовательского института
ИИНИИК — Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения
ИЧИНИИЯЛ — Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
ИЭ — Институт этнографии
КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения России
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МГУ — Московский государственный университет
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РО БАН — Рукописный отдел Библиотеки Академии наук
РО РГБ — Рукописный отдел Российской государственной библиотеки
СПБНИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах
ССТО — Сборник сведений о Терской области
СЭ — Советская этнография
ТВ — Терские ведомости

ТС — Терский сборник
ЦГА РСО—Алания — Центральный государственный архив Республики
Северная Осетия — Алания
ЦГА СПб. — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
СССР
ЭО — Этнографическое обозрение

Научное издание

Макка Султан-Гиреевна Албогачиева

**ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ ИНГУШСКОГО НАРОДА
В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ
КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.**

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор Т. В. Никифорова
Корректор К. С. Оверина
Компьютерный макет Н. И. Пашковской

Подписано в печать 12.07.2011. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Ньютон. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 10.
Тираж 200 экз. Заказ № 11.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Отпечатано в ООО «Издательство «Лема»»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24.
Тел. 323-67-74, e-mail: izd_lemma@mail.ru

ISBN 978-5-02-038270-1

